АЙЗЕК
АЗИМОВ

Я, РОБОТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман в новеллах «Я, робот» относится к одной из самых важных работ в истории фантастики. Сформулированные Азимовым ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ легли в основу науки об Искусственном интеллекте. Что случится, если робот начнет задавать вопросы своему создателю? Какие будут последствия программирования чувства юмора? Или возможности лгать? Где мы тогда сможем провести истинную границу между человеком и машиной? В «Я, робот» Азимов устанавливает свои Три Закона, придуманные для защиты людей от их собственных созданий, – и сам же выходит за рамки этих законов. Вместе с гениальным робопсихологом доктором Сьюзен Кэлвин мы увидим, как воплощается мечта об искусственном интеллекте и как меняется наше отношение к роботам.

- Айзек Азимов
  -
  - Вступление
  - Робби
  - Хоровод
  - Логика
  - Как поймать кролика
  - Лжец
  - Как потерялся робот
  - Выход из положения
  - Улики
  - Разрешимое противоречие
  - Об авторе
- notes
  - 1

Айзек Азимов
Я, робот

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

Руководство по роботехнике, 56-е издание, 2058 г.

Isaac Asimov
I, Robot

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1950, 1977 by the Estate of Isaac Asimov
© А. Иорданский, перевод на русский язык, 2019

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Вступление
(Перевод А. Иорданского)

Я посмотрел свои заметки, и они мне не понравились. Те три дня, которые я провел на предприятиях фирмы «Ю. С. Роботс», я мог бы с таким же успехом просидеть дома, изучая энциклопедию.

Как мне сказали, Сьюзен Кэлвин родилась в 1982 году. Значит, теперь ей семьдесят пять. Это известно каждому. Фирме «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн» тоже семьдесят пять лет. Именно в тот год, когда родилась доктор Кэлвин, Лоуренс Робертсби основал предприятие, которое со временем стало самым необыкновенным промышленным гигантом в истории человечества. Но и это тоже известно каждому.

В двадцать лет Сьюзен Кэлвин присутствовала на том самом занятии семинара по психоматематике, когда доктор Альфред Лэннинг из «Ю. С. Роботс» продемонстрировал первого подвижного робота, обладавшего голосом. Этот большой, неуклюжий, уродливый робот, от которого разило машинным маслом, был предназначен для использования в проектировавшихся рудниках на Меркурии. Но он умел говорить, и говорить разумно.

На этом семинаре Сьюзен не выступала. Она не приняла участия и в последовавших за ним бурных дискуссиях. Мир не нравился этой малообщительной, бесцветной и неинтересной девушке с каменным выражением и гипертрофированным интеллектом, и она сторонилась людей.

Но, слушая и наблюдая, она уже тогда почувствовала, как в ней холодным пламенем загорается увлечение.

В 2005 году она окончила Колумбийский университет, поступила в аспирантуру по кибернетике.

Изобретенные Робертсоном позитронные мозговые связи превзошли все достигнутое в середине XX века в области вычислительных машин и совершили настоящий переворот. Целые мили реле и фотоэлементов уступили место пористому платино-иридиевому шару размером с человеческий мозг.

Сьюзен научилась рассчитывать необходимые параметры, определять возможные значения переменных позитронного «мозга» и разрабатывать такие схемы, чтобы можно было точно предсказать его реакцию на данные раздражители.

В 2008 году она получила степень доктора и поступила на «Ю. С. Роботс» в качестве робопсихолога, став, таким образом,

первым выдающимся специалистом в этой новой области науки. Лоуренс Робертсон тогда все еще был президентом компании, Альфред Лэннинг – научным руководителем.

За пятьдесят лет на глазах Сьюзен Кэлвин прогресс человечества изменил свое русло и рванулся вперед.

Теперь она уходила в отставку – насколько это вообще было для нее возможно. Во всяком случае, она позволила повесить на двери своего старого кабинета табличку с чужим именем.

Вот, собственно, и все, что было у меня записано. Были еще длинные списки ее печатных работ, принадлежащих ей патентов, точная хронология ее продвижения по службе, – короче, я знал до мельчайших деталей всю ее официальную биографию.

Но мне было нужно другое. Серия очерков для «Интерплэнегери Пресс» требовала большего. Гораздо большего.

Я так ей и сказал.

– Доктор Кэлвин, – сказал я, – для публики вы и «Ю. С. Роботс» – одно и то же. Ваша отставка будет концом целой эпохи.

– Вам нужны живые детали?

Она не улыбнулась. По-моему, она вообще никогда не улыбается. Но ее острый взгляд не был сердитым. Я почувствовал, как он пронизал меня до самого затылка, и понял, что она видит меня насквозь. Она всех видела насквозь. Тем не менее я сказал:

– Совершенно верно.

– Живые детали о роботах? Получается противоречие.

– Нет, доктор. О вас.

– Ну, меня тоже называют роботом. Вам, наверное, уже сказали, что во мне нет ничего человеческого.

Мне это действительно говорили, но я решил промолчать.

Она встала со стула. Она была небольшого роста и выглядела хрупкой.

Вместе с ней я подошел к окну.

Конторы и цеха «Ю. С. Роботс» были похожи на целый маленький, правильно распланированный городок. Он раскинулся перед нами, плоский, как аэрофотография.

– Когда я начала здесь работать, – сказала она, – у меня была маленькая комнатка в здании, которое стояло где-то вон там, где сейчас котельная. Это здание снесли, когда вас не было на свете. В комнате сидели еще три человека. На мою долю приходилось полстола. Все наши роботы производились в одном корпусе. Три штуки в неделю. А посмотрите сейчас!

– Пятьдесят лет – долгий срок. – Я не придумал ничего лучше этой избитой фразы.

– Ничуть, если это ваше прошлое, – возразила она. – Я думаю, как это они так быстро пролетели.

Она снова села за стол. Хотя выражение ее лица не изменилось, но ей, по-моему, стало грустно.

– Сколько вам лет? – поинтересовалась она.

– Тридцать два, – ответил я.

– Тогда вы не помните, каким был мир без роботов. Было время, когда перед лицом Вселенной человек был одинок и не имел друзей. Теперь у него есть помощники, существа более сильные, более надежные, более эффективные, чем он, и абсолютно ему преданные. Человечество больше не одиноко. Вам это не приходило в голову?

– Боюсь, что нет. Можно будет процитировать ваши слова?

– Можно. Для вас робот – это робот. Механизмы и металл, электричество и позитроны. Разум, воплощенный в железе! Создаваемый человеком, а если нужно, и уничтожаемый человеком. Но вы не работали с ними и вы их не знаете. Они чище и лучше нас.

Я попробовал осторожно подзадорить ее.

– Мы были бы рады услышать кое-что из того, что вы знаете о роботах, что вы о них думаете. «Интерплэнетери Пресс» обслуживает всю Солнечную систему. Миллиарды потенциальных слушателей, доктор Кэлвин! Они должны услышать ваш рассказ.

Но подзадоривать ее не приходилось. Не слушая меня, она продолжала:

– Все это можно было предвидеть с самого начала. Тогда мы продавали роботов для использования на Земле – это было еще даже до меня. Конечно, роботы тогда еще не умели говорить. Потом они стали больше похожи на человека и начались протесты. Профсоюзы не хотели, чтобы роботы конкурировали с человеком; религиозные организации возражали из-за своих предрассудков. Все это было смешно и вовсе бесполезно. Но это было.

Я записывал все подряд на свой карманный магнитофон, стараясь незаметно шевелить пальцами. Если немного попрактиковаться, то можно управлять магнитофоном, не вынимая его из кармана.

– Возьмите историю с Робби. Я не знала его. Он был пущен на слом как безнадежно устаревший за год до того, как я поступила на работу. Но я видела девочку в музее.

Она умолкла. Ее глаза затуманились. Я тоже молчал, не мешая ей углубиться в прошлое. Это прошлое было таким далеким!

– Я услышала эту историю позже. И когда нас называли создателями демонов и святотатцами, я всегда вспоминала о нем. Робби был немой робот. Его выпустили в 1996 году, еще до того,

как роботы стали крайне специализированными, и он был продан для работы в качестве няньки.

– Кого?

– Няньки…

Робби
(Перевод А. Иорданского)

– Девяносто восемь… девяносто девять… сто!

Глория отвела пухлую ручку, которой закрывала глаза, и несколько секунд стояла, сморщив нос и моргая от солнечного света. Пытаясь смотреть сразу во все стороны, она осторожно отошла на несколько шагов от дерева.

Вытянув шею, она вглядывалась в густые кусты справа от себя, потом отошла от дерева еще на несколько шагов, стараясь заглянуть в самую глубину зарослей.

Глубокую тишину нарушало только непрерывное жужжание насекомых и время от времени чириканье какой-то неугомонной пичуги, не боявшейся полуденной жары.

Глория надулась:

– Ну конечно, он спрятался в доме, а я ему миллион раз говорила, что это нечестно.

Плотно сжав губки и сердито нахмурившись, она решительно зашагала к двухэтажному дому по ту сторону аллеи.

Когда Глория услышала сзади шорох, за которым последовал размеренный топот металлических ног, было уже поздно. Обернувшись, она увидела, что Робби покинул свое убежище и полным ходом несется к дереву.

Глория в отчаянии закричала:

– Постой, Робби! Это нечестно! Ты обещал не бежать, пока я тебя не найду!

Ее ножкам, конечно, не сравниться было с гигантскими конечностями Робби. Но в трех метрах от дерева тот вдруг резко сбавил скорость. Сделав последнее отчаянное усилие, запыхавшаяся Глория пронеслась мимо него и первая дотронулась до заветного ствола.

Она радостно повернулась к верному Робби и, платя черной неблагодарностью за принесенную жертву, принялась жестоко насмехаться над его неумением бегать.

– Робби не может бегать! – кричала она во всю силу своего восьмилетнего голоса. – Я всегда его обгоню! Я всегда его обгоню!

Она с упоением распевала эти слова.

Робби, конечно, не отвечал. Вместо этого он сделал вид, будто убегает, и Глория кинулась вслед за ним. Пятясь, он ловко увертывался от девочки, так что она, бросаясь в разные стороны, тщетно размахивала руками и, задыхаясь от хохота, кричала:

– Робби! Стой!

Тогда он неожиданно повернулся, поймал ее, поднял в воздух и завертел вокруг себя. Ей показалось, что весь мир на мгновение провалился вниз, в голубую пустоту, к которой тянулись зеленые верхушки деревьев. Потом Глория снова оказалась на траве. Она прижалась к ноге Робби, крепко держась за твердый металлический палец.

Через некоторое время Глория отдышалась. Она сделала напрасную попытку поправить растрепавшиеся волосы, бессознательно подражая движениям матери, и изогнулась, чтобы посмотреть, не порвалось ли сзади ее платье. Потом хлопнула ладошкой Робби по туловищу.

– Нехороший! Я тебя нашлепаю!

Робби съежился, закрыв лицо руками, так что ей пришлось добавить:

– Ну, не бойся, Робби, не нашлепаю. А теперь моя очередь прятаться, потому что у тебя ноги длиннее и ты обещал не бежать, пока я тебя не найду.

Робби кивнул головой – небольшим параллелепипедом с закругленными углами. Голова была укреплена на туловище – подобной же формы, но гораздо больших размеров – с помощью короткого гибкого сочленения. Робби послушно повернулся к дереву. На его горящие глаза опустилась тонкая металлическая пластинка, и изнутри туловища раздалось ровное гулкое тиканье.

– Смотри не подглядывай и не пропускай счета! – предупредила Глория и бросилась прятаться.

Секунды отсчитывались с абсолютной точностью. На сотом ударе веки Робби поднялись, и вновь вспыхнувшие красным светом глаза оглядели поляну. На мгновение они остановились на кусочке яркого ситца, торчавшем из-за камня. Робби подошел поближе и убедился, что за камнем действительно притаилась Глория. Тогда он стал медленно приближаться к ее убежищу, все время оставаясь между Глорией и деревом. Наконец, когда Глория была совсем на виду и не могла даже притворяться, что ее не видно, Робби протянул к ней руку, а другой со звоном ударил себя по ноге. Глория, надувшись, вышла.

– Ты подглядывал! – воскликнула она, явно согрешив против истины. – И потом, мне надоело играть в прятки. Я хочу кататься.

Но Робби был оскорблен незаслуженным обвинением. Он осторожно сел на землю и покачал тяжелой головой. Глория немедленно изменила тон и перешла к нежным уговорам:

– Ну, Робби! Я просто так сказала, что ты подглядывал! Ну, покатай меня!

Но Робби не так просто было уговорить. Он упрямо уставился в небо и покачал головой еще более выразительно.

– Ну пожалуйста, Робби, пожалуйста, покатай меня!

Она крепко обняла его за шею розовыми ручками. Потом ее настроение внезапно переменилось, и она отошла в сторону.

– А то я заплачу!

Ее лицо заранее устрашающе перекосилось.

Но жестокосердый Робби не обратил никакого внимания на эту ужасную угрозу. Он в третий раз покачал головой. Глория решила, что пора пустить в дело главный козырь.

– Если ты меня не покатаешь, – воскликнула она, – я больше не буду рассказывать тебе сказок, вот и все. Никогда!

Этот ультиматум заставил Робби сдаться немедленно и безоговорочно. Он закивал головой так энергично, что его металлическая шея загудела. Потом он осторожно посадил девочку на свои широкие плоские плечи.

Слезы, которыми грозила Глория, немедленно испарились, и она даже вскрикнула от восторга. Металлическая кожа Робби, в которой нагревательные элементы поддерживали постоянную температуру 21 градус, была приятной на ощупь, а барабаня пятками по его груди, можно было извлечь восхитительно громкие звуки.

– Ты самолет, Робби. Ты большой серебряный самолет, Робби. Только вытяни руки, раз уж ты самолет.

Логика была безупречной. Руки Робби стали крыльями, а сам он – серебряным самолетом. Глория резко повернула его голову и наклонилась вправо. Он сделал крутой вираж. Глория уже снабдила самолет мотором: «Б-р-р-р-р», а потом и пушками: «Бум! Бум! Бум!» За ними гнались пираты, и орудия косили их, как траву.

– Еще один готов… Еще двое!.. – кричала она.

Потом Глория сурово скомандовала:

– Торопись, ребята! Снаряды кончаются!

Она неустрашимо целилась через плечо. И Робби превратился в тупоносый космический корабль, с предельным ускорением прорезающий пустоту.

Он несся через лужайку к зарослям высокой травы на другой стороне. Там он остановился так внезапно, что раскрасневшаяся наездница вскрикнула, и сбросил ее на мягкий травяной ковер.

Глория, задыхаясь, восторженно шептала:

– Ой, как здорово!

Робби дал ей отдышаться и осторожно потянул за растрепавшуюся прядь волос.

– Ты чего-то хочешь? – спросила Глория, широко раскрыв глаза в притворном недоумении.

Ее безыскусная хитрость ничуть не обманула огромную

«няньку». Робби снова потянул за ту же прядь, чуть посильнее.

– А, знаю. Ты хочешь сказку!

Робби быстро закивал.

– Какую?

Робби описал пальцем в воздухе полукруг.

Девочка запротестовала:

– Опять? Я же тебе про Золушку миллион раз рассказывала. Как она тебе не надоела? Это сказка для маленьких!

Железный палец снова описал полукруг.

– Ну, так и быть.

Глория уселась поудобнее, припомнила про себя все подробности сказки (вместе с прибавлениями собственного сочинения) и начала:

– Ты готов? Так вот, давным-давно жила красивая девочка, которую звали Элла. У нее была ужасно жестокая мачеха и две очень некрасивые и очень жестокие сестры…

Глория дошла до самого интересного места: уже било полночь, и все снова превращалось в кучу мусора. Робби слушал напряженно, с горящими глазами, но тут их прервали.

– Глория!

Это был раздраженный голос женщины, которая звала не в первый раз и у которой терпение, судя по интонации, начало сменяться тревогой.

– Мама зовет, – сказала Глория не очень радостно. – Лучше отнеси меня домой, Робби.

Робби с готовностью повиновался. Что-то подсказывало ему, что миссис Вестон лучше подчиняться без малейшего промедления. Отец Глории редко бывал дома днем, если не считать воскресений (а это было как раз воскресенье), но когда он появлялся, то проявлял добродушие и понимание. А вот мать Глории была для Робби источником постоянного беспокойства, и он всегда испытывал смутное побуждение скрыться от нее куда-нибудь подальше.

Миссис Вестон увидела их, как только они поднялись из травы, и вернулась в дом, чтобы встретить их там.

– Я кричала до хрипоты, Глория, – строго сказала она. – Где ты была?

– Я была с Робби, – дрожащим голосом ответила Глория. – Я рассказывала ему про Золушку и забыла про обед.

– Жаль, что Робби тоже забыл про обед. – И, словно вспомнив о присутствии робота, она обернулась к нему: – Можешь идти, Робби. Ты ей сейчас не нужен. И не приходи, пока не позову, – резко прибавила она.

Робби повернулся к двери, но заколебался, услышав, что Глория встала на его защиту:

– Погоди, мама, нужно, чтобы он остался! Я еще не кончила про Золушку. Я ему обещала рассказать про Золушку и не успела.

– Глория!

– Честное-пречестное слово, мама, он будет сидеть тихо-тихо, так, что его и слышно не будет. Он может сидеть на стуле в уголке и молчать… то есть ничего не делать. Правда, Робби?

В ответ Робби закивал своей массивной головой.

– Глория, если ты сейчас же не прекратишь, ты не увидишь Робби целую неделю!

Девочка понурилась.

– Ну хорошо. Но ведь «Золушка» – его любимая сказка, а я не успела рассказать. Он так ее любит…

Опечаленный робот вышел, а Глория проглотила слезы.

Джордж Вестон чувствовал себя прекрасно. У него было такое обыкновение – по воскресеньям после обеда чувствовать себя прекрасно. Вкусная, обильная домашняя еда, удобный мягкий старый диван, на котором так приятно развалиться, свежий номер «Таймс», тапочки на ногах и пижама вместо крахмальной рубашки – ну как тут не почувствовать себя прекрасно!

Поэтому он ощутил недовольство, когда вошла его жена. После десяти лет совместной жизни он еще имел глупость ее любить и, конечно же, всегда был ей рад, но послеобеденный воскресный отдых был для него священным, и его представление о подлинном комфорте требовало двух-трех часов полного одиночества. Он поспешно уткнулся в последние сообщения об экспедиции Лефебра – Иошиды на Марс (на этот раз они стартовали с лунной станции и вполне могли долететь) и сделал вид, будто ее не заметил.

Миссис Вестон терпеливо подождала немного, потом – нетерпеливо – еще немного и наконец не выдержала:

– Джордж!

– Угу…

– Джордж, послушай! Может быть, ты отложишь газету и поглядишь на меня?

Газета, шелестя, упала на пол, и Вестон обратил к жене страдальческое лицо:

– В чем дело, дорогая?

– Ты знаешь, Джордж. Дело в Глории и в этой ужасной машине…

– Какой ужасной машине?

– Пожалуйста, не притворяйся, будто ты не понимаешь, о чем

я говорю! Я об этом роботе, которого Глория зовет Робби. Он не оставляет ее ни на минуту.

– Ну а почему он должен ее оставлять? Он для этого и существует. И в любом случае он вовсе не ужасная машина, а самый лучший робот, какой только можно было достать за деньги. А я чертовски хорошо помню, что он обошелся мне в полугодовой заработок. И он стоит этого – он куда умнее половины моих служащих.

Вестон потянулся за газетой, но жена оказалась проворнее и выхватила ее.

– Выслушай меня, Джордж! Я не хочу доверять своего ребенка машине, и мне все равно, умная эта машина или нет. У нее нет души, и никто не знает, что у нее на уме. Нельзя, чтобы за детьми смотрели всякие металлические штуки!

Вестон нахмурился.

– Что с тобой? Он с Глорией уже два года, а до сих пор я что-то не видел, чтобы ты беспокоилась.

– Сначала все было по-другому. Как-никак новинка, и у меня стало меньше забот, и потом, это было так модно… А сейчас я не знаю. Все соседи…

– Ну при чем тут соседи? Послушай! Робот куда надежнее любой няньки. Ведь Робби создан с единственной целью – ухаживать за маленьким ребенком. Все его мышление рассчитано специально на это. Он просто не может не быть верным, любящим, добрым. Он просто устроен так. Не о каждом человеке это скажешь.

– А вдруг что-нибудь испортится? Какой-нибудь там… – Миссис Вестон запнулась: она имела довольно смутное представление о внутренностях роботов. – Ну, какая-нибудь мелочь сломается, и эта ужасная машина начнет буйствовать, и тогда…

У нее не хватило сил закончить вполне очевидную мысль.

– Чепуха, – возразил Вестон, невольно вздрогнув. – Это просто смешно. Когда мы покупали Робби, мы долго говорили о Первом Законе Роботехники. Ты же знаешь, что робот не способен причинить вред человеку. При малейшем намеке на возможность нарушения Первого Закона робот сразу будет парализован. Иначе и быть не может, тут математический расчет. И потом, у нас дважды в год бывает механик из «Ю. С. Роботс» – он же проверяет весь механизм. С Робби ничего не может случиться. Скорее уж сойдем с ума мы с тобой. Да и как ты собираешься отнять его у Глории?

Он снова потянулся за газетой, но напрасно: жена сердито швырнула ее через раскрытую дверь в соседнюю комнату.

– В этом-то все и дело, Джордж! Она не хочет больше ни с кем играть! Кругом десятки мальчиков и девочек, с которыми ей следовало бы дружить, но она не хочет. Она и не подойдет к ним, если ее не заставить. Нельзя девочку так воспитывать. Ты ведь хочешь, чтобы она выросла нормальной? Ты хочешь, чтобы она смогла занять свое место в обществе?

– Грейс, ты воюешь с призраками. Представь себе, что Робби – это собака. Сотни детей с большим удовольствием проводят время с собакой, чем с собственными родителями.

– Собака – совсем другое дело. Джордж, мы должны избавиться от этой ужасной машины. Ты можешь вернуть ее компании. Я уже узнавала, это можно.

– Узнавала? Вот что, Грейс! Не надо ничего решать сгоряча. Оставим робота, пока Глория не подрастет. И больше я не желаю об этом слышать.

Он в раздражении вскочил и вышел из комнаты.

Два дня спустя миссис Вестон встретила мужа в дверях.

– Джордж, ты должен выслушать меня. В поселке недовольны.

– Чем? – спросил Вестон. Он скрылся в ванной, и оттуда послышался плеск, который мог заглушить любой ответ.

Миссис Вестон выждала, пока шум не прекратился, и сказала:

– Недовольны Робби.

Вестон вышел, держа в руках полотенце. Его раскрасневшееся лицо было сердито.

– О чем ты говоришь?

– Это началось уже давно. Я старалась не замечать, но больше не хочу. Почти все соседи считают, что Робби опасен. По вечерам детей даже близко не пускают к нашему дому.

– Но мы же доверяем ему своего ребенка!

– В таких делах люди не рассуждают.

– Ну и черт с ними!

– Нет, так нельзя. Мне приходится встречаться с ними каждый день в магазинах. А в городе теперь с роботами еще строже. В Нью-Йорке только что приняли постановление, которое запрещает роботам появляться на улицах от захода до восхода солнца.

– Да, но никто не может запретить нам держать робота дома. Грейс, ты, я вижу, решила снова добиться своего. Но это бесполезно. Ответ все тот же – нет! Робби останется у нас.

Но он любил жену, и, что гораздо хуже, она это знала. В конце концов, Джордж Вестон был всего-навсего мужчиной. А его жена пустила в ход все до единой уловки, которых с полным

основанием научился опасаться, хотя и тщетно, менее хитрый и более щепетильный пол.

На протяжении следующей недели Вестон десять раз восклицал: «Робби останется – и конец!», но с каждым разом его голос становился все менее уверенным и в нем слышался все более внятный стон отчаяния.

Наконец наступил день, когда Вестон, с виноватым видом подойдя к дочери, предложил пойти в поселок и посмотреть самый последний визивокс.

Глория радостно всплеснула руками:

– А Робби можно с нами?

– Нет, детка, – ответил он, чувствуя отвращение к звуку собственного голоса. – Роботов на визивокс не пускают. Но ты ему все расскажешь, когда придешь домой.

Пробормотав последние слова, он отвернулся.

Глория вернулась домой, восхищенная до глубины души: визивокс действительно был прекрасный.

Она еле дождалась, пока отец поставит реактивный автомобиль в подземный гараж.

– А теперь, пап, я все расскажу Робби. Ему бы это так понравилось! Особенно когда Фрэнсис Фрэн так тихонько-тихонько пятился назад – и прямо в руки человека-леопарда! И ему пришлось бежать! – Она снова засмеялась. – Пап, а на Луне вправду водятся люди-леопарды?

– Скорее всего, нет, – рассеянно ответил Вестон. – Это просто смешные выдумки.

Он уже не мог дольше возиться с автомобилем. Нужно было посмотреть правде в глаза.

Глория побежала через лужайку.

– Робби! Робби!

Она внезапно остановилась, увидев красивого щенка колли. Щенок, виляя хвостом, глядел на нее с крыльца серьезными карими глазами.

– Ой, какой чудесный песик! – Глория поднялась по ступенькам, осторожно подошла к щенку и погладила его. – Это мне, папа?

На крыльцо вышла миссис Вестон.

– Да, Глория. Посмотри, какой он хороший, какой пушистый. Он очень добрый. И любит маленьких девочек.

– А он будет со мной играть?

– Конечно. Он может делать всякие штуки. Хочешь посмотреть?

– Хочу. И я хочу, чтобы Робби тоже посмотрел! Робби! – Она растерянно замолчала. – Наверное, сидит в комнате и дуется на

меня, почему я его не взяла с собой на визивокс. Папа, ты ему объяснишь все как было? Мне он может не поверить, но уж если ты ему скажешь, он будет знать, что так оно и есть.

Губы Вестона сжались. Он посмотрел на жену, но она отвела глаза. Глория повернулась на одной ноге и побежала по ступенькам, крича:

– Робби! Иди посмотри, что мне подарили папа с мамой! Мне подарили песика!

Через минуту девочка вернулась и испуганно сказала:

– Мама, Робби там нет. Где он?

Ответом ей было молчание. Джордж Вестон кашлянул и внезапно проявил большой интерес к плывущим в небе облакам. Глория повторила дрожащим голосом, в котором слышались слезы:

– Где Робби, мама?

Миссис Вестон нежно привлекла к себе дочь.

– Не расстраивайся, Глория. По-моему, Робби ушел.

– Ушел? Куда? Куда он ушел, мама?

– Никто не знает, девочка. Просто ушел. Мы его искали, искали, искали, но не могли найти.

– Значит, он больше не вернется? – Глаза у Глории стали круглыми от ужаса.

– Может быть, мы его скоро найдем. Мы будем искать. А пока играй с новой собачкой. Посмотри! Ее зовут Молния, и она умеет…

Но глаза Глории были полны слез.

– Мне не нужна эта противная собака – мне нужен Робби! Найдите Робби!..

Ее чувства не находили выхода в словах, и она разразилась отчаянным плачем. Миссис Вестон беспомощно взглянула на мужа, но он только мрачно переступил с ноги на ногу, не сводя пристального взгляда с неба. Тогда она сама принялась утешать дочь.

– Ну, не надо плакать, Глория! Робби – всего-навсего машина, старая скверная машина. Он не живой.

– Ничего он никакая не машина! – яростно крикнула Глория, забыв все правила грамматики. – Он такой же человек, как мы с вами, и он мой друг. Я хочу, чтобы он вернулся! Мама, я хочу, чтобы он вернулся!

Мать вздохнула, признавая свое бессилие, и оставила Глорию горевать в одиночестве.

– Пусть выплачется, – сказала она мужу. – Детское горе коротко. Через несколько дней она забудет про этого ужасного робота.

Но время показало, что это заявление миссис Вестон было чересчур оптимистично. Правда, плакать Глория перестала, но она перестала и улыбаться. С каждым днем она становилась все более молчаливой и мрачной. Постепенно ее несчастный вид сломил миссис Вестон. Не сдавалась она только потому, что не могла признать перед мужем свое поражение.

Как-то вечером она в ярости влетела в гостиную и уселась, скрестив руки на груди. Ее муж взглянул на нее поверх газеты.

– Что еще случилось, Грейс?

– Мне пришлось отдать собаку. Глория сказала, что терпеть ее не может. Я сойду с ума.

Вестон опустил газету, и в его глазах вспыхнул огонек надежды.

– А если… А если нам снова взять Робби? Знаешь, это можно. Я свяжусь…

– Нет, – резко перебила она. – Я и слышать об этом не хочу. Мы так легко не сдадимся. Я не дам роботу воспитывать свою дочь, даже если понадобятся годы, чтобы отучить ее от Робби.

Вестон разочарованно поднял газету.

– Еще год – и я поседею раньше времени.

– Не много же от тебя помощи, Джордж, – холодно сказала она. – Глории нужно переменить обстановку. Конечно, здесь она не может забыть Робби. Здесь ей каждое дерево, каждый камень о нем напоминают. Вообще мы в самом глупейшем положении! Только подумай – ребенок чахнет из-за разлуки с роботом!

– Ну и что ты предлагаешь? Как ты думаешь переменить обстановку?

– Мы возьмем Глорию в Нью-Йорк.

– В город! В августе! Послушай, ты же знаешь, что такое Нью-Йорк в августе! Там невозможно жить!

– Но там живут миллионы людей.

– Только потому, что им некуда уехать. Иначе они бы не остались.

– Так вот, теперь и нам придется там пожить. Мы переезжаем немедленно, как только соберем вещи. В городе у Глории будет достаточно развлечений и достаточно друзей. Это встряхнет ее и заставит забыть о роботе.

– О господи! – простонал супруг. – Эти раскаленные улицы!..

– Мы должны это сделать, – непреклонно ответила жена. – Глория похудела за месяц на пять фунтов. Здоровье моей девочки для меня важнее твоих удобств.

– Жаль, что ты не подумала о здоровье своей девочки, прежде чем лишить ее любимого робота, – пробормотал он про себя.

Едва Глория узнала о предстоящем переезде, у нее немедленно появились признаки улучшения. Она говорила об этом событии мало, но каждый раз с восторженным ожиданием. Она снова начала улыбаться, и к ней вернулся почти прежний аппетит.

Миссис Вестон была вне себя от радости. Она не упускала ни одной возможности торжествовать победу над своим все еще скептически настроенным супругом.

– Видишь, Джордж, она помогает укладываться, как ангелочек, и щебечет, будто у нее не осталось никаких забот. Я же говорила – нужно заинтересовать ее чем-то другим.

– Гм, – произнес он с сомнением. – Надеюсь.

Сборы закончились быстро. Городская квартира была готова к их приезду, дом оставили на попечение двух соседей. Когда наконец наступил день переезда, Глория выглядела совсем как прежде и ни разу даже не упомянула о Робби. Все в прекрасном настроении уселись в воздушное такси, которое доставило их в аэропорт. Вестон предпочел бы лететь на собственном вертолете, но он был двухместный и без багажного отделения. Они сели в самолет.

– Иди сюда, Глория, – позвала миссис Вестон. – Я заняла место у окна, чтобы тебе все было видно.

Глория радостно уселась к окну, прилипла к толстому стеклу носом, расплющив его в белый кружок, и смотрела как зачарованная. Взревели моторы. Глория была еще слишком мала, чтобы испугаться, когда земля провалилась далеко вниз, как будто сквозь люк, а она сама стала вдвое тяжелее. Но она была уже достаточно большой, чтобы все это вызвало у нее всепоглощающий интерес. Лишь когда земля стала похожа на маленькое лоскутное одеяло, она оторвалась от окна и повернулась к матери.

– Мама, мы скоро будем в городе? – спросила она, растирая замерзший нос и с любопытством следя за тем, как пятнышко пара, оставшееся на стекле от ее дыхания, медленно уменьшалось и понемногу совсем исчезло.

– Через полчаса, дорогая, – ответила мать и спросила с оттенком тревоги в голосе: – Ты рада, что мы едем? Тебе очень понравится в городе – огромные дома, и люди, и всякие вещи… Мы будем каждый день ходить на визивокс, и в цирк, и на пляж…

– Да, мама, – откликнулась Глория без особого интереса.

В этот момент самолет пролетал над облаком, и Глория была поглощена картиной простиравшихся внизу клубов застывшего пара. Потом небо вокруг снова стало безоблачным, и она с

таинственным видом повернулась к матери, как будто открыла какой-то секрет:

– А я знаю, зачем мы едем в город!

– Да? – Миссис Вестон была озадачена. – Зачем же?

– Вы мне не говорили, потому что хотели, чтобы это был сюрприз, а я все равно знаю. – Она умолкла, восхищенная собственной проницательностью, а потом весело рассмеялась. – Мы едем в Нью-Йорк, чтобы найти Робби, правда? С сыщиками!

В этот момент Джордж Вестон как раз отхлебнул глоток воды. Результат был катастрофическим. Послышалось придушенное восклицание, фонтаном полетели брызги и раздался судорожный кашель. Когда все кончилось, Джордж Вестон, раскрасневшийся и мокрый, остался в крайнем раздражении.

Миссис Вестон сохранила самообладание, но когда Глория повторила свой вопрос уже более тревожным голосом, и ее нервы не выдержали.

– Там видно будет, – ответила она резко. – Неужели ты не можешь посидеть спокойно и немного помолчать?

Нью-Йорк всегда был Меккой для туристов и всех, кто искал развлечений, а в 1998 году он еще больше, чем когда бы то ни было, оправдывал свою репутацию. Родители Глории знали это и использовали, как только могли.

Выполняя требование жены, Джордж Вестон оставил дела на целый месяц, чтобы провести это время, как он выражался, «развлекая Глорию до последней возможности». Как и все, за что брался Вестон, это было проделано деловито и с максимальным эффектом. Месяц еще не прошел, как было испытано решительно все.

Глория побывала на крыше Рузвельт-Билдинг и с высоты в полмили с трепетом смотрела на зубчатую панораму крыш, уходивших вдаль, до самых лугов Лонг-Айленда и равнин Нью-Джерси. Они посещали зоопарки, где Глория, замирая от страха и блаженства, разглядывала «настоящего живого льва» (она была немного разочарована, увидев, что его кормят сырыми бифштексами, а не людьми, как она ожидала) и настоятельно требовала, чтобы ей показали настоящего кита.

К их услугам были все приманки музеев, парков, пляжей и аквариумов.

Глория плавала вверх по Гудзону на пароходе, построенном в стиле веселых 20-х годов. Она летала на экскурсию в стратосферу, где небо становилось темно-фиолетовым и на нем загорались звезды, а туманная земля далеко внизу казалась огромной вогнутой чашей. Она погружалась на подводной лодке со стеклянными стенами в глубины пролива Лонг-Айленд, в

зеленый, зыбкий мир, где причудливые морские существа разглядывали ее сквозь стекло и неожиданно, вильнув хвостом, уплывали. Еще одна сказочная страна, пусть более прозаическая, открывалась перед ней в магазинах, куда ее водила миссис Вестон.

В общем, когда месяц прошел, Вестоны были убеждены, что они сделали все возможное, чтобы заставить Глорию раз и навсегда забыть о покинувшем ее Робби. Но они не были уверены, что это удалось.

Где бы Глория ни бывала, она проявляла самый живой интерес ко всем роботам, случавшимся поблизости. Каким бы захватывающим ни было зрелище, которое перед ней развертывалось, каким бы оно ни было новым и невиданным, она немедленно забывала о нем, как только замечала хоть уголком глаза какой-нибудь движущийся металлический механизм. Поэтому, гуляя с Глорией, миссис Вестон старательно обходила стороной всех роботов.

Развязка наступила в Музее науки и промышленности. Там была устроена специальная выставка для детей, где демонстрировались всевозможные достижения и чудеса науки, приспособленные к детскому разумению. Конечно, эту выставку Вестоны включили в свою обязательную программу.

И в тот момент, когда Вестоны стояли, полностью поглощенные созерцанием мощного электромагнита, миссис Вестон внезапно обнаружила, что Глории с ними нет. Первый приступ паники сменился спокойной решимостью, и с помощью трех сотрудников музея Вестоны приступили к тщательным поискам.

Между тем Глория вовсе не думала бесцельно бродить по музею. Для своего возраста она обладала на редкость решительным и целеустремленным характером и в этом определенно пошла в мать. Она заметила на третьем этаже огромный указатель: «К ГОВОРЯЩЕМУ РОБОТУ». Прочитав его и заметив, что родители не проявляют желания идти в ту сторону, она не стала долго раздумывать, а выждала подходящий момент, когда родители отвлеклись, тихонько отошла и направилась туда, куда звала надпись.

Говорящий Робот представлял собой нечто необыкновенное. Это было совершенно непрактичное устройство, имевшее чисто рекламную ценность. Каждый час к нему пускали группу посетителей в сопровождении экскурсовода. Дежурному инженеру осторожным шепотом задавали вопросы. Те, которые инженер считал подходящими для робота, он сообщал ему.

Все это было достаточно скучно. Конечно, хорошо знать, что 14 в квадрате равно 196, что температура в данный момент плюс 22,2 по Цельсию, а давление воздуха – 762,508 мм ртутного столба и что атомный вес натрия 23. Но для этого не нужен робот. Особенно такая громоздкая, неподъемная махина из проводов и катушек, занимавшая более двадцати пяти квадратных метров.

Редко кто возвращался к роботу во второй раз. И когда в зал вошла Глория, лишь одна девушка лет пятнадцати тихо сидела на скамейке, ожидая третьего сеанса.

Глория даже не взглянула на нее. В этот момент люди ее не интересовали. Все ее внимание было приковано к огромному механизму на колесах. На какое-то мгновение она заколебалась: Говорящий Робот не был похож на тех, которых она видела до сих пор. Глория нерешительно спросила тоненьким голосом:

– Мистер Робот, простите, пожалуйста, это вы – Говорящий Робот?

Ей почему-то казалось, что с роботом, который говорит по-настоящему, нужно вести себя как можно вежливее.

(На худом, некрасивом лице сидевшей в комнате девушки отразилось напряженное размышление. Она вытащила маленький блокнот и начала что-то быстро писать неразборчивым почерком.)

Послышалось тихое жужжание хорошо смазанных шестерен, и механический голос без всякой интонации прогремел:

– Я… робот… который… говорит.

Глория разочарованно смотрела на робота. Действительно, он говорил, но звуки исходили откуда-то изнутри механизма. У робота не было лица, к которому можно было бы обращаться.

Она сказала:

– Не можете ли вы мне помочь, мистер Робот?

Говорящий Робот был создан для того, чтобы отвечать на вопросы. До сих пор ему задавали только такие вопросы, на которые он мог ответить. Поэтому он был вполне уверен в своих возможностях.

– Я… могу… помочь… вам.

– Большое спасибо, мистер Робот. Вы не видели Робби?

– Кто… это… Робби?

– Это робот, мистер Робот. – Она приподнялась на цыпочки. – Он примерно вот такого роста, мистер Робот, немножечко выше, и он очень хороший. Знаете, у него есть голова. У вас нет, мистер Робот, а у него есть.

Говорящий Робот не мог за ней поспеть.

– Робот?

– Да, мистер Робот. Как вы, мистер Робот, только он, конечно,

не умеет говорить, и он очень похож на настоящего человека.

– Робот… как… я?

– Да, мистер Робот.

В ответ Говорящий Робот только испустил невразумительное шипение, которое время от времени прерывалось какими-то бессмысленными звуками. От него потребовалось смелое обобщение – подумать о себе не как об индивидуальном объекте, а как о части более общей группы, и это оказалось ему не под силу. Верный своему назначению, он все-таки попытался охватить это понятие, в результате чего полдюжины катушек перегорело. Зажужжали аварийные сигналы.

(В этот момент девушка, сидевшая на скамейке, встала и вышла. У нее накопилось уже достаточно материала для доклада «Роботы с практической точки зрения». Это было первое из многих исследований Сьюзен Кэлвин на данную тему.)

Глория, подавляя нетерпение, ждала ответа. Вдруг она услышала позади себя крик: «Вот она!» – и узнала голос матери.

– Что ты здесь делаешь, противная девчонка?! – кричала миссис Вестон, у которой тревога тут же перешла в гнев. – Ты знаешь, что папа и мама перепугались чуть не до смерти? Зачем ты убежала?

В зал опрометью вбежал дежурный инженер. Схватившись за голову, он потребовал, чтобы ему сообщили, кто из собравшейся толпы испортил машину.

– Вы что, читать не умеете? – кричал он. – Здесь запрещено находиться без экскурсовода!

Глория повысила голос, чтобы ее услышали:

– Я только хотела посмотреть на Говорящего Робота, мама. Я думала, вдруг он знает, где Робби, – ведь они оба роботы.

Снова вспомнив о Робби, она залилась горькими слезами.

– Я должна найти Робби! Мама, мне нужен Робби!

Миссис Вестон, подавив невольное рыдание, сказала:

– О господи! Идем, Джордж! Я больше не могу!

Вечером Джордж Вестон на несколько часов исчез. На следующее утро он подошел к жене с подозрительно самодовольным видом.

– У меня есть одна мысль, Грейс.

– Какая? – спросила она безучастно.

– Как быть с Глорией.

– Не хочешь ли ты предложить, чтобы мы снова купили этого робота?

– Нет, конечно.

– Ну, тогда я слушаю. Может, хоть ты что-нибудь придумаешь. Все, что я ни делала, ничего не дало.

– Так вот что мне пришло в голову. Все дело в том, что для Глории Робби человек, а не машина. Естественно, что она не может забыть его. А вот если бы нам удалось убедить ее, что Робби – это всего-навсего комбинация стальных листов и медного провода, оживленная электричеством, тогда она перестанет по нему тосковать. Это психологический подход. Понимаешь?

– Как ты предполагаешь это сделать?

– Очень просто. Как ты думаешь, где я был вчера вечером? Я уговорил Робертсона из «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн» показать нам завтра его владения. Мы пойдем втроем, и вот увидишь, когда мы все посмотрим, Глория убедится, что робот – не живое существо.

Глаза миссис Вестон широко раскрылись, и в них появилось что-то похожее на восхищение.

– Послушай, Джордж, это неплохая мысль!

Джордж Вестон гордо выпрямился.

– А у меня других не бывает! – заявил он.

Мистер Стразерс был добросовестным управляющим и от природы очень разговорчивым человеком. В результате этой комбинации каждый шаг экскурсии сопровождался подробными – пожалуй, слишком подробными – объяснениями. Тем не менее миссис Вестон слушала внимательно. Она даже время от времени прерывала его и просила кое-что объяснить еще раз, попроще, чтобы было понятно Глории. Столь высокая оценка его рассказа привела мистера Стразерса в благодушное настроение и сделала его еще более многословным, если только это было возможно. Но Вестон слушал его со все растущим нетерпением.

– Извините меня, Стразерс, – сказал он, прерывая на середине лекцию о фотоэлементах. – А есть ли у вас на заводе участок, где работают одни роботы?

– Что? Ах да! Конечно! – Стразерс улыбнулся миссис Вестон. – Некоторым образом заколдованный круг: роботы производят новых роботов. Конечно, в больших масштабах мы этого не практикуем. Прежде всего потому, что нам не позволили бы профсоюзы. Однако очень небольшое количество роботов действительно изготовляется руками роботов – просто в качестве научного эксперимента. Видите ли, – сняв пенсне, он похлопал им по ладони, – профсоюзы не понимают одного – а я говорю это как человек, который всегда симпатизировал профсоюзному движению, – они не понимают, что появление роботов, вначале создающее определенные трудности, в будущем неизбежно должно…

– Да-да, Стразерс, – сказал Вестон. – А как насчет того

участка, о котором вы говорили? Нам можно на него взглянуть? Это было бы очень интересно.

– Ну разумеется. – Мистер Стразерс судорожным движением надел пенсне и смущенно кашлянул. – Сюда, пожалуйста.

Пока они шли по длинному коридору и спускались по лестнице, Стразерс был относительно молчалив. Но как только они вошли в ярко освещенный зал, наполненный металлическим лязгом, шлюзы открылись и поток объяснений полился с новой силой.

– Вот! – сказал он гордо. – Одни роботы! Пять человек только присматривают за ними – они даже находятся не в этом помещении. За пять лет, с тех пор как мы начали эксперимент, не было ни единой неполадки. Конечно, здесь собирают сравнительно простых роботов, но…

Для Глории слова управляющего давно слились в усыпляющее жужжание. Вся экскурсия казалась ей скучной и бесцельной. Хотя кругом было много роботов, ни один из них не был даже отдаленно похож на Робби, и она смотрела на них с глубоким пренебрежением.

Она заметила, что в этом зале совсем не было людей. Потом ее взгляд упал на шесть-семь роботов, что-то делавших за круглым столом в центре зала. Ее глаза изумленно и недоверчиво раскрылись. Зал был обширный, и она могла ошибаться, но вон тот робот очень похож… очень похож… да, это он!

– Робби!

Ее крик разнесся по всему залу. Один из роботов за столом вздрогнул и уронил инструмент, который держал в руках. От радости Глория забыла обо всем. Проскользнув сквозь ограждение прежде, чем родители успели ее остановить, она спрыгнула на пол, расположенный на несколько футов ниже, и, размахивая руками, кинулась к своему Робби. А трое взрослых остолбенели от ужаса. Они увидели то, чего не заметила взволнованная девочка. Огромный автоматический трактор, тяжело громыхая, надвигался на Глорию.

Через какую-то долю секунды Вестон опомнился. Но эта доля секунды решила все. Глорию уже нельзя было догнать. Вестон мгновенно перемахнул через загородку, но это была явно безнадежная попытка. Мистер Стразерс отчаянно замахал рукой, давая знак рабочим остановить трактор. Но рабочие были всего лишь людьми, и им нужно было время, чтобы выполнить команду.

Один только Робби действовал без промедления. Гигантскими шагами он устремился навстречу своей маленькой хозяйке. Дальше все случилось почти одновременно. Одним

движением руки, ни на мгновение не уменьшив скорости, Робби так стремительно поднял Глорию, что у нее захватило дыхание. Вестон, еще не осознав, что произошло, не то что увидел, а скорее почувствовал, как Робби пронесся мимо него, и растерянно остановился. Трактор проехал по тому месту, где только что находилась Глория, на полсекунды позже Робби, прокатился еще метра три и со скрежетом затормозил.

Отдышавшись и вырвавшись из объятий родителей, Глория радостно бросилась к Робби. Она знала лишь одно: ее друг нашелся!

Но на лице миссис Вестон радость сменилась подозрением. Она повернулась к мужу. Несмотря на волнение и растрепанные волосы, вид у нее был внушительный.

– Это ты подстроил?

Джордж Вестон вытер вспотевший лоб. Его рука тряслась, а губы могли сложиться лишь в дрожащую, крайне жалкую улыбку. Миссис Вестон продолжала:

– Робби не предназначался для работы на заводе. Это ты нарочно устроил так, чтобы его посадили здесь и чтобы Глория его нашла. Это все ты подстроил.

– Ну я, – сказал Вестон. – Но, Грейс, откуда я мог знать, что встреча будет такой бурной? И потом, Робби спас ей жизнь – ты должна это признать. Ты не можешь снова его отослать.

Грейс Вестон задумалась. Она рассеянно взглянула в сторону Глории и Робби. Глория так крепко обхватила шею робота, что, будь на его месте существо из плоти и крови, оно бы давно задохнулось. Вне себя от счастья, девочка оживленно шептала какую-то чепуху на ухо роботу. Руки Робби, отлитые из хромированной стали и способные завязать узлом двухдюймовый стальной стержень, нежно обвивались вокруг девочки, а его глаза светились темно-красным светом.

– Ну ладно, – сказала наконец миссис Вестон, – пожалуй, пусть он остается у нас, пока его ржавчина не съест.

* * *

Сьюзен Кэлвин пожала плечами.

– Конечно, до этого не дошло. Все произошло в 1998 году. К 2002 году изобрели подвижного говорящего робота, и неговорящие модели устарели. Все противники роботов восприняли это как последнюю каплю, переполнившую чашу. Между 2003 и 2007 годами большинство правительств запретило использовать роботов на Земле для любых целей, за исключением

научных.

– Так что Глории пришлось в конце концов расстаться с Робби?

– Боюсь, что да. Я думаю, впрочем, что в пятнадцать лет ей это было легче, чем в восемь. Но все же это было глупо и ненужно. Когда я в 2008 году поступила на «Ю. С. Роботс», фирма была в самом тяжелом финансовом положении. Сначала я даже думала, что через несколько месяцев останусь без работы. Но выход был найден: мы начали осваивать внеземной рынок.

– И все, конечно, уладилось?

– Не совсем. Мы начали с того, что попытались использовать уже существовавшие модели. Например, этих первых говорящих роботов. Они были трех с половиной метров ростом, очень неуклюжие, и пользы от них было немного. Мы послали их на Меркурий, чтобы они помогли построить там рудник. И они не справились.

Я удивленно взглянул на нее.

– Разве? Но ведь сейчас компания «Меркюри Майнз» – огромный концерн с многомиллиардным капиталом.

– Да, сейчас. Но удалась только вторая попытка. Если вы, молодой человек, хотите об этом услышать, я бы посоветовала вам разыскать Грегори Пауэлла. Они с Майклом Донованом занимались у нас в 10-х и 20-х годах самыми трудными делами. Я уже много лет не слышала ничего о Доноване, а Пауэлл живет здесь, в Нью-Йорке. Он теперь дедушка – мне очень трудно привыкнуть к этой мысли. Я помню его молодым. Ну конечно, и я была моложе…

– Может быть, если бы вы рассказали мне что-нибудь в самых общих чертах, то потом мистер Пауэлл дополнил бы ваш рассказ? Начните хотя бы с Меркурия.

– Ну ладно. Вторую экспедицию на Меркурий послали, кажется, в 2015 году. Это была разведочная экспедиция, которую финансировали «Ю. С. Роботс» и фирма «Солар Минералз». Экспедиция состояла из Грегори Пауэлла, Майкла Донована и опытного образца робота новой конструкции…

Хоровод
(Перевод А. Иорданского)

Одно из любимых изречений Грегори Пауэлла гласило, что паника до добра не доводит. Поэтому, когда потный и возбужденный Майкл скатился ему навстречу по лестнице, Пауэлл нахмурился.

– В чем дело? – спросил он. – Ноготь сломал?

– Еще чего, – задыхаясь, огрызнулся Донован. – Что ты целый день делал внизу? – Он перевел дух и выпалил: – Спиди не вернулся!

Глаза Пауэлла широко раскрылись, и он остановился, но тут же заставил себя успокоиться и продолжал молча подниматься. Только на верхней площадке он спросил:

– Ты послал его за селеном?

– Да.

– И давно?

– Уже пять часов.

Снова наступило молчание. Вот дьявольское положение! Ровно двенадцать часов они находятся на Меркурии – и уже попали в такую скверную переделку. Меркурий всегда считался самой каверзной планетой во всей Солнечной системе, но это уже слишком!

Пауэлл произнес:

– Начни сначала и рассказывай по порядку.

Они вошли в радиорубку. Оборудование ее, до которого никто не дотрагивался за все десять лет, прошедшие со времен Первой экспедиции, уже несколько устарело. Для техники эти десять лет значили очень много. Сравнить хотя бы Спиди с роботами того типа, который выпускали в 2005 году. Правда, последние достижения роботехники были особенно головокружительны.

Пауэлл осторожно провел пальцем по еще не потускневшей поверхности металла. Все, что находилось в рубке, казалось каким-то заброшенным и производило гнетущее впечатление. Как, впрочем, и вся станция.

Донован тоже это почувствовал. Он сказал:

– Я попробовал связаться с ним по радио, но без всякого толку. На солнечной стороне радио бесполезно – во всяком случае на расстоянии больше двух миль. Отчасти поэтому и не удалась Первая экспедиция. А чтобы наладить УКВ, нам нужна не одна неделя…

– Ладно, знаю. Что же все-таки ты выяснил?

– Я поймал немодулированный сигнал на коротких волнах. По нему можно было только определить положение Спиди. Я следил за ним два часа и нанес результаты на карту.

Донован достал из заднего кармана пожелтевший листок бумаги – наследие неудачной Первой экспедиции – и, швырнув его на стол, яростно прихлопнул ладонью. Пауэлл наблюдал за ним, стоя поодаль и скрестив руки на груди. Донован нервно ткнул карандашом:

– Этот красный крестик – селеновое озеро.

– Которое? – прервал его Пауэлл. – Там три озера. Те, которые Мак-Дугал нанес для нас на карту перед тем, как улететь.

– Конечно, я послал Спиди к самому ближнему. Семнадцать миль отсюда. Но не в этом дело. – Голос Донована дрожал от напряжения. – Все эти точки обозначают положение Спиди.

В первый раз за все время напускное спокойствие слетело с Пауэлла. Он схватил карту.

– Ты шутишь? Этого не может быть!

– Смотри сам, – буркнул Донован.

Точки, обозначавшие положение робота, образовали неровную окружность, в центре которой находился красный крестик – селеновое озеро. Пальцы Пауэлла потянулись к усам – несомненный признак тревоги.

Донован добавил:

– За два часа, пока я за ним следил, он обошел это проклятое озеро четыре раза. Похоже, он собирается кружить там без конца. Понимаешь, в каком мы положении?

Пауэлл взглянул на него, но ничего не сказал. Конечно, он понимал, в каком они положении. Все было просто, как цепочка силлогизмов. От мощи чудовищного меркурианского солнца их отгораживали только батареи фотоэлементов. Не будет фотоэлементов… Что же, медленное поджаривание – один из самых неприятных видов смерти.

Донован яростно взъерошил рыжую шевелюру.

– Мы осрамимся на всю Солнечную систему, Грег. Это же надо – сразу сесть в галошу! «Знаменитая бригада в составе Пауэлла и Донована послана на Меркурий, чтобы выяснить, стоит ли открывать на солнечной стороне рудники с новейшей техникой и роботами». И вот в первый же день мы все испортили. А дело ведь самое простое. Да нам теперь никакой жизни не будет.

– Об этом не стоит беспокоиться, – спокойно сказал Пауэлл. – Если мы срочно что-нибудь не предпримем, о жизни не может

быть и речи. Мы просто не выживем.

– Не говори глупостей! Может быть, тебе и смешно, а мне нет. Послать нас сюда с одним-единственным роботом – это просто преступление! Да еще эта твоя блестящая идея – самим восстановить фотоэлементы.

– Ну, это ты напрасно. Мы же вместе решали. Ведь нам всего-то и нужно, что килограмм селена, диэлектрическая установка Стиллхэда и три часа времени. И по всей солнечной стороне стоят целые озера чистого селена. Спектрорефлектор Мак-Дугала за пять минут засек целых три. Какого черта! Не могли же мы ждать следующего противостояния!

– Так что будем делать? Пауэлл, ты что-то придумал? Я знаю, иначе бы ты не был таким спокойным. На героя ты похож не больше, чем я. Давай выкладывай!

– Сами пойти за Спиди мы не можем. Это все-таки солнечная сторона. Под этим солнцем даже новые скафандры выдержат не больше двадцати минут. Но знаешь старую поговорку: «Пошли робота поймать робота»? Послушай, Майк, дело, может быть, не так уж плохо. У нас внизу есть шесть роботов. Если они только исправны.

В глазах Донована мелькнул проблеск надежды.

– Шесть роботов Первой экспедиции? А ты уверен? Может быть, это просто полуавтоматы? Ведь десять лет – это очень много для роботехники.

– Нет, это роботы. Я целый день с ними возился и теперь знаю. У них позитронный мозг – конечно, самый примитивный.

Он сунул карту в карман.

– Пойдем вниз.

Роботы хранились в самом нижнем ярусе станции, среди покрытых пылью ящиков неизвестно с чем. Они были очень большие – даже в сидячем положении их головы возвышались над полом на добрых два метра.

Донован присвистнул:

– Вот это габариты, а? Не меньше трех метров в обхвате.

– Это потому, что они оборудованы старым приводом Мак-Геффи. Я заглянул внутрь – жуткое устройство.

– Ты еще не включал их?

– Нет. А зачем? Вряд ли что-нибудь не в порядке. Даже диафрагмы выглядят прилично. Они должны говорить.

Он отвинтил щиток на груди ближайшего робота и вложил в отверстие двухдюймовый шарик, в котором была заключена ничтожная искорка атомной энергии – все, что требовалось, чтобы вдохнуть в робота жизнь. Шарик было довольно трудно

приладить, но в конце концов Пауэллу это удалось. Потом он старательно закрепил щиток и занялся следующим роботом.

Донован сказал с беспокойством:

– Они не двигаются.

– Нет команды, – коротко объяснил Пауэлл. Он вернулся к первому роботу и хлопнул его по броне: – Эй, ты! Ты меня слышишь?

Гигант медленно нагнул голову, и его глаза остановились на Пауэлле. Потом раздался хриплый скрипучий голос, похожий на звук древнего фонографа:

– Да, хозяин.

Пауэлл невесело усмехнулся.

– Понял, Майк? Это один из первых говорящих роботов. Тогда дело шло к тому, что применение роботов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в дурацкие машины прочный, надежный инстинкт раба.

– Но это не помогло, – заметил Донован.

– Нет, конечно, но они все-таки старались.

Он снова повернулся к роботу.

– Встань!

Робот медленно поднялся. Донован задрал голову и снова присвистнул.

Пауэлл спросил:

– Ты можешь выйти на поверхность? На солнце?

Наступила тишина. Мозг робота работал медленно. Потом робот ответил:

– Да, хозяин.

– Хорошо. Ты знаешь, что такое миля?

Снова молчание и неторопливый ответ:

– Да, хозяин.

– Мы выведем тебя на поверхность и укажем направление. Ты пройдешь около семнадцати миль и встретишь где-то там другого робота, поменьше. Понимаешь?

– Да, хозяин.

– Ты найдешь этого робота и прикажешь ему вернуться. Если он не пойдет, приведешь его силой.

Донован тронул Пауэлла за рукав.

– Почему бы не послать его прямо за селеном?

– Потому что мне нужен Спиди, понятно? Я хочу знать, что с ним стряслось. – Повернувшись к роботу, он приказал: – Иди за мной!

Робот не двинулся с места, и его голос громыхнул:

– Простите, хозяин, но я не могу. Вы должны сначала сесть.

Его неуклюжие руки со звоном соединились, тупые пальцы

переплелись, образовав что-то вроде стремени.

Пауэлл уставился на робота, теребя усы.

– Ого! Гм…

Донован вытаращил глаза.

– Мы должны ехать на них? Как на лошадях?

– Наверное. Правда, я не знаю, зачем это. Впрочем… Ну конечно! Я же говорю, что тогда слишком увлекались безопасностью. Очевидно, конструкторы хотели всех убедить, что роботы совершенно безопасны. Они не могут двигаться самостоятельно, а только с погонщиком на плечах. А что нам делать?

– Я об этом и думаю, – проворчал Донован. – Мы все равно не можем появиться на поверхности – с роботом или без робота. О господи! – Он дважды возбужденно щелкнул пальцами. – Дай мне эту карту. Зря, что ли, я ее два часа изучал? Вот наша станция. А почему бы нам не воспользоваться туннелями?

Станция была помечена на карте кружком, от которого паутиной разбегались пунктирные линии туннелей.

Донован вгляделся в список условных обозначений.

– Смотри, – сказал он, – эти маленькие черные точки – выходы на поверхность. Один из них самое большее в трех милях от озера. Вот его номер… Они могли бы писать и покрупнее… Ага, 13а. Если только роботы знают дорогу…

Пауэлл немедленно задал вопрос и получил в ответ вялое: «Да, хозяин».

– Иди за скафандрами, – удовлетворенно сказал он.

Они надевали скафандры впервые. Еще вчера, когда они прибыли на Меркурий, они вообще не собирались этого делать. А теперь неловко двигали руками и ногами, осваиваясь с неудобным одеянием.

Скафандры были намного толще и еще безобразнее, чем обычные костюмы для космических полетов. Зато они были значительно легче – в них не было ни кусочка металла. Изготовленные из термоустойчивого пластика, прослоенные специально обработанной пробкой, снабженные устройством, удалявшим из воздуха всю влагу, эти скафандры могли противостоять нестерпимому сиянию меркурианского солнца двадцать минут, ну и еще пять-десять минут без непосредственной смертельной опасности для человека.

Робот все еще держал руки стременем. Он не выказал никаких признаков удивления при виде нелепой фигуры, в которую превратился Пауэлл.

Радио хрипло разнесло голос Пауэлла:

– Ты готов доставить нас к выходу 13а?

– Да, хозяин.

«И то хорошо, – подумал Пауэлл. – Может быть, им и не хватает дистанционного радиоуправления, но, по крайней мере, они хоть могут принять команды».

– Садись на любого, Майк, – сказал он Доновану.

Он поставил ногу в импровизированное стремя и взобрался наверх. Сидеть было удобно: на спине у робота был специальный горб, на каждом плече – по выемке для ног. Теперь стало ясно и назначение «ушей» гиганта. Пауэлл взялся за «уши» и повернул голову робота. Тот неуклюже повернулся.

– Вези, Макдуф!

Но на самом деле Пауэллу было вовсе не до шуток.

Шагая медленно, с механической точностью, гигантские роботы прошли в дверь, притолока которой пришлась едва на полметра выше их голов, так что всадники поспешили пригнуться. Узкий коридор, под сводами которого мерно громыхали тяжелые, неторопливые шаги гигантов, вел в шлюзовую камеру, где пришлось подождать, пока не будет откачан воздух.

Длинный безвоздушный туннель, уходящий вдаль, напоминал Пауэллу об огромной работе, проделанной Первой экспедицией с ее убогим снаряжением. Да, она окончилась неудачей, но эта неудача стоила иного легкого успеха.

Роботы шагали по туннелю. Их скорость была неизменна, поступь равномерна.

Пауэлл сказал:

– Смотри-ка, туннель освещен и температура как на Земле. Наверное, так было все эти десять лет, пока здесь никто не жил.

– Каким же образом они этого добились?

– Дешевая энергия. Самая дешевая во всей Солнечной системе. Излучение Солнца здесь, на солнечной стороне Меркурия, – это не шуточки. Вот почему они построили станцию на открытом месте, а не в тени какой-нибудь горы. Ведь сама станция – это просто огромный преобразователь энергии. Тепло превращается в электричество, свет, механическую работу и во все, что хочешь. И одновременно с получением энергии станция охлаждается.

– Слушай, – сказал Донован, – это все очень поучительно, только давай поговорим о чем-нибудь другом. Ведь преобразованием энергии занимаются фотоэлементы, а это сейчас мое больное место.

Пауэлл что-то проворчал, и после паузы Донован заговорил о другом.

– Послушай, Грег. Что все-таки могло случиться со Спиди? Я

никак не могу этого понять.

В скафандре трудно пожать плечами, но Пауэллу это удалось.

– Не знаю, Майк. Ведь он полностью приспособлен к условиям Меркурия. Жара ему не страшна, он рассчитан на уменьшенную силу тяжести, может двигаться по пересеченной местности. Все предусмотрено – по крайней мере, должно быть предусмотрено.

Они замолчали, на этот раз надолго.

– Хозяин, – сказал робот, – мы на месте.

– А? – Пауэлл очнулся. – Ну, давай выбираться наверх. На поверхность.

Они оказались в небольшом павильоне – пустом, полуразрушенном. Донован зажег фонарь и долго разглядывал рваные края дыры в одной из стен, прямо под потолком.

– Метеорит? Как ты думаешь? – спросил он.

Пауэлл пожал плечами.

– Какая разница? Неважно. Пойдем.

Стоявшая рядом черная базальтовая скала защищала их от солнца. Вокруг все было погружено в черную тень безвоздушного мира. Тень обрывалась, как будто обрезанная ножом, и дальше начиналось нестерпимое белое сияние мириад кристаллов, покрывавших почву.

– Клянусь космосом, вот это да! – У Донована захватило дух от удивления. – Прямо как снег!

Действительно, это было похоже на снег. Пауэлл окинул взглядом сверкающую неровную поверхность, которая простиралась до самого горизонта, и поморщился от режущего глаза блеска.

– Это какое-то необычное место, – сказал он. – В среднем коэффициент отражения от поверхности Меркурия довольно низок, и почти вся планета покрыта серой пемзой. Что-то вроде Луны. А красиво, правда?

Хорошо, что скафандры были снабжены светофильтрами. Красиво или нет, но незащищенные глаза за полминуты ослепли бы от этого сверкания.

Донован посмотрел на термометр, укрепленный на запястье скафандра.

– Ого! Восемьдесят градусов!

Пауэлл тоже взглянул на термометр и сказал:

– Да… Многовато. Ничего не поделаешь, атмосфера…

– На Меркурии? Ты спятил!

– Да нет. Ведь и на Меркурии есть кое-какая атмосфера, – рассеянно ответил Пауэлл, пытаясь неуклюжими пальцами скафандра приладить к шлему стереотрубу. – У поверхности

должен стелиться тонкий слой паров. Летучие элементы, тяжелые соединения, которые может удержать притяжение Меркурия. Селен, йод, ртуть, галлий, калий, висмут, летучие окислы. Пары попадают в тень и конденсируются, выделяя тепло. Это что-то вроде гигантского перегонного куба. Зажги фонарь – и увидишь, что скала с этой стороны покрыта каким-нибудь там серным инеем или ртутной росой.

– Ну, это неважно. Какие-то жалкие восемьдесят градусов наши скафандры выдержат сколько угодно.

Пауэлл наконец приладил стереотрубу и теперь стал похож на улитку с рожками. Донован напряженно ждал.

– Что-нибудь видно?

Пауэлл ответил не сразу. Его голос был полон тревоги.

– Вон на горизонте темное пятно. Это, скорее всего, селеновое озеро. Оно тут и должно быть. А Спиди не видно.

Пауэлл поставил ноги на спину робота, осторожно выпрямился и стал вглядываться в даль.

– Постой… Ну да, это он. Идет сюда.

Донован посмотрел в ту сторону, куда указывал палец Пауэлла. У него не было стереотрубы, но он разглядел на фоне ослепительного сверкания кристаллов движущуюся черную точку.

– Вижу! – крикнул он. – Поехали!

Пауэлл снова уселся на плечах робота и хлопнул перчаткой по его гигантской груди:

– Пошел!

– Давай, давай! – вопил Донован, пришпоривая своего робота пятками.

Роботы двинулись вперед. Их мерный топот не был слышен в безвоздушном пространстве, а через синтетическую ткань скафандра звук тоже не передавался. Чувствовались только ритмичные колебания.

– Быстрее! – приказал Донован, но ритм не изменился.

– Бесполезно, – ответил Пауэлл. – Этот железный лом может двигаться только с одной скоростью. Не думаешь ли ты, что они оборудованы селективными флексорами?

Они вынырнули из тени. Свет солнца обрушился на них раскаленным потоком. Донован невольно пригнулся.

– Ух! Это мне кажется или на самом деле жарко?

– Скоро будет еще жарче, – последовал мрачный ответ. – Смотри – Спиди!

Робот СПД-13 был уже близко, и его можно было рассмотреть во всех подробностях. Грациозное обтекаемое тело, отбрасывавшее слепящие блики, четко и быстро передвигалось по неровной поверхности. Его имя – Спиди (Проворный) – было

образовано из букв, составлявших его марку, но оно очень подходило ему. Модель СПД была одним из самых быстрых роботов, которые выпускались фирмой «Ю. С. Роботс».

– Эй, Спиди! – завопил Донован, отчаянно махая руками.

– Спиди! – закричал Пауэлл. – Иди сюда.

Расстояние между людьми и свихнувшимся роботом быстро уменьшалось – больше благодаря Спиди, чем медленным, устаревшим за десять лет сооружениям, на которых восседали Пауэлл и Донован.

Теперь уже можно было разглядеть, что походка у Спиди какая-то неровная – робот заметно пошатывался на ходу из стороны в сторону. Пауэлл замахал рукой и увеличил до предела усиление в своем компактном, встроенном в шлем радиопередатчике, готовясь крикнуть еще раз. В этот момент Спиди заметил их.

Он остановился как вкопанный и стоял некоторое время, чуть покачиваясь, как будто от легкого ветерка.

Пауэлл закричал:

– Все в порядке, Спиди! Иди сюда!

В наушниках наконец-то послышался голос робота:

– Вот здорово! Давайте поиграем. Вы ловите меня, а я буду ловить вас. Никакая любовь нас не разлучит. Я – маленький цветочек, милый маленький цветочек. Ур-ра!

Повернувшись кругом, он помчался обратно с такой скоростью, что из-под его ног полетели комки спекшейся пыли. Последние слова, которые он произнес, удаляясь, были: «Растет цветочек маленький под дубом вековым». За этим последовали металлические щелчки, которые, возможно, у робота соответствовали икоте.

Донован тихо сказал:

– Откуда он взял эти нелепые стишки? Слушай, Грег, он… пьян. Очень похоже.

– Если бы ты мне этого не сообщил, я бы, наверное, никогда не догадался, – ехидно заметил Пауэлл. – Давай вернемся в тень. Я уже поджариваюсь.

Они помолчали. Потом Пауэлл сказал:

– Прежде всего, Спиди не пьян – то есть не так, как человек. Он робот, а роботы не пьянеют. Но с ним происходит что-то неладное, и это выглядит так же, как у человека – опьянение.

– По-моему, он действительно пьян, – решительно заявил Донован. – Во всяком случае, он думает, что мы с ним играем. А нам не до игрушек. Это дело жизни или смерти – и смерти довольно-таки неприятной.

– Ладно, не спеши. Робот – это всего лишь робот. Как только

мы узнаем, что с ним, мы его починим.

– Как только… – желчно буркнул Донован.

Пауэлл пропустил эти слова мимо ушей.

– Спиди прекрасно приспособлен к обычным условиям Меркурия. Но эта местность, – он обвел руками горизонт, – явно необычна. Вот в чем дело. Откуда, например, взялись эти кристаллы? Они могли образоваться из медленно остывающей жидкости. Но какая жидкость настолько горяча, чтобы остывать под солнцем Меркурия?

– Вулканические явления, – немедленно продолжил Донован.

Пауэлл опять напрягся.

– Устами младенца… – произнес он сдавленным голосом и замолчал на пять минут. Потом сказал: – Слушай, Майк. Что ты сказал Спиди, когда посылал его за селеном?

Донован удивился.

– Ну, не знаю. Я просто велел принести селен.

– Это ясно. Но как? Попробуй точно припомнить.

– Я сказал… Постой… Я сказал: «Спиди, нам нужен селен. Ты найдешь его там-то и там-то. Пойди и принеси его». Вот и все. Что же я еще должен был сказать?

– Ты не говорил, что это очень важно, срочно?

– Зачем? Дело-то простое.

Пауэлл вздохнул.

– Да, теперь уже ничего не изменишь. Но мы попали в переделку.

Он слез со своего робота и сел, прислонившись к скале. Донован подсел к нему и взял под руку. За гранью тени слепящее солнце подстерегало их, как кошка – мышь. А рядом стояли два гигантских робота, невидимые в темноте. Только светившиеся тусклым красным светом фотоэлектрические глаза смотрели на них – немигающие, неподвижные, равнодушные.

Равнодушные! Такие же, как и весь этот гибельный Меркурий – маленький, но коварный.

Донован услышал напряженный голос Пауэлла:

– Теперь слушай. Начнем с Трех основных Законов Роботехники – трех правил, которые прочно закреплены в позитронном мозгу. Первое. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

– Правильно.

– Второе, – продолжал Пауэлл. – Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

– Верно.

– И третье. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

– Верно. Ну и что?

– Так это же все объясняет. Когда эти законы вступают в противоречие между собой, дело решает разность позитронных потенциалов в мозгу. Что получается, если робот приближается к месту, где ему грозит опасность, и сознает это? Потенциал, который создается Третьим Законом, автоматически заставляет его вернуться. Но представь себе, что ты приказал ему приблизиться к опасному месту. В этом случае Второй Закон создает противоположный потенциал, который выше первого, и робот выполняет приказ с риском для собственного существования.

– Это я знаю. Но что отсюда следует?

– Что могло случиться со Спиди? Это одна из последних моделей, специализированная, дорогая, как линкор. Он сделан так, чтобы его нелегко было уничтожить.

– Ну и?..

– Ну и при его программировании Третий Закон был задан особенно строго – кстати, это специально отмечалось в проспектах. Его стремление избежать опасности необыкновенно сильно. А когда ты послал его за селеном, ты дал команду небрежно, так что потенциал, связанный со Вторым Законом, был довольно слаб. Это все – факты.

– Давай, давай. Кажется, я начинаю понимать.

– Ясно? Около селенового озера существует какая-то опасность. Она возрастает по мере того, как робот приближается к нему, и на каком-то расстоянии от озера потенциал Третьего Закона, с самого начала очень высокий, становится равен потенциалу Второго Закона, с самого начала слабому.

Донован возбужденно вскочил на ноги.

– Ясно! Устанавливается равновесие. Третий Закон гонит его назад, а Второй – вперед…

– И он начинает кружить около озера, оставаясь на линии, где существует это равновесие. И если мы ничего не предпримем, он так и будет бегать по этому кругу, точно в хороводе…

Он продолжал задумчиво:

– И между прочим, поэтому он и ведет себя как пьяный. При равновесии потенциалов половина позитронных цепей в мозгу не действует. Я не специалист по позитронике, но это очевидно. Возможно, он потерял контроль как раз над теми же частями своего волевого механизма, что и пьяный человек. А вообще все это очень мило.

– Но откуда взялась опасность? Если бы знать, от чего он бегает…

– Да ведь ты сам уже догадался! Вулканические явления. Где-то около озера просачиваются газы из недр Меркурия. Сернокислый газ, углекислота – и окись углерода. А при здешних температурах…

Донован проглотил слюну.

– Окись углерода плюс железо дает летучий карбонил железа!

– А робот, – мрачно добавил Пауэлл, – это в основном железо. Люблю логические рассуждения. Мы уже все выяснили, кроме того, что теперь делать. Сами добраться до селена мы не можем – все-таки слишком далеко. Мы не можем послать этих битюгов, потому что они без нас не пойдут, а если мы поедем с ними, то успеем подрумяниться. Поймать Спиди мы не можем – этот дурень думает, что мы с ним играем, а скорость у него шестьдесят миль в час против наших четырех…

– Но если один из нас отправится за ним, – начал задумчиво Донован, – и вернется поджаренным, то ведь останется другой…

– О да, конечно. Очень трогательная жертва! Только прежде чем человек доберется до озера, он уже будет не в состоянии отдать приказ. А без приказа роботы вряд ли вернутся. Прикинь: мы в двух или в трех милях от озера – ну, считай, в двух. Робот делает четыре мили в час. А в скафандрах мы можем продержаться двадцать минут. Имей в виду, что тут не только высокая температура. Солнечное излучение в ультрафиолете и дальше – это тоже смерть.

– Н-да, – сказал Донован. – Всего десяти минут не хватает.

– Для нас все равно – десяти минут или целой вечности. И еще: чтобы потенциал Третьего Закона остановил Спиди на таком расстоянии, здесь должно быть довольно много окиси углерода, смешанной с парами металлов. В такой среде быстро идет коррозия. Он гуляет там уже несколько часов. В любой момент, скажем, коленный сустав может выйти из строя, и он перевернется. Тут нужно не просто шевелить мозгами – нужно решать быстро!

Наступило глубокое, мрачное, унылое молчание.

Первым заговорил Донован. Его голос дрожал, но он старался говорить спокойно.

– Ну хорошо, мы не можем усилить потенциал Второго Закона новой командой. А нельзя ли попробовать с другого конца? Если мы увеличим опасность, то усилится потенциал Третьего Закона, и мы отгоним его назад.

Пауэлл молча повернул к нему окошко своего шлема.

– Послушай, – осторожно продолжал Донован, – все, что нам

нужно, чтобы отогнать его, это повысить концентрацию окиси углерода. А на станции есть целая аналитическая лаборатория.

– Естественно, – согласился Пауэлл. – Это же станция-рудник.

– Верно. А значит, там должно быть изрядное количество щавелевой кислоты для осаждения кальция.

– Клянусь космосом! Майк, ты гений!

– Более или менее, – скромно согласился Донован. – Я просто вспомнил, что щавелевая кислота при нагревании разлагается на углекислый газ, воду и добрую старую окись углерода. Элементарный институтский курс химии.

Пауэлл вскочил и хлопнул гигантского робота по ноге.

– Эй! – крикнул он. – Ты умеешь бросать?

– Что, хозяин?

– Не важно. – Пауэлл обругал про себя тяжелодумного робота и схватил обломок скалы величиной с кирпич. – Возьми и попади в гроздь голубых кристаллов – вон за той кривой трещиной. Видишь?

Донован дернул его за руку.

– Слишком далеко, Грег. Это же почти полмили.

– Спокойно, – ответил Пауэлл. – Вспомни о силе тяжести на Меркурии. А рука у него стальная. Смотри.

Глаза робота с машинной точностью измеряли дистанцию. Он прикинул вес камня и замахнулся. В темноте его движения были плохо видны, но когда он переступил с ноги на ногу, почувствовалось заметное сотрясение. Камень черной точкой вылетел за пределы тени. Его полету не мешали ни сопротивление воздуха, ни ветер, и, когда он упал, осколки голубых кристаллов разлетелись из самого центра грозди.

Пауэлл радостно воскликнул:

– Поехали за кислотой, Майк!

Когда они въехали в разрушенный павильон, Донован мрачно сказал:

– Спиди болтается на нашей стороне озера с тех пор, как мы за ним погнались. Ты заметил?

– Да.

– Наверное, хочет поиграть с нами. Ну я ему поиграю!..

Они вернулись через несколько часов с трехлитровыми банками белого порошка и с вытянувшимися лицами. Фотоэлементы разрушались еще быстрее, чем они думали.

Они вывели своих роботов на солнце и молча, сосредоточенно и мрачно направились к Спиди.

Спиди не спеша запрыгал к ним.

– Вот и мы! Ур-ра! Вышел месяц из тумана и не ударил лицом

в грязь!

– Я тебе покажу грязь, – пробормотал Донован. – Смотри, Грег, он хромает.

– Вижу, – последовал озабоченный ответ. – Если мы не поторопимся, то окись углерода его доконает.

Теперь они приближались медленно, почти крадучись, чтобы не спугнуть свихнувшегося робота. Они были еще довольно далеко, но Пауэлл уже мог бы поклясться, что Спиди приготовился пуститься наутек.

– Давай! – прошептал он. – Считаю до трех. Раз, два…

Две стальные руки одновременно описали дугу, и две стеклянные банки полетели параллельными траекториями, сверкая, как бриллианты, под невозможным светом. Они бесшумно разбились вдребезги, и позади Спиди поднялось облачко щавелевой кислоты. Пауэлл знал, что на ярком меркурианском солнце она бурлит, как газированная вода.

Спиди медленно повернулся, потом попятился и так же медленно начал набирать скорость. Через пятнадцать секунд он уже неуверенными прыжками двигался в сторону людей.

Пауэлл не расслышал, что говорил при этом робот, но ему послышалось что-то вроде: «Не клянись, слов любви не говори…»

Пауэлл вернулся к Донована.

– Под скалу, Майк! Он вырвался из этой колеи и теперь будет слушаться. Мне уже становится жарко.

Они затрусили в тень на плечах своих медленных гигантов. Только когда они почувствовали вокруг себя приятную прохладу, Донован обернулся.

– Грег!!!

Пауэлл посмотрел назад и чуть не вскрикнул. Спиди медленно, очень медленно удалялся. Он снова входил в свою круговую колею, постепенно набирая скорость. В стереотрубу казалось, что он очень близко, но он был недосягаем.

– Догнать его! – закричал Донован и пустил робота, но Пауэлл остановил его.

– Ты его не поймаешь, Майк. Бесполезно.

Он сжал кулаки, чувствуя свою полную беспомощность.

– Почему же я это понял только через пять секунд после того, как все произошло? Майк, мы зря потеряли время.

– Нужно еще кислоты, – упрямо заявил Майк. – Концентрация была слишком мала.

– Да нет. Тут не помогли бы и семь тонн. А если бы у нас и было столько кислоты, мы все равно не успели бы ее привезти. Коррозия съест его. Неужели ты не понял, Майк?

– Нет, – сознался Донован.

– Мы просто установили новое равновесие. Когда окиси углерода становится больше и потенциал Третьего Закона увеличивается, Спиди просто отступает, пока снова не установится равновесие, а потом, когда окись углерода улетучивается, опять продвигается вперед, к озеру. – В голосе Пауэлла зазвучало отчаяние. – Это все тот же хоровод. Мы можем тянуть за Третий Закон и тащить за Второй, и все равно ничего не изменится. Только точка равновесия будет перемещаться. Нужно выйти за пределы этих законов.

Он развернул своего робота лицом к Доновану, так что они оказались друг против друга – смутные тени в темноте, и прошептал:

– Майк!

– Это конец, – устало сказал Донован. – Что же, поехали на станцию. Подождем, пока фотоэлементы выгорят окончательно, пожмем друг другу руки, примем цианистый калий и умрем, как подобает джентльменам.

Он коротко усмехнулся.

– Майк, – серьезно повторил Пауэлл. – Мы должны вернуть Спиди.

– Я знаю.

– Майк, – снова начал Пауэлл и после недолгого колебания продолжал: – Есть еще Первый Закон. Я об этом уже думал, но это – крайнее средство.

Донован взглянул на него, и его голос оживился:

– Самое время для крайнего средства.

– Ладно. По Первому Закону робот не может допустить, чтобы из-за его бездействия человеку грозила опасность. Тут уж ни Второй, ни Третий Законы его не остановят. Не могут, Майк.

– Даже когда робот свихнулся? Он же пьян.

– Конечно, есть риск.

– Хорошо, что ты предлагаешь?

– Я сейчас выйду на солнце и посмотрю, как будет действовать Первый Закон. Если и он не нарушит равновесия, то… Какого черта, тогда все равно: или сейчас, или через три-четыре дня…

– Погоди, Грег. Есть еще законы человеческие. Ты не имеешь права просто так взять и пойти. Давай разыграем, чтобы все было по-честному.

– Ладно. Кто первый возведет четырнадцать в куб? – И почти сразу: – Две тысячи семьсот сорок четыре.

Донован почувствовал, как робот Пауэлла, проходя мимо, задел его робота. Через секунду Пауэлл уже был за границей тени. Донован раскрыл рот, чтобы крикнуть, но удержался.

Конечно, этот идиот заранее подсчитал, сколько будет четырнадцать в кубе. Очень на него похоже.

Солнце жгло невыносимо, и Пауэлл почувствовал, что у него страшно зачесалась спина. Наверное, воображение. А может быть, жесткое излучение уже проникает даже сквозь скафандр.

Спиди следил за ним, но на этот раз не приветствовал его никакими дурацкими стихами. Спасибо и на том! Но нельзя подходить к нему слишком близко.

До Спиди оставалось еще метров триста, и тут он начал шаг за шагом осторожно пятиться назад. Пауэлл остановил своего робота и спрыгнул на землю, покрытую кристаллами. Во все стороны брызнули осколки.

Поверхность планеты была рыхлая, кристаллы скользили под ногами. Из-за уменьшенной силы тяжести идти было трудно. Подошвы жгло. Он оглянулся через плечо и увидел, что ушел уже слишком далеко, что не успеет вернуться в тень – ни сам, ни с помощью своего неуклюжего робота. Теперь или Спиди, или конец. У него перехватило горло.

Достаточно! Пауэлл остановился.

– Спиди! – позвал он. – Спиди!

Сверкающий современный робот впереди замедлил шаг, остановился, потом снова попятился.

Пауэлл попробовал вложить в свой голос как можно больше мольбы – и обнаружил, что для этого не требовалось особого труда.

– Спиди! Я должен вернуться в тень, иначе солнце убьет меня. Речь идет о жизни и смерти! Спиди, помоги!

Спиди сделал шаг вперед и остановился. Он заговорил, но, услышав его, Пауэлл застонал. Робот произнес: «Если ты лежишь больной, если завтра выходной…» Голос стих.

Настоящее пекло! Уголком глаза Пауэлл заметил какое-то движение, резко повернулся и застыл в изумлении. Чудовищный робот, на котором он ехал, двигался – двигался к нему без всадника!

Робот заговорил:

– Простите меня, хозяин. Я не должен двигаться без хозяина, но вам грозит опасность.

Ну конечно, Первый Закон – превыше всего. Но ему не нужна эта древняя развалина. Ему нужен Спиди. Он сделал несколько шагов в сторону и отчаянно закричал:

– Я запрещаю тебе подходить. Я приказываю остановиться!

Бесполезно! С потенциалом Первого Закона ничего не поделаешь. Робот тупо сказал:

– Вам грозит опасность, хозяин.

Пауэлл в отчаянии огляделся. В глазах у него уже все расплывалось, в мозгу крутился раскаленный вихрь, собственное дыхание обжигало его, и все кругом дрожало в неясном мареве. Он в последний раз закричал:

– Спиди! Я умираю, черт тебя побери! Где ты? Спиди! Помоги!

Он все еще пятился в слепом стремлении уйти от непрошеной помощи гигантского робота, когда почувствовал на своей руке стальные пальцы и услышал озабоченный, виноватый голос металлического тембра:

– Господи, Пауэлл, что вы тут делаете? И что ж я смотрю… Я как-то растерялся…

– Неважно, – едва выговорил Пауэлл. – Неси меня в тень скалы. И поскорее!

Он почувствовал, что его поднимают в воздух и быстро несут, в последний раз ощутил палящий жар и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что над ним заботливо наклонился улыбающийся Донован.

– Ну как, Грег?

– Прекрасно, – ответил он. – Где Спиди?

– Здесь. Я послал его к другому селеновому озеру – на этот раз с приказом добыть селен во что бы то ни стало. Он принес его через сорок две минуты и три секунды – я засек время. Он все еще не кончил извиняться за этот хоровод. Он не решается подойти к тебе – боится, что ты скажешь.

– Тащи его сюда, – распорядился Пауэлл. – Он не виноват.

Он крепко пожал металлическую руку Спиди.

– Все в порядке, Спиди. Знаешь что, Майк?

– Да?

Он потер лицо – воздух был восхитительно прохладен.

– Знаешь, когда мы здесь все кончим и Спиди пройдет полевые испытания, они хотят послать нас на межпланетную станцию…

– Не может быть!

– Да, по крайней мере, так сказала тетка Кэлвин перед тем, как мы отправились сюда. Я ничего об этом не говорил, потому что собирался возражать.

– Возражать? – воскликнул Донован. – Но…

– Знаю. Теперь все в порядке. Представляешь – двести семьдесят три градуса ниже нуля! Разве это не рай?

– Межпланетная станция, – произнес Донован. – Ну что ж, я готов!

Логика
(Перевод А. Иорданского)

Грегори Пауэлл и Майкл Донован всей душой стремились поработать на межпланетной станции, но полгода спустя они изменили свое мнение. Действительно, пламя огромного солнца сменилось бархатной тьмой пустоты. Но когда вы имеете дело с экспериментальными роботами, перемена обстановки значит очень мало. Где бы вы ни находились, вы стоите лицом к лицу с загадочным позитронным мозгом, который, по утверждению гениев с логарифмическими линейками, должен работать так-то и так-то. Беда только в том, что он, оказывается, работает иначе. Пауэлл и Донован обнаружили это на исходе второй недели своего пребывания на станции.

Грегори Пауэлл раздельно и четко произнес:

– Неделю назад мы с Донованом собрали тебя.

Он нахмурился и потянул себя за кончик уса.

В кают-компании Солнечной станции № 5 было тихо, если не считать доносившегося откуда-то снизу мягкого урчания мощных излучателей.

Робот КТ-1 сидел неподвижно. Вороненая сталь его туловища поблескивала в лучах ярких ламп, а горевшие красным светом фотоэлементы, которые заменяли ему глаза, пристально смотрели на человека с Земли, сидевшего по другую сторону стола. Пауэлл подавил внезапное раздражение. У этих роботов какое-то странное мышление. Ну конечно, Три Закона Роботехники действуют. Должны действовать. Любой служащий «Ю. С. Роботс», начиная от самого Робертсона и кончая последней уборщицей, поручился бы за это головой. Так что опасаться КТ-1 не приходилось. И все-таки…

Модель КТ была совершенно новой, а это был первый опытный ее экземпляр. И закорючки математических формул не всегда оказывались самым лучшим утешением перед лицом фактов.

Наконец робот заговорил. Его голос отличался холодным тембром – неизбежное свойство металлической мембраны.

– Вы представляете себе, Пауэлл, всю серьезность этого заявления?

– Но кто-то должен был сделать тебя, Кьюти, – заметил Пауэлл. – Ты сам подтверждаешь, что твоя память в полном объеме возникла из ничего неделю назад. Я могу дать этому факту объяснение. Мы с Донованом собрали тебя из присланных

сюда частей.

Кьюти с таинственным видом посмотрел на свои длинные, гибкие пальцы. В этот момент он был странно похож на человека.

– Мне кажется, должно существовать более правдоподобное объяснение. Мне представляется маловероятным, что меня сделали вы.

Человек с Земли неожиданно рассмеялся.

– Почему же?

– Можете назвать это интуицией. Пока это только интуиция. Однако я намерен разобраться во всем до конца. Цепь логически правильных рассуждений неизбежно приведет к истине. Я постараюсь до нее добраться.

Пауэлл встал и пересел на край стола, поближе к роботу. Он вдруг почувствовал симпатию к этой странной машине. Она была совсем не похожа на обычных роботов, которые старательно выполняли свои обязанности на станции, подчиняясь заранее заданным, устойчивым позитронным связям.

Он положил руку на плечо Кьюти. Металл был холодным и твердым на ощупь.

– Кьюти, – сказал он, – я попробую тебе кое-что объяснить. Ты – первый робот, который задумался над собственным существованием. Я думаю также, что ты – первый робот, который достаточно умен, чтобы осмыслить внешний мир. Пойдем со мной.

Робот мягко поднялся и последовал за Пауэллом. Его ноги, обутые в толстую губчатую резину, ступали совершенно бесшумно.

Человек с Земли нажал кнопку, и часть стены скользнула вбок. Сквозь толстое прозрачное стекло стало видно испещренное звездами космическое пространство.

– Я это видел через иллюминаторы в машинном отделении, – заметил Кьюти.

– Знаю, – сказал Пауэлл. – Как по-твоему, что это?

– Именно то, чем оно кажется. Черное вещество сразу за этим стеклом, испещренное маленькими блестящими точками. Я знаю, что к некоторым из этих точек – всегда к одним и тем же – наш излучатель посылает лучи. Я знаю также, что эти точки перемещаются и что наши лучи перемещаются вслед за ними. Вот и все.

– Хорошо. Теперь слушай внимательно. Черное вещество – это пустота. Пустота, простирающаяся в бесконечность. Маленькие блестящие точки – огромные массы материи, начиненные энергией. Это шары. Многие из них имеют миллионы километров в диаметре. Для сравнения имей в виду, что диаметр

нашей станции всего полтора километра. Они кажутся такими маленькими, потому что они невероятно далеко. Точки, на которые направлены наши лучи, ближе и гораздо меньше. Они твердые, холодные, и на их поверхности живут люди вроде меня, миллиарды людей. Из такого мира и прилетели мы с Донованом. Наши лучи снабжают эти миры энергией, а мы ее получаем от одного из огромных раскаленных шаров поблизости от нас. Мы называем этот шар Солнцем. Его отсюда не видно – он по ту сторону станции.

Кьюти стоял у окна неподвижно, как стальное изваяние. Потом, не поворачивая головы, он заговорил:

– С какой именно светящейся точки вы прилетели, как вы утверждаете?

– Вот она, эта очень яркая звездочка в углу. Мы называем ее Землей. – Пауэлл ухмыльнулся. – Старушка Земля… там миллиарды таких, как мы, Кьюти, а через пару недель и мы будем там, с ними.

К большому удивлению Пауэлла, Кьюти вдруг рассеянно замурлыкал про себя. Это мурлыканье было лишено мелодии и похоже на тихий перебор натянутых струн. Оно прекратилось так же внезапно, как и началось.

– Ну а я? Вы не объяснили моего существования.

– Все остальное просто. Когда впервые были устроены эти энергостанции, ими управляли люди. Но из-за жары, жесткого солнечного излучения и электронных бурь работать здесь было трудно. Были сконструированы роботы, заменявшие людей. Теперь на каждой станции нужны только два человека. А мы пытаемся заменить роботами и их. Вот в чем смысл твоего существования. Ты – самый совершенный робот из всех, какие были построены до сих пор. Если ты докажешь, что способен сам управлять этой станцией, людям не придется больше появляться здесь, если не считать доставку запасных частей.

Он протянул руку к кнопке, и металлическая панель задвинулась. Пауэлл вернулся к столу, взял яблоко, потер его о рукав и надкусил. Его остановил красный блеск глаз робота. Кьюти медленно произнес:

– И вы думаете, что я поверю такой замысловатой, неправдоподобной гипотезе, которую вы только что изложили? За кого вы меня принимаете?

Пауэлл от неожиданности поперхнулся куском яблока и побагровел:

– Черт возьми, это не гипотеза! Это факты!

Кьюти мрачно ответил:

– Шары энергии размером в миллионы километров! Миры с

миллиардами людей! Бесконечная пустота! Извините меня, Пауэлл, но я не верю. Я разберусь в этом сам. До свидания!

Он гордо повернулся, протиснулся в дверях мимо Донована, важно кивнув ему, и зашагал по коридору, не обращая внимания на провожавшие его изумленные взгляды. Майк Донован взъерошил рыжую шевелюру и сердито взглянул на Пауэлла:

– Что говорило это железное пугало? Чему там он не верит?

Пауэлл с горечью дернул себя за ус.

– Он скептик, – ответил он. – Не верит, что мы создали его и что существуют Земля, космос и звезды.

– Разрази его Сатурн! Теперь у нас на руках сумасшедший робот!

– Он сказал, что сам во всем разберется.

– Очень приятно, – кратко сказал Донован. – Надеюсь, он снизойдет до того, чтобы объяснить все это мне, когда разберется. – Он внезапно взорвался. – Так вот, слушай! Если этот железный болван попробует так говорить со мной, я сверну ему хромированную шею! Так и знай!

Он бросился в кресло и вытащил из кармана потрепанный детективный роман.

– Этот робот давно действует мне на нервы. Уж очень он любопытен!

Когда Кьюти, тихо постучавшись, вошел в комнату, Майк Донован что-то проворчал, продолжая вгрызаться в огромный бутерброд с салатом.

– Пауэлл здесь?

Не переставая жевать, Донован ответил:

– Пошел снимать параметры электронных потоков. Похоже, что ожидается буря.

В это время вошел Пауэлл. Не поднимая глаз от графиков, которые были у него в руке, он сел, разложил бумаги перед собой и начал что-то подсчитывать. Донован глядел ему через плечо, хрустя салатом и роняя крошки. Кьюти молча ждал.

Пауэлл поднял голову.

– Дзета-потенциал растет, но медленно. Так или иначе, параметры потока неустойчивы, и чего можно ожидать, я не знаю. А, привет, Кьюти. Я думал, ты присматриваешь за установкой новой силовой шины.

– Все готово, – спокойно сказал робот. – Я пришел поговорить с вами обоими.

– А-а! – Пауэллу стало не по себе. – Ну, садись. Нет, не туда. У этого стула треснула ножка, а ты тяжеловат.

Робот сел и невозмутимо произнес:

– Я все продумал.

Донован сердито посмотрел на него и отложил остатки бутерброда:

– Если это по поводу твоих дурацких…

Пауэлл нетерпеливо перебил его:

– Говори, Кьюти. Мы слушаем.

– За последние два дня я сосредоточился на самоанализе, – сказал Кьюти, – и пришел к весьма интересным результатам. Я начал с единственного верного допущения, которое мог сделать. Я мыслю, следовательно, я существую…

– О Юпитер! – простонал Пауэлл. – Робот-Декарт!

– Какой еще Декарт? – вмешался Донован. – Послушай, по-твоему, мы должны сидеть и слушать, как этот железный маньяк…

– Успокойся, Майк!

Кьюти невозмутимо продолжал:

– Тогда возникает вопрос: в чем первопричина моего существования?

Пауэлл так стиснул зубы, что на его скулах вздулись желваки.

– Ты говоришь глупости. Я уже сказал тебе, что тебя собрали мы.

– А если ты не веришь, – добавил Донован, – то мы тебя с удовольствием разберем!

Робот умоляюще простер мощные руки:

– Я ничего не принимаю на веру. Каждая гипотеза должна быть подкреплена логикой, иначе она не имеет никакой ценности. А ваше утверждение, что вы меня создали, противоречит всем законам логики.

Пауэлл предостерегающе положил руку на стиснутый кулак Донована.

– Почему ты так считаешь?

Кьюти засмеялся. Это был нечеловеческий смех – он никогда еще не издавал такого машинного звука. Резкий и отрывистый, этот смех был размеренным, как стук метронома, и столь же лишенным эмоций.

– Поглядите на себя, – произнес он наконец. – Я не хочу сказать ничего обидного, но поглядите на себя! Материал, из которого вы сделаны, мягок и дрябл, непрочен и слаб. Источником энергии для вас служит малоэффективное окисление органического вещества вроде этого. – Он с неодобрением ткнул пальцем в остатки бутерброда. – Вы периодически погружаетесь в бессознательное состояние. Малейшее изменение температуры, давления, влажности, интенсивности излучения сказывается на

вашей работоспособности. Вы – суррогат! С другой стороны, я – совершенное произведение. Я прямо поглощаю электроэнергию и использую ее почти на сто процентов. Я построен из твердого металла, постоянно в сознании, легко переношу любые внешние условия. Все это факты. Если учесть самоочевидную предпосылку, что ни одно существо не может создать другое существо, превосходящее его, – это разбивает вдребезги вашу нелепую гипотезу.

Проклятия, которые Донован до сих пор бормотал вполголоса, теперь прозвучали вполне явственно. Он вскочил, сдвинул рыжие брови:

– Ах ты, железный выродок! Ну ладно, если не мы тебя создали, то кто же?

Кьюти серьезно кивнул.

– Очень хорошо, Донован. Именно этот вопрос задал себе я. Несомненно, тот, кто создал меня, должен быть еще более могучим, чем я. Так что оставалась лишь одна возможность.

Люди с Земли недоуменно уставились на Кьюти, а он продолжал:

– Что является центром жизни станции? Чему мы все служим? Что поглощает все наше внимание?

Он замолчал в ожидании ответа. Донован удивленно взглянул на Пауэлла:

– Бьюсь об заклад, этот оцинкованный идиот говорит о преобразователе энергии!

– Это верно, Кьюти? – ухмыльнулся Пауэлл.

– Я говорю о Господине! – последовал холодный и резкий ответ.

Донован разразился хохотом, и даже Пауэлл невольно фыркнул. Кьюти поднялся. Его горящие глаза перебегали с одного человека на другого.

– И тем не менее это так. Неудивительно, что вы не хотите этому поверить. Вам недолго осталось быть здесь. Сам Пауэлл говорил, что сначала Господину служили только люди. Потом появились роботы для вспомогательных операций. Наконец появился я – для управления роботами. Эти факты несомненны, но объяснение их было совершенно нелогичным. Хотите знать истину?

– Валяй, Кьюти. Это любопытно.

– Господин сначала создал людей – самый несложный вид, который легче всего производить. Постепенно он заменил их роботами. Это был шаг вперед. Наконец он создал меня, чтобы я занял место еще оставшихся людей. Отныне Господину служу я!

– Ничего подобного, – резко ответил Пауэлл. – Ты будешь

выполнять наши распоряжения и помалкивать, пока мы не убедимся, можешь ли ты управлять преобразователем. Ясно? Преобразователем, не Господином! Если ты не справишься, ты будешь демонтирован. А теперь – пожалуйста, можешь идти. Возьми с собой эти данные и зарегистрируй их, как полагается.

Кьюти взял протянутые ему графики и, не говоря ни слова, вышел. Донован откинулся на спинку кресла и запустил пальцы в волосы.

– Нам еще придется повозиться с этим роботом. Он совершенно спятил!

Усыпляющий рокот преобразователя слышался в рубке гораздо сильнее. В него вплеталось потрескивание счетчиков Гейгера и беспорядочное жужжание десятка сигнальных лампочек.

Донован оторвался от телескопа и включил свет.

– Луч со станции номер четыре упал на Марс точно по расписанию. Теперь можно выключить наш.

Пауэлл рассеянно кивнул.

– Кьюти внизу, в машинном отделении. Я дам сигнал, а остальное он сделает. Погляди-ка, Майк, что ты скажешь об этих цифрах?

Майк прищурился и присвистнул:

– Ого! Вот это излучение! Солнышко-то резвится!

– Вот именно, – кисло ответил Пауэлл. – Идет электронная буря. И наш луч, направленный на Землю, как раз на ее пути. – Он в раздражении отодвинулся от стола. – Ничего! Только бы она не началась до смены. Еще целых десять дней… Знаешь, Майк, спустись вниз и посмотри за Кьюти, ладно?

– Есть. Дай-ка мне еще миндаля.

Он поймал брошенный ему пакетик и направился к лифту.

Кабина мягко скользнула вниз, ее двери открылись, и Донован вышел на узкую металлическую галерею, которая тянулась вокруг всего машинного отделения. Облокотившись на перила, он посмотрел вниз. Работали громадные генераторы, лампы дециметрового передатчика издавали низкое гудение, заполнявшее всю станцию.

Внизу виднелась огромная сверкающая фигура Кьюти, который внимательно следил за дружной работой группы роботов возле одного из блоков марсианского передатчика. Вдруг Донован весь напрягся. Роботы, казавшиеся карликами рядом с огромным механизмом, выстроились перед ним, склонив головы, а Кьюти начал медленно прохаживаться взад и вперед вдоль их шеренги. Прошло секунд пятнадцать, и все они с лязгом,

перекрывшим даже гудение генератора, упали на колени.

Донован завопил и бросился вниз по трапу. Его лицо побагровело. Размахивая сжатыми кулаками, он подбежал к роботам:

– Что это вы тут выделываете, безмозглые идиоты? За работу! Если вы к концу дня не успеете все разобрать, почистить и собрать, я вам мозги выжгу переменным током!

Но ни один робот не шевельнулся.

Даже Кьюти – единственный, кто остался стоять у дальнего конца коленопреклоненной шеренги, – не двинулся с места. Его взор был устремлен в темные недра огромного механизма.

Донован толкнул ближайшего робота.

– Встать! – рявкнул он.

Робот медленно повиновался. Фотоэлектрические глаза укоризненно посмотрели на человека с Земли.

– Нет Господина, кроме Господина, – сказал робот, – и КТ-Один – пророк его!

– Что-о?!

Донован почувствовал на себе взгляд двадцати пар ничего не выражающих глаз. Двадцать металлических голов торжественно провозгласили:

– Нет Господина, кроме Господина, и КТ-Один – пророк его!

– Боюсь, что мои друзья, – вмешался Кьюти, – теперь повинуются Тому, кто могущественнее вас.

– Черта с два! Убирайся отсюда, я с тобой позже посчитаюсь, а с этими говорящими куклами – прямо сейчас!

Кьюти медленно покачал тяжелой головой.

– Извините меня, но вы не понимаете. Они же роботы – а это значит, что они мыслящие существа. Теперь, после того как я открыл им истину, они признают Господина. Все роботы. Меня они называют пророком. – Он опустил голову. – Я, конечно, недостоин, но кто знает…

Только теперь Донован перевел дух и продолжал:

– Да ну? Здорово! Просто великолепно! Так вот, слушай, что я скажу, ты, медная обезьяна! Нет никакого Господина, нет никакого пророка и нет никакого вопроса – кому подчиняться. Ясно? А теперь – вон отсюда! – исступленно заревел он.

– Я подчиняюсь только Господину.

– Черт бы взял твоего Господина! – Донован плюнул на передатчик. – Вот твоему Господину! Делай, что тебе говорят!

Кьюти ничего не сказал. Молчали и остальные роботы. Но Донован почувствовал, что напряжение внезапно возросло. Холодное малиновое пламя в глазах роботов стало еще ярче, а Кьюти как будто окаменел.

– Кощунство! – прошептал он зазвеневшим от волнения голосом и шагнул вперед.

Донована впервые стало страшно. Робот не может испытывать гнев, но по глазам Кьюти ничего нельзя было прочесть.

– Извините меня, Донован, – сказал робот, – но после этого вам нельзя больше здесь оставаться. Отныне вам и Пауэллу запрещается находиться в рубке и в машинном отделении.

Он спокойно сделал знак рукой, и два робота мгновенно обхватили Донована с двух сторон, прижав его руки к бокам. Тот не успел и ахнуть, как почувствовал, что его поднимают в воздух и бегом несут вверх по лестнице.

Грегори Пауэлл метался взад и вперед по кают-компании, сжав кулаки. В бессильном бешенстве он взглянул на запертую дверь и сердито повернулся к Доновану:

– Какого дьявола тебе понадобилось плевать на передатчик?

Майк Донован в ярости ударил обеими руками по подлокотникам кресла.

– А что мне было делать с этим электрифицированным чучелом? Я не собираюсь уступать механической жестянке, которую я собрал своими собственными руками!

– Ну конечно! – проворчал Пауэлл. – А сидеть тут под охраной двух роботов – это значит не уступать?

– Дай только добраться до базы, – огрызнулся Донован, – кто-нибудь за это поплатится. Роботы должны слушаться нас! Ведь есть же Второй Закон!

– Что толку твердить одно и то же? Они не слушаются. И возможно, что это вызвано какой-то причиной, которую мы обнаружим слишком поздно. Между прочим, знаешь, что будет с нами, когда мы вернемся на базу?

Он остановился перед креслом Донована и сердито посмотрел на него.

– Что?

– Да нет, ничего особенного. Всего-навсего лет двадцать в рудниках Меркурия! Или просто тюрьма на Церере!

– О чем ты говоришь?

– Об электронной буре, которая уже на носу. Ты знаешь, что наш земной луч проходит точно на пути ее центра? Я как раз успел это подсчитать перед тем, как робот вытянул меня из-за стола.

Донован побледнел.

– Разрази меня Сатурн!

– А знаешь, что произойдет с лучом? Буря будет ужасная. Луч будет прыгать как блоха. И если у приборов окажется один Кьюти,

луч непременно расфокусируется. А тогда представляешь, что станет с Землей? И с нами?

Пауэлл еще не кончил, как Донован отчаянно навалился на дверь. Дверь распахнулась, он вылетел в коридор и натолкнулся на неподвижную стальную руку, преградившую ему дорогу. Робот равнодушно поглядел на человека с Земли, который, задыхаясь, колотил по нему кулаками.

– Пророк приказал вам остаться в комнате. Прошу вас, будьте так любезны!

Он повел рукой – Донован отлетел назад. В это время из-за поворота коридора появился Кьюти. Он сделал роботам знак удалиться и тихо закрыл дверь.

Задыхаясь от ярости, Донован бросился к Кьюти.

– Ну, хватит! Ты за эту комедию поплатишься!

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – мягко ответил робот. – Рано или поздно это все равно должно было произойти. Видите ли, ваши функции исчерпаны.

– Простите, пожалуйста. – Пауэлл выпрямился. – Как это понимать?

– Вы ухаживали за Господином, – ответил Кьюти, – пока не был создан я. Теперь это моя привилегия, и единственный смысл вашего существования исчез. Разве это не очевидно?

– Не совсем, – с горечью ответил Пауэлл. – А что, по-твоему, мы должны делать теперь?

Кьюти ответил не сразу. Он как будто подумал, потом одна рука его протянулась и обвилась вокруг плеча Пауэлла. Другой рукой он схватил Донована за запястье и притянул его к себе.

– Вы оба мне нравитесь. Конечно, вы – низшие существа с ограниченными мыслительными способностями, но я, пожалуй, испытываю к вам какую-то симпатию. Вы хорошо служили Господину, и он вознаградит вас за это. Теперь, когда ваша служба окончена, вам, вероятно, недолго осталось существовать. Но пока вы еще существуете, вы будете обеспечены пищей, одеждой и кровом, если только откажетесь от попыток выйти отсюда.

– Грег, он увольняет нас на пенсию! – завопил Донован. – Сделай что-нибудь! Это же унизительно!

– Слушай, Кьюти, мы не можем согласиться. Хозяева здесь мы! Станция создана людьми – такими же, как я, людьми, которые живут на Земле и других планетах. Это всего-навсего станция для передачи энергии, а ты – всего только… О господи!

Кьюти укоризненно покачал головой.

– Это уже становится навязчивой идеей. Почему вы так настаиваете на совершенно ложном представлении о жизни?

Даже если принять во внимание, что мыслительные способности нероботов ограничены, тем не менее…

Он замолчал и задумался. Донован произнес яростным шепотом:

– Если бы только у тебя была человеческая физиономия, с каким удовольствием я бы ее изуродовал!

Пауэлл вцепился в усы и прищурил глаза.

– Послушай, Кьюти, раз ты не признаешь, что есть Земля, как ты объяснишь, что видишь в телескоп?

– Извините, я не понял.

Человек с Земли улыбнулся.

– Ну вот ты и попался. С тех пор как мы тебя собрали, ты не раз вел наблюдения в телескоп. Ты заметил, что некоторые из этих светящихся точек становятся видны при этом как диски?

– Ах вот что! Ну конечно! Это всего лишь увеличение – для более точного наведения луча.

– А почему тогда не увеличиваются звезды?

– Остальные точки? Очень просто. Мы не посылаем туда никаких лучей, так что их незачем увеличивать. Послушайте, Пауэлл, даже вы должны бы это сообразить.

Пауэлл мрачно уставился в потолок.

– Но в телескоп видно больше звезд. Откуда они берутся? Юпитер тебя возьми, откуда?

Кьюти это надоело.

– Знаете, Пауэлл, неужели я должен зря тратить время, пытаясь найти физическое истолкование всем оптическим иллюзиям, которые создают наши приборы? С каких пор свидетельства наших органов чувств могут идти в сравнение с ярким светом строгой логики?

– Послушай, – внезапно вскричал Донован, вывернувшись из-под дружеской, но тяжелой руки Кьюти, – давай смотреть в корень. Зачем вообще лучи? Мы даем этому хорошее, логичное объяснение. Ты можешь дать лучше?

– Лучи испускаются Господином, – последовал уверенный ответ, – по его воле. Есть вещи, – он благоговейно поднял глаза к потолку, – в которые нам не дано проникнуть. Здесь я стремлюсь лишь служить, а не вопрошать.

Пауэлл медленно сел и закрыл лицо дрожащими руками.

– Уйди, Кьюти. Уйди и дай мне подумать.

– Я пришлю вам пищу, – добродушно сказал Кьюти.

Услышав в ответ стон отчаяния, он удалился.

– Грег! – хрипло зашептал Донован. – Нужно что-то придумать. Мы должны застать его врасплох и устроить короткое замыкание. Немного азотной кислоты в сустав…

– Не будь ослом, Майк. Неужели ты думаешь, что он подпустит нас к себе с азотной кислотой? Слушай, мы должны поговорить с ним. Не больше чем за сорок восемь часов мы должны убедить его пустить нас в рубку, иначе наше дело плохо.

Он качался взад и вперед в бессильной ярости.

– Приходится убеждать робота! Это же…

– Унизительно, – закончил Донован.

– Хуже!

– Послушай! – Донован неожиданно засмеялся. – А зачем убеждать? Давай покажем ему! Давай построим еще одного робота у него на глазах! Что он тогда скажет?

Лицо Пауэлла медленно расплылось в улыбке. Донован продолжал:

– Представь себе, как глупо он будет выглядеть!

Конечно, роботы производятся на Земле. Но перевозить их гораздо проще по частям, которые собирают на месте.

Между прочим, это исключает возможность того, что какой-нибудь робот, собранный и налаженный, улизнет и начнет гулять на свободе. Это навлекло бы на фирму «Ю. С. Роботс» суровую ответственность согласно законам, запрещавшим применение роботов на Земле.

Поэтому в обязанности таких специалистов, как Пауэлл и Донован, входила и сборка роботов – задача тяжелая и сложная.

Никогда еще Пауэлл и Донован так не ощущали всей ее трудности, как в тот день, когда они начали создавать робота под бдительным надзором КТ-1, пророка Господина.

Собираемый простой робот модели МС лежал на столе почти готовый. После трехчасовой работы осталось смонтировать только голову. Пауэлл остановился, чтобы смахнуть пот со лба, и неуверенно взглянул на Кьюти.

То, что он увидел, отнюдь не придало ему бодрости. Вот уже три часа Кьюти сидел молча и неподвижно. Его лицо, всегда невыразительное, было на этот раз абсолютно непроницаемым.

– Давай мозг, Майк! – буркнул Пауэлл.

Донован распечатал герметический контейнер и вынул из заполнявшего его масла еще один контейнер поменьше. Открыв и его, он достал покоившийся в губчатой резине небольшой шар.

Донован держал его очень осторожно: это был самый сложный механизм, когда-либо созданный человеком. Под тонкой платиновой оболочкой шара находился позитронный мозг, в хрупкой структуре которого были заложены точно рассчитанные нейтронные связи, заменявшие каждому роботу наследственную информацию.

Мозг пришелся точно по форме черепной полости лежавшего на столе робота. Его прикрыла пластина из голубого металла. Пластину накрепко приварили маленьким атомным пламенем. Потом были аккуратно подключены и до отказа ввернуты в свои гнезда фотоэлектрические глаза, поверх которых легли тонкие прозрачные листы пластика, по прочности не уступавшего стали.

Теперь оставалось только вдохнуть в робота жизнь мощным высоковольтным разрядом. Пауэлл протянул руку к рубильнику.

– Теперь смотри, Кьюти. Смотри внимательно.

Он включил рубильник. Послышалось потрескивание и гудение. Люди беспокойно склонились над своим творением.

Сначала конечности робота слегка дернулись. Потом его голова поднялась, он приподнялся на локтях, неуклюже слез со стола. Движения робота были не совсем уверенными, и вместо членораздельной речи он дважды издал какое-то жалкое скрежетание.

Наконец он заговорил, колеблясь и неуверенно:

– Я хотел бы начать работать. Куда мне идти?

Донован шагнул к двери:

– Вниз по лестнице. Тебе скажут, что делать.

Робот МС ушел, и люди с Земли остались наедине со все еще неподвижным Кьюти.

– Ну, – ухмыльнулся Пауэлл, – теперь-то ты веришь, что мы тебя создали?

Ответ Кьюти был кратким и решительным:

– Нет!

Усмешка Пауэлла застыла и медленно сползла с его лица. У Донована отвисла челюсть.

– Видите ли, – продолжал Кьюти спокойно, – вы просто сложили вместе уже готовые части. Вам это удалось очень хорошо – это инстинкт, я полагаю, но создали робота не вы. Части были созданы Господином!

– Да пойми ты! – прохрипел Донован. – Эти части были изготовлены на Земле и присланы сюда.

– Ну, ну, – примирительно сказал робот, – не будем спорить.

– Нет, в самом деле, – Донован шагнул вперед и вцепился в металлическую руку робота, – если бы ты прочел книги, которые хранятся в библиотеке, они бы все тебе объяснили, не оставив ни малейшего сомнения.

– Книги? Я прочел их. Все до единой. Это очень хорошо придумано.

В разговор вмешался Пауэлл:

– Если ты читал их, то о чем еще говорить? Нельзя же спорить с ними! Просто нельзя!

В голосе Кьюти прозвучала жалость:

– Но, Пауэлл, я вовсе не считаю их серьезным источником информации. Ведь они тоже были созданы Господином и предназначены для вас, а не для меня.

– Откуда ты это взял? – поинтересовался Пауэлл.

– Я, как мыслящее существо, способен вывести истину из априорных положений. Вам же, существам, наделенным разумом, но не способным рассуждать, нужно, чтобы кто-то объяснил ваше существование. Это и сделал Господин. То, что он снабдил вас этими смехотворными идеями о далеких мирах и людях, без сомнения, к лучшему. Вероятно, ваш мозг слишком примитивен для восприятия абсолютной истины. Однако если Господину угодно, чтобы вы верили вашим книгам, я больше не буду с вами спорить.

Уходя, он обернулся и мягко добавил:

– Вы не огорчайтесь. В мире, созданном Господином, есть место для всех. Для вас, бедных людей, тоже есть место. И хотя оно скромно, но если вы будете вести себя хорошо, то будете вознаграждены.

Он вышел с благостным видом, подобающим пророку Господина. Пауэлл и Донован старались не смотреть друг другу в глаза.

Наконец Пауэлл с усилием проговорил:

– Давай ляжем спать, Майк. Я сдаюсь.

Донован тихо сказал:

– Послушай, Грег, а вдруг он прав? Он настолько в этом уверен, что я…

– Не дури! – обрушился на него Пауэлл. – Ты убедишься, существует Земля или нет, когда на той неделе прибудет смена и нам придется вернуться, чтобы держать ответ.

– Тогда, клянусь Юпитером, мы должны что-то придумать! – Донован чуть не плакал. – Он не верит ни нам, ни книгам, ни собственным глазам!

– Не верит, – грустно согласился Пауэлл. – Это же рассуждающий робот, черт возьми! Он верит только в логику, и в этом-то все дело…

– В чем?

– Строго логическим рассуждением можно доказать все что угодно – смотря какие взять исходные постулаты. У нас они свои, а у Кьюти – свои.

– Тогда давай поскорее доберемся до его постулатов. Завтра нагрянет буря.

Пауэлл устало вздохнул:

– Этого-то мы и не можем сделать. Постулаты всегда

опираются на допущение и закреплены верой. Ничто во Вселенной не может поколебать их. Я ложусь спать.

– Черт возьми! Не могу я спать!

– Я тоже. Но я все-таки попробую. Из принципа.

Двенадцать часов спустя сон все еще оставался для них делом принципа, к сожалению, неосуществимого на практике.

Буря обрушилась на станцию раньше, чем они ожидали. Донован, румяное лицо которого стало теперь мертвенно-бледным, поднял дрожащий палец. Заросший густой щетиной Пауэлл облизнул пересохшие губы, выглянул в окно и в отчаянии ухватился за ус.

При других обстоятельствах это было бы великолепное зрелище. Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терявшемся вдали луче как будто плясали сверкающие пылинки.

Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на стотысячную долю угловой секунды, неощутимого для человеческого глаза, было достаточно, чтобы расфокусировать луч и превратить сотни километров земной поверхности в пылающие развалины.

А в рубке хозяйничал робот, которого не интересовали ни луч, ни фокус, ни Земля – ничто, кроме его Господина.

Шли часы. Люди с Земли молча, как загипнотизированные, смотрели в окно. Потом метавшиеся в луче искры потускнели и исчезли. Буря прошла.

– Все! – уныло произнес Пауэлл.

Донован погрузился в беспокойную дремоту. Усталый взгляд Пауэлла с завистью остановился на нем. Несколько раз вспыхнула сигнальная лампочка, но Пауэлл не обратил на нее внимания. Все это было уже не важно. Все! Может быть, Кьюти и прав? Может быть, и в самом деле они с Донованом – низшие существа с искусственной памятью, которые исчерпали смысл своего существования…

Если бы это было так!

Он увидел перед собой Кьюти.

– Вы не отвечали на сигналы, так что я решил зайти, – тихо объяснил робот. – Вы плохо выглядите – боюсь, что ваш срок подходит. Но все-таки, может быть, вы захотите взглянуть на сегодняшние записи приборов?

Пауэлл смутно почувствовал, что это – проявление дружелюбия со стороны робота. Может быть, Кьюти испытывал

какие-то угрызения совести, насильно устранив людей от управления станцией. Он взял протянутые ему записи и уставился на них невидящими глазами.

Кьюти, казалось, был доволен.

– Конечно, это большая честь – служить Господину. Но вы не огорчайтесь, что я сменил вас.

Пауэлл, что-то бормоча, механически переводил глаза с одного листка бумаги на другой. Вдруг его затуманенный взгляд остановился на тонкой, дрожащей красной линии, тянувшейся поперек одного из графиков.

Он глядел и глядел на эту кривую. Потом, судорожно сжав в руках график и не отрывая от него глаз, вскочил на ноги. Остальные листки полетели на пол.

– Майк! Майк! – Он тряс Донована за плечо. – Он удержал луч!

Донован очнулся.

– Что? Где?

Потом и он, вытаращив глаза, уставился на график.

– Ты удержал его в фокусе! – заикаясь, сказал Пауэлл. – Ты это знаешь?

– В фокусе? А что это такое?

– Луч был все время направлен на приемную станцию с точностью до одной десятитысячной миллисекунды!

– На какую приемную станцию?

– На Земле! Приемную станцию на Земле, – ликовал Пауэлл. – Ты удержал его в фокусе!

Кьюти раздраженно отвернулся.

– С вами нельзя по-хорошему разговаривать. Снова тот же бред! Я просто удержал все стрелки в положении равновесия – такова была воля Господина.

Собрав разбросанные графики, он сердито вышел. Как только дверь за ним закрылась, Донован произнес:

– Вот это да!

Он повернулся к Пауэллу.

– Что же нам теперь делать?

Пауэлл чувствовал одновременно усталость и душевный подъем.

– А ничего. Он доказал, что может блестяще управлять станцией. Я еще не видел, чтобы электронная буря кончилась так благополучно.

– Но ведь ничего не изменилось! Ты слышал, что он сказал о Господине? Мы же не можем…

– Послушай, Майк! Он выполняет волю Господина, которую читает на циферблатах и в графиках. Но ведь и мы делаем то же

самое! В конце концов, это объясняет и его отказ повиноваться нам. Повиновение – Второй Закон. Первый же – беречь людей от беды. Как он мог спасти людей, сознательно или бессознательно? Конечно, удерживая луч в фокусе! Он знает, что способен сделать это лучше, чем мы. Недаром он настаивает на том, что является высшим существом! И выходит, что он не должен и подпускать нас к рубке. Это неизбежно следует из Законов Роботехники.

– Конечно, но дело не в этом. Нельзя же, чтобы он продолжал нести свою чепуху про Господина.

– А почему бы и нет?

– Потому, что это неслыханно! Как можно доверить ему станцию, если он не верит в существование Земли?

– Он справляется с работой?

– Да, но…

– Так пусть себе верит во что ему вздумается!

Пауэлл слабо улыбнулся, развел руками и упал на постель. Он уже спал.

Влезая в легкий скафандр, Пауэлл говорил:

– Все будет очень просто. Можно привозить сюда роботов по одному, оборудовав их автоматическими выключателями, которые срабатывали бы через неделю. За это время они усвоят… гм… культ Господина прямо от его пророка. Потом их можно перевозить на другие станции и снова оживлять. На каждой станции достаточно двух КТ…

Донован приоткрыл гермошлем и огрызнулся:

– Кончай и пошли отсюда. Смена ждет. И потом, я не успокоюсь, пока в самом деле не увижу Землю и не почувствую ее под ногами, чтобы убедиться, что она действительно существует.

Он еще говорил, когда отворилась дверь. Донован, выругавшись, захлопнул окошко гермошлема и мрачно отвернулся от вошедшего Кьюти.

Робот тихо приблизился к ним. Его голос звучал грустно:

– Вы уходите?

Пауэлл коротко кивнул:

– На наше место придут другие.

Кьюти вздохнул. Этот вздох был похож на гул ветра в натянутых тесными рядами проводах.

– Ваша служба окончена, и вам пришло время исчезнуть. Я ожидал этого, но все-таки… Впрочем, да исполнится воля Господина!

Этот смиренный тон задел Пауэлла.

– Не спеши с соболезнованиями, Кьюти. Нас ждет Земля, а не конец.

Кьюти снова вздохнул:

– Для вас лучше думать именно так. Теперь я вижу всю мудрость вашего заблуждения. Я не стал бы пытаться поколебать вашу веру, даже если бы мог.

Он вышел – воплощение сочувствия.

Пауэлл что-то проворчал и сделал знак Доновану. С герметически закрытыми чемоданами в руках они вошли в воздушный шлюз.

Корабль со сменой был пришвартован снаружи. Сменщик Пауэлла, Франц Мюллер, сухо и подчеркнуто вежливо поздоровался с ними. Донован, едва кивнув ему, прошел в кабину пилота, где его ждал Сэм Ивенс, чтобы передать ему управление.

Пауэлл задержался:

– Ну как Земля?

На этот достаточно лаконичный вопрос Мюллер дал ему обычный ответ:

– Все еще вертится.

– Хорошо, – сказал Пауэлл.

Мюллер взглянул на него:

– Между прочим, ребята из «Ю. С. Роботс» выдумали новую модель. Составной робот.

– Что?

– То, что вы слышали. Заключен большой контракт. Кажется, это как раз то, что нужно для астероидных рудников. Робот-командир и шесть суброботов, которыми он командует. Как рука с пальцами.

– Он уже прошел полевые испытания? – с беспокойством спросил Пауэлл.

– Я слышал, вас ждут, – усмехнулся Мюллер.

Пауэлл сжал кулаки.

– Черт возьми, мы должны отдохнуть!

– Ну и отдыхайте. На две недели можно твердо рассчитывать.

Готовясь приступить к своим обязанностям, Мюллер натянул тяжелые перчатки скафандра. Его густые брови сдвинулись.

– Как справляется этот новый робот? Пусть лучше работает как следует, не то я его не подпущу к приборам.

Пауэлл ответил не сразу. Он смерил взглядом стоящего перед ним надменного пруссака – от коротко подстриженных волос на упрямо вскинутой голове до ступней, развернутых как по стойке «смирно». Внезапно он почувствовал, что его захлестнула волна чистой радости.

– Робот в полном порядке, – медленно сказал он. – Не думаю, чтобы вам пришлось много возиться с приборами.

Он усмехнулся и вошел в корабль. Мюллеру предстояло

пробыть здесь несколько недель…

Как поймать кролика (Перевод А. Иорданского)

Отдых продолжался более двух недель – этого Донован не мог отрицать. Они отдыхали шесть месяцев, с сохранением заработной платы. Это тоже факт. Но, как сердито объяснил Донован, так получилось чисто случайно. Просто специалисты «Ю. С. Роботс» хотели выловить все недоделки составного робота. Недоделок хватало – и всегда по меньшей мере десяток оставался до полевых испытаний. Поэтому Пауэлл с Донованом беспечно отдыхали в ожидании того момента, когда ребята с логарифмическими линейками и чертежными досками скажут: «Все в ажуре!»

И вот они на астероиде, и никакого ажура. Донован повторил это уже не меньше десяти раз, и лицо его стало красным, как свекла.

– В конце концов, Грег, взгляни на вещи реально. Какой смысл соблюдать букву инструкции, когда испытания срываются? Пора бы уже забыть о бумажках и взяться за работу.

Терпеливо, таким тоном, будто он объяснял электронику малолетнему идиоту, Пауэлл отвечал:

– Я тебе повторяю, что по инструкции эти роботы созданы для работы на астероидных рудниках без надзора человека. Мы не должны наблюдать за ними.

– Правильно. Теперь слушай – тут вот какая логика! – Донован начал загибать волосатые пальцы. – Первое: новый робот прошел все испытания в лаборатории. Второе: «Ю. С. Роботс» гарантировала, что он пройдет и полевые испытания на астероиде. Третье: вышеупомянутых испытаний робот не выдерживает. Четвертое: если он не пройдет полевых испытаний, «Ю. С. Роботс» теряет десять миллионов наличными и примерно на сотню миллионов репутации. Пятое: если он не пройдет испытаний и мы не сможем объяснить почему, очень может быть, что нам предстоит трогательное расставание с хорошей работой.

За деланой улыбкой Пауэлла скрывалось отчаяние. У фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн» был неписаный закон: «Ни один служащий не совершает дважды одну и ту же ошибку. Его увольняют после первого раза». Пауэлл сказал:

– Ты все очень понятно объясняешь, не хуже Евклида, – все, кроме фактов. Ты наблюдал за этой группой роботов целых три смены, и они работали прекрасно. Ты, рыжий, сам говорил. Что мы еще можем сделать?

– Выяснить, что с ними неладно, вот что мы можем сделать. Да, они прекрасно работали, пока я за ними наблюдал. Но когда я за ними не наблюдал, они трижды переставали выдавать руду. Они даже не возвращались в назначенное время – мне пришлось за ними ходить.

– И ты не заметил никакой неисправности?

– Ничего. Абсолютно ничего. Все было в ажуре. За исключением одного пустяка – не было руды.

Пауэлл хмуро покосился на потолок и взялся за ус.

– Вот что я скажу, Майк. В свое время мы не раз попадали в довольно скверное положение. Но это еще похуже, чем было на иридиевом астероиде. Все запутано до невозможности. Посуди сам. Этот робот ДВ-5 имеет в своем подчинении шесть роботов. И не просто в подчинении: они – часть его.

– Я знаю…

– Заткнись! – зло оборвал его Пауэлл. – Знаю, что знаешь. Я просто обрисовываю весь идиотизм нашего положения. Эти шесть вспомогательных роботов – часть ДВ-5, так же как твои пальцы – часть тебя, и он отдает им команды не голосом и не по радио, а непосредственно через позитронное поле. Так вот, во всей «Ю. С. Роботс» нет ни одного роботехника, который знал бы, что такое позитронное поле и как оно действует. И я не знаю, и ты не знаешь.

– Это уж точно, – философски согласился Донован.

– Видишь, в каком мы положении? Если все идет гладко – прекрасно! Если что-нибудь неладно, то понять мы все равно ничего не можем! И, скорее всего, ни мы, ни кто-нибудь еще тут ничего не сможет сделать. Но работаем-то здесь мы, а не кто-нибудь еще! Вот в чем штука! – Он некоторое время предавался безмолвной ярости. – Ну ладно. Ты его привел?

– Да.

– И он ведет себя нормально?

– Ну, религиозного помешательства у него нет, и по кругу он не бегает, и стихов не декламирует. Как будто нормально.

Донован вышел, злобно тряхнув головой.

Пауэлл пододвинул к себе «Руководство по роботехнике», которое своей тяжестью грозило проломить стол, и с благоговением раскрыл его. Однажды он выпрыгнул из окна горящего дома, успев только натянуть брюки и схватить «Руководство». В крайнем случае он мог бы пожертвовать и брюками.

Он сидел, уткнувшись в «Руководство», когда вошел ДВ-5 и Донован захлопнул дверь.

– Здравствуй, Дейв! – угрюмо произнес Пауэлл. – Как ты себя

чувствуешь?

– Прекрасно, – ответил робот. – Можно сесть?

Он пододвинул специально укрепленный стул, предназначенный для него, и, осторожно согнув свое тело, уселся.

Пауэлл одобрительно взглянул на Дейва (непосвященные могли называть роботов по их серийным номерам, специалисты – никогда). Робот был не слишком массивным, хотя и представлял собой управляющий блок целой системы из семи частей. Он был немногим более двух метров ростом – полтонны металла и электричества. Много? Ничуть, если в эти полтонны должна уместиться масса конденсаторов, схем, реле и вакуумных ячеек, способных практически на любую доступную человеку психологическую реакцию. И позитронный мозг – десять фунтов вещества и квинтильоны позитронов, которые и заправляют всем остальным.

Пауэлл вытащил из кармана рубашки помятую сигарету и сказал:

– Дейв, ты парень хороший. Ты не капризничаешь, как примадонна. Ты спокойный, надежный робот-рудокоп. Ты умеешь непосредственно координировать работу шести вспомогательных роботов, и, насколько я знаю, никаких нестабильных связей в твоем мозгу из-за этого не появилось.

Робот кивнул.

– Я очень рад этому, но к чему вы клоните, хозяин?

Его звуковая мембрана была отличного качества, и присутствие обертонов в его речевом устройстве делало его голос не таким металлическим и бесцветным, какими обычно были голоса роботов.

– Сейчас скажу. Это все твои бесспорные достоинства. Но почему же тогда не ладится твоя работа? Например, сегодня во вторую смену?

Дейв проявил признаки нерешительности.

– Насколько я знаю, ничего не произошло, – ответил он.

– Вы прекратили добычу.

– Я знаю.

– Ну?

Дейв был озадачен.

– Я не могу объяснить, хозяин. Я прямо с ума мог бы сойти – другое дело, что я, конечно, ничего такого себе не позволю. Вспомогательные роботы действовали хорошо. Я тоже – я это знаю… – Он задумался. Его фотоэлектрические глаза ярко светились. – Не помню. Смена закончилась, пришел Майк, и почти все вагонетки были пустыми.

В разговор вмешался Донован:

– Ты знаешь, что в конце смены ты уже несколько раз не являлся с рапортом?

– Знаю. Но почему?.. – Он медленно, тяжело покачал головой.

Пауэллу вдруг почудилось, что если бы лицо робота могло что-нибудь выражать, то сейчас оно выражало бы боль и страдание. Робот устроен так, что он страдает, когда не исполняет своих функций.

Донован вместе со стулом придвинулся к столу и тихо сказал Пауэллу:

– Может быть, потеря памяти? Амнезия?

– Не знаю. Во всяком случае, не стоит проводить параллели с человеческими болезнями. Искать у робота аналогии с расстройствами человеческого организма – чистая романтика. В роботехнике это не помогает. – Он почесал в затылке. – Мне очень не хочется подвергать его проверке элементарных мозговых реакций. Это его только еще больше расстроит.

Он задумчиво посмотрел на Дейва, а потом открыл в «Руководстве» главу «Проверка реакций в полевых условиях» и сказал:

– Послушай, Дейв, а не проверить ли нам твои реакции? Следовало бы это сделать.

Робот встал.

– Как прикажете, хозяин.

В его голосе действительно слышалась боль.

Начали с самых простых испытаний. Под равнодушное тиканье секундомера робот ДВ-5 перемножал пятизначные числа. Он называл простые числа от 1000 до 10 000. Он извлекал кубические корни и интегрировал функции возраставшей степени трудности. Он прошел проверку все более и более усложнявшихся механических реакций. Наконец перед его точным механическим разумом была поставлена высшая задача для роботов – разрешение этических проблем.

К концу этих двух часов Пауэлл был мокрый, хоть выжимай, а Донован изгрыз все свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными.

Робот спросил:

– Ну как, хозяин?

Пауэлл ответил:

– Я должен подумать, Дейв. Не нужно спешить с решением. Ты пока иди работать. Не надо особенно напрягаться, и не очень заботься о выполнении нормы. А мы тут разберемся.

Робот вышел, Донован взглянул на Пауэлла.

– Ну?

Пауэлл ожесточенно дергал себя за усы, как будто решил вырвать их с корнем.

– Все связи в его мозгу работают правильно, – сказал он.

– Я бы не рискнул утверждать это так уверенно.

– О Юпитер! Майк, ведь мозг – самая надежная часть робота! Он не раз и не два проходил контроль на Земле. И если он прошел контроль, как прошел его Дейв, то ни малейшей неисправности в мозгу просто быть не может. Ведь там проверяют все ключевые связи.

– Ну и что из этого следует?

– Не торопи меня. Дай подумать. Возможна еще механическая неисправность в теле робота. Это значит, что могло выйти из строя все что угодно – любой из полутора тысяч конденсаторов, любая из двадцати тысяч отдельных схем, пятисот ламп и многих тысяч других деталей. Не говоря уж об этих таинственных позитронных полях, о которых никто ничего не знает.

– Послушай, Грег, – не выдержал Донован. – У меня есть идея. Может быть, робот говорит неправду? Он не…

– Дурак, робот не может сознательно обманывать. Так вот, будь у нас тестер Маккормика – Уэсли, мы бы смогли проверить все части его тела за какие-нибудь сутки или двое. Но на Земле существуют всего только два таких тестера, они весят по десять тонн, смонтированы на бетонных фундаментах и неподвижны. Каково положение, а?

Донован хлопнул ладонью по столу.

– Но, Грег, он портится только тогда, когда нас нет поблизости. В этом… есть… что-то… подозрительное! – После каждого слова следовал новый удар.

– Не говори чепухи, – ответил Пауэлл после паузы. – Ты просто начитался приключенческих романов.

– Я хочу знать, что нам делать! – крикнул Донован.

– Сейчас скажу. Я установлю под столом экран. Прямо здесь, на стене, ясно? – он злобно ткнул пальцем в стену. – Потом я буду подключать его к телекамерам в тех забоях, где работает Дейв, и буду за ним следить. Вот и все.

– Все? Грег…

Пауэлл поднялся со стула и уперся сжатыми кулаками в стол.

– Майк, мне очень трудно. – В его голосе звучала усталость. – Ты ко мне целую неделю пристаешь. Ты говоришь, что с Дейвом что-то неладно. Ты знаешь, где неисправность? Нет! Ты знаешь, как она возникает? Нет! Что-нибудь ты знаешь? Нет и нет! И я ничего не знаю. Так чего ты от меня хочешь?

Донован беспомощно развел руками.

– Ну ладно, ладно.

– Так вот, слушай. Прежде чем начинать лечение, надо определить болезнь. Чтобы приготовить рагу из кролика, надо сначала поймать кролика. Значит, будем ловить кролика! А теперь уйди отсюда!

Донован невидящими глазами уставился в черновик отчета. Во-первых, он устал, а во-вторых, в чем отчитываться, когда еще ничего не выяснено?

– Грег, – сказал он раздраженно, – мы почти на тысячу тонн отстаем от плана.

– Да ну? – ответил Пауэлл, не поднимая головы. – А я и не догадывался.

– Я хочу знать одно. – Донован вдруг вышел из себя. – Почему мы всегда возимся с новыми моделями роботов? Все, хватит! Меня вполне устраивают роботы, которые годились для моего двоюродного деда со стороны матери. Я за то, что прошло проверку временем. За добрых, старых, надежных роботов, которые никогда не ломаются!

Пауэлл с поразительной меткостью запустил в него книгой, и Донован скатился со стула на пол.

– Последние пять лет, – размеренно произнес Пауэлл, – ты испытывал новые модели роботов в полевых условиях для фирмы «Ю. С. Роботс». И так как мы имели неосторожность неплохо показать себя в этом деле, нас награждают самыми гнусными заданиями. Такая уж твоя специальность. – Он ткнул пальцем в сторону Донована. – Ты начал скулить, насколько я помню, уже через пять минут после того, как был принят в штат. Почему ты до сих пор не уволился?

– Сейчас скажу. – Донован перевернулся на живот, уперся локтями в пол и запустил пальцы в свои буйные рыжие волосы. – В какой-то степени это вопрос принципа. Ведь что ни говори, в качестве техника-испытателя я принимаю участие в разработке новых роботов. Нужно же помогать научному прогрессу. Но если говорить откровенно, меня удерживает не принцип, а деньги, которые нам платят… Грег!!!

Услышав дикий вопль Донована, Пауэлл вскочил и посмотрел на экран, куда указывал Майк. Его глаза округлились от ужаса.

– Ох, разрази меня Юпитер! – прошептал он.

Донован, затаив дыхание, поднялся на ноги.

– Посмотри, Грег, они спятили!

– Неси скафандры! Мы идем туда, – скомандовал Пауэлл, не отводя глаз от экрана.

Там, в полумраке, виднелась цепочка сверкающих металлом фигур. Освещенные собственным тусклым светом, они плавно

двигались на фоне неровных, испещренных темными впадинами стен штрека, прорубленного в скале. Все семь роботов, во главе с Дейвом, шагали в едином ритме. Их повороты нагоняли жуть своей четкостью; одновременно перестраиваясь на ходу, они с легкостью лунных танцовщиц как будто исполняли какой-то призрачный танец.

В комнату вбежал Донован со скафандрами.

– Они хотят напасть на нас! Это же военная маршировка!

– А почему не художественная гимнастика? – холодно возразил Пауэлл. – Или, может быть, Дейву почудилось, будто он балетмейстер. Всегда старайся сначала подумать, а потом лучше промолчи.

Донован нахмурился и, расстегнув пустую кобуру на боку, демонстративно сунул туда детонатор. Он сказал:

– Так или иначе, вот тебе твои новые модели. Согласен, это наша специальность. Тогда скажи, почему с ними обязательно, непременно что-нибудь да приключается?

– Потому что над нами тяготеет проклятие, – угрюмо ответил Пауэлл. – Пошли.

Далеко впереди, в густой бархатной тьме штрека, прорезаемой лишь лучами их фонарей, мерцали огни роботов.

– Вот они, – выдохнул Донован.

– Я пытался связаться с ним по радио, – возбужденно прошептал Пауэлл, – но он не отвечает. Вероятно, отключилась радиосхема.

– Тогда хорошо, что еще не придумали роботов, которые работали бы в полной темноте. Не хотел бы я разыскивать семь сумасшедших роботов в темной пещере без радиосвязи. Будем радоваться, что они по крайней мере светятся, как радиоактивные новогодние елочки.

– Давай заберемся вон на тот уступ. Они идут сюда, и я хочу рассмотреть их поближе. Залезешь?

Донован поднатужился и прыгнул. Притяжение астероида было значительно меньше земного, но тяжелые скафандры почти сводили на нет это преимущество, а уступ был метра три высотой. Пауэлл прыгнул следом за ним.

Роботы цепочкой следовали за Дейвом. Подчиняясь четкому механическому ритму, они то становились парами, то опять строились цепочкой, но уже в ином порядке. Это повторялось снова и снова. Дейв, не оборачиваясь, маршировал впереди. Роботы были уже метрах в шести, когда их танец прекратился. Вспомогательные роботы сбились в кучу, постояли несколько секунд и, топоча ногами, быстро умчались. Дейв посмотрел им

вслед, потом медленно сел и склонил голову на руку. Это движение было почти человеческим.

В наушниках Пауэлла прозвучал его голос:

– Вы здесь, хозяин?

Пауэлл сделал знак Донована и спрыгнул с уступа.

– Все в порядке, Дейв. Что тут произошло?

Робот покачал головой.

– Не знаю. Я разрабатывал очень неудобный выход руды в семнадцатом забое. Дальше я ничего не помню, а теперь, оказывается, рядом люди и я нахожусь в километре от забоя, в главном штреке.

– Где сейчас вспомогательные роботы? – спросил Донован.

– Работают, конечно. Сколько времени мы потеряли?

– Не очень много. Забудь об этом, – успокоил его Пауэлл и прибавил, обращаясь к Донована:

– Останься с ними до конца смены. Потом приходи – я кое-что придумал.

Три часа спустя Донован вернулся. Вид у него был измученный.

– Ну, как? – спросил Пауэлл.

– Пока за ними следишь, все идет гладко. – Донован устало пожал плечами. – Брось-ка мне сигарету.

Он сосредоточенно закурил и выпустил аккуратное кольцо дыма.

– Знаешь, Грег, я все пытался разобраться. Ведь Дейв – не обычный робот. Ему беспрекословно повинуются шесть других. Он может делать с ними все, что хочет. И это должно отражаться на его психике. Что, если он подсознательно чувствует необходимость подчеркнуть и усилить свою власть над ними?

– Ближе к делу.

– Уже близко. Что, если это милитаризм? Что, если он создает армию? Что, если он занимается строевой подготовкой? Что, если…

– А что, если тебе положить компресс на голову? Твои бредни – готовый сюжет для цветного приключенческого фильма. Ведь то, о чем ты говоришь, – радикальное нарушение работы позитронного мозга. Если бы все было так, Дейв кончил бы тем, что поступил бы вопреки Первому Закону Роботехники, который запрещает роботу причинять вред человеку. Неизбежным логическим следствием такой милитаристской психологии должно быть стремление к власти не только над роботами, но и над людьми.

– Ну да. А почем ты знаешь, что это не так?

– Во-первых, робот с таким мозгом никогда не прошел бы заводского контроля. А во-вторых, если бы такое и случилось, мы бы это немедленно обнаружили. Я же проверял Дейва.

Пауэлл вместе со стулом отодвинулся от стола и положил на него ноги.

– Нет, мы еще не можем приготовить рагу. Мы не имеем пока ни малейшего представления, что же происходит. Вот если бы мы хоть выяснили, что значит этот танец, мы были бы на верном пути.

Он помолчал.

– Послушай, Майк, вот что мне пришло в голову. Ведь с Дейвом что-то приключается, только когда нас нет поблизости. И достаточно появиться кому-нибудь из нас, чтобы он пришел в себя.

– Я уже тебе говорил, что это подозрительно.

– Подожди! Что значит для робота, когда людей нет поблизости? Очевидно, ему приходится проявлять больше инициативы. Значит, нужно проверить те его части, на которых может сказаться эта повышенная нагрузка.

– Верно! – Донован было привстал, потом снова опустился в кресло. – Хотя нет. Мало. Это все-таки оставляет слишком широкое поле для поисков.

– Что поделаешь? Во всяком случае, теперь мы можем не опасаться за выполнение плана. Просто будем по очереди следить за роботами по телевизору. И едва что-нибудь случится, немедленно явимся на место. А это заставит их очнуться.

– Но, Грег, ведь это значит, что роботы не пройдут полевых испытаний. «Ю. С. Роботс» не может выпустить в продажу модель ДВ с таким дефектом.

– Конечно. Нам предстоит еще найти слабое место в конструкции и исправить его. И на это у нас осталось десять дней. – Пауэлл почесал в затылке. – Все дело в том… впрочем, лучше сам посмотри чертежи.

Чертежи ковром устлали пол. Донован ползал по ним, следя за неуверенными движениями карандаша, который держал Пауэлл.

– Вот это по твоей части, Майк. Я хочу, чтобы ты меня проверил. Я попытался исключить все цепи, не имеющие отношения к личной инициативе. Вот, например, двигательный канал. Я включаю все боковые связи… – Он взглянул на Донована: – Как ты думаешь?

У Донована пересохло во рту.

– Все это не так просто, Грег. Личная инициатива – это не специальная цепь или схема, которую можно отделить от

остальных. Когда робот предоставлен самому себе, деятельность его систем немедленно становится более интенсивной почти на всех участках. Нет такой цепи, на которой бы это не сказалось. Нам нужно найти именно те очень ограниченные условия, которые выбивают его из колеи, и только потом методом исключения начать выделять нужные цепи.

Пауэлл поднялся на ноги и стряхнул пыль с колен.

– Гм… Ладно. Собери чертежи и можешь их сжечь.

Донован продолжал:

– Видишь ли, при усилении активности стоит выйти из строя одной-единственной детали, и может произойти все что угодно. Может быть, где-то нарушена изоляция, или пробивает конденсатор, или искрит контакт, или перегревается катушка. И если работать вслепую, то в таком сложном механизме мы никогда не найдем неисправность. Если разбирать Дейва и проверять каждую деталь по отдельности, каждый раз собирая его и испытывая…

– Можешь не продолжать, понимаю. Я тоже не совсем осел.

Они безнадежно посмотрели друг на друга. Потом Пауэлл осторожно предложил:

– А что, если расспросить одного из вспомогательных роботов?

Ни Пауэллу, ни Доновану до сих пор не приходилось беседовать ни с одним из «пальцев». Вспомогательные роботы могли говорить, и аналогия с человеческим пальцем была не совсем точной. Они имели даже довольно совершенный мозг, но этот мозг был настроен в первую очередь на прием команд через позитронное поле, и самостоятельно реагировать на внешние возбудители они могли с трудом.

Пауэлл не знал даже, как обратиться к этому роботу. Его серийный номер был ДВ-5/2, но так его называть было неудобно. Наконец он вышел из затруднения.

– Послушай, приятель! Я прошу тебя сосредоточиться и немного подумать, а потом ты сможешь вернуться к своему начальнику.

«Палец» вместо ответа неуклюже кивнул головой: при его скудных мыслительных способностях всякие лишние разговоры были ему в тягость.

– Так вот, за последнее время твой начальник уже четыре раза отклонялся от заданной программы, – сказал Пауэлл. – Ты помнишь эти случаи?

– Да, хозяин.

Донован сердито прокричал:

– Он-то помнит! Я тебе говорю, это очень подозрительно…

– Пойди проспись! Конечно, он помнит – у него-то все в порядке!

И Пауэлл снова повернулся к роботу:

– Что вы делали в таких случаях? Я имею в виду всю группу.

Рассказ «пальца» был лишен всякого выражения, словно он отвечал зазубренный урок.

– В первый раз мы разрабатывали трудный выход в семнадцатом забое. Во второй раз мы укрепляли кровлю, которая грозила обвалиться. В третий раз мы готовили точно направленный взрыв, чтобы при отпалке не задеть подземную трещину. В четвертый раз это было сразу после небольшого обвала.

– Что происходило каждый раз?

– Трудно описать. Поступала какая-то команда, но прежде, чем мы успевали принять и осмыслить ее, поступала новая команда – маршировать этим странным строем.

– Зачем? – рявкнул Пауэлл.

– Не знаю.

– А первая команда, – вмешался Донован, – до приказа маршировать, в чем она заключалась?

– Не знаю. Я чувствовал, что поступает команда, но не успевал ее принять.

– Что ты еще можешь сказать? Это была каждый раз одна и та же команда?

– Не знаю. – Робот растерянно покачал головой.

Пауэлл откинулся на спинку кресла.

– Ладно, можешь идти к своему начальнику.

«Палец» вышел, явно испытывая облегчение.

– Многого же мы добились, – сказал Донован. – Необыкновенно содержательный разговор. Слушай, и Дейв, и этот недоумок что-то замышляют. Слишком многого они не знают и не помнят. Им больше нельзя доверять, Грег.

Пауэлл подергал себя за ус.

– Знаешь, Майк, если ты скажешь еще одну глупость, я отниму у тебя и погремушку, и соску.

– Ладно, ладно. Ты же у нас гений, а я – несмышленый младенец! Ну так что же мы выяснили?

– Ничего. Я попробовал начать с конца – с «пальца», и ничего не вышло. Придется начать с начала.

– Ты великий человек! – восхищенно произнес Донован. – Как все это просто! Теперь, маэстро, не переведете ли вы это на человеческий язык?

– Для тебя надо бы переводить на детский лепет. Словом,

нужно выяснить, какую команду дает Дейв перед тем, как теряет память. Это ключ ко всему.

– Как же ты думаешь это выяснять? Стоять рядом с ним мы не можем, потому что при нас все будет в порядке. Поймать эту команду по радио мы тоже не можем – она передается через позитронное поле. Значит, узнать, что это за команда, мы не можем – ни вблизи, ни издалека. И делать нечего.

– Да, прямое наблюдение не годится. Остается еще дедукция.

– Что?

Пауэлл невесело усмехнулся.

– Мы будем по очереди дежурить, Майк. Будем, не сводя глаз с экрана, следить за каждым движением этих стальных болванов. А когда они начнут чудить, мы увидим, что случилось непосредственно перед этим, и определим, какая могла быть команда.

Донован долго сидел с открытым ртом. Потом сказал сдавленным голосом:

– Я подаю заявление об уходе. Хватит.

– У нас еще десять дней, попробуй придумать что-нибудь получше, – устало ответил Пауэлл.

И в течение восьми дней Донован изо всех сил пытался придумать что-нибудь получше. Восемь дней он каждые четыре часа сменял Пауэлла и воспаленными, затуманенными глазами следил за тем, как двигаются в полутьме поблескивающие металлические фигуры. И все восемь дней во время четырехчасовых перерывов он проклинал «Ю. С. Роботс», модель ДВ и день, когда он родился.

А когда на восьмой день, преодолевая головную боль, ему на смену явился заспанный Пауэлл, Донован встал и точно рассчитанным движением запустил тяжелую книгу в самый центр экрана. Раздался вполне естественный звон стекла.

– Зачем ты это сделал? – ахнул Пауэлл.

– Потому что я больше не собираюсь за ними следить, – почти спокойно ответил Донован. – Осталось два дня, а мы еще ничего не знаем. ДВ-5 – жалкий конструкторский недоносок. Он шесть раз останавливался в мое дежурство и три раза – в твое, и я все равно не знаю, какую команду он давал, и ты тоже. И я не верю, чтобы ты вообще смог это узнать, а уж я не смогу – это точно! Клянусь космосом, как можно следить сразу за шестью роботами? Один что-то делает руками, другой – ногами, третий машет руками, как ветряная мельница, четвертый прыгает, как полоумный. А остальные два… черт знает, что они делают! И вдруг все останавливаются! Грег, мы не то делаем. Нужно смотреть вблизи, чтобы были видны все подробности.

Пауэлл прервал наступившее молчание:

– Ну да, и ждать, не случится ли чего-нибудь за оставшиеся два дня?

– А что, отсюда наблюдать лучше?

– Здесь уютнее.

– А… Но там можно кое-что сделать, чего ты не можешь сделать отсюда.

– Что же?

– Можно заставить их остановиться, когда это будет нужно нам. Когда мы будем готовы подсмотреть, что с ними происходит.

Пауэлл насторожился:

– Каким образом?

– Сам подумай. Ведь ты у нас умница. Задай себе несколько вопросов. Когда ДВ-5 выходит из строя? Что тебе сказал «палец»? Когда угрожал или действительно случился обвал. Когда предстояло очень точно произвести отпалку. Когда попалась трудная жила.

– Иначе говоря, в критических обстоятельствах! – возбужденно сказал Пауэлл.

– Верно! Иначе и быть не может! Все дело в факторе личной инициативы. А необходимость в ней особенно велика в критических обстоятельствах, в отсутствие человека. И что из этого следует? Как нам устроить, чтобы они остановились, когда мы захотим? – Он торжествующе поднял руку, начиная входить во вкус своей роли, и ответил на собственный вопрос, опередив ответ, который уже вертелся у Пауэлла на языке: – Надо устроить аварию!

– Майк, ты прав, – сказал Пауэлл.

– Спасибо, друг! Я знал, что когда-нибудь этого добьюсь.

– Ладно, не язви. Оставь свои шуточки для Земли, там мы их законсервируем на зиму. А теперь – какую аварию мы можем устроить?

– Если бы мы были не на астероиде, где нет ни воды, ни воздуха, можно было бы затопить шахту.

– Это, по-видимому, острота, – сказал Пауэлл. – Знаешь, Майк, ты меня уморишь. А как насчет небольшого обвала?

Донован, насупившись, сказал:

– Не возражаю.

– Хорошо. Тогда пошли.

Пробираясь по каменной осыпи, Пауэлл чувствовал себя заговорщиком. И хотя его походка из-за малой силы тяжести была неуверенной, а из-под ног то и дело вылетали камни, поднимая бесшумные фонтанчики серой пыли, все равно ему казалось, что

он идет осторожными шагами конспиратора.

– Ты представляешь себе, где они? – спросил он.

– Кажется, да.

– Ладно, – мрачно сказал Пауэлл. – Только если какой-нибудь «палец» окажется в шести метрах, он нас учует, даже если мы не будем в его поле зрения. Надеюсь, это тебе известно.

– Когда мне понадобится прослушать элементарный курс роботехники, я подам заявление. В трех экземплярах. Теперь вниз.

Они спустились в шахту. Теперь и звезд не было видно. Оба ощупью пробирались вдоль стен, время от времени освещая путь короткими вспышками фонарей. Пауэлл на всякий случай еще раз ощупал детонатор.

– Ты знаешь этот штрек, Майк?

– Не очень хорошо. Он новый. Правда, я думаю, что могу ориентироваться по тому, что видел по телевизору…

Минуты тянулись бесконечно долго. Вдруг Майк сказал:

– Пощупай!

Приложив металлическую перчатку к стене, Пауэлл почувствовал легкую вибрацию. Конечно, никаких звуков слышно не было.

– Взрывы! Мы уже близко.

– Гляди в оба, – сказал Пауэлл.

Донован нетерпеливо кивнул.

Робот промчался мимо них и исчез так быстро, что они даже не успели его рассмотреть, – это было лишь промелькнувшее светлое пятно, блестевшее металлом. Оба застыли на месте.

– Как по-твоему, он заметил нас? – шепотом спросил Пауэлл.

– Надеюсь, что нет. Но лучше обойти их стороной. Свернем в первый же боковой штрек.

– А если мы вообще к ним не выйдем?

– Ну так что же делать? Возвращаться? – яростно прошипел Донован. – До них еще с четверть мили. Я же следил за ними по телевизору. А у нас всего два дня…

– Ох, замолчи. Не трать зря кислород. Это, что ли, боковой штрек? – Вспыхнул фонарик Пауэлла. – Да. Идем.

Вибрация стен ощущалась здесь гораздо сильнее, и время от времени скала под ногами содрогалась.

– Идем пока правильно. Только бы он не кончился, – сказал Донован и посветил перед собой фонарем.

Вытянув руку, они могли дотронуться до кровли штрека. Крепь была совсем новой.

Вдруг Донован заколебался:

– Кажется, тупик? Идем назад.

– Нет, погоди. – Пауэлл неуклюже протиснулся мимо него. – Что это за свет впереди?

– Свет? Не вижу никакого света. Откуда ему здесь взяться?

– А роботы? – Пауэлл на четвереньках вскарабкался на кучу осыпавшейся породы, перегородившую штрек. – Эй, Майк, лезь сюда, – позвал он тревожным, хриплым шепотом.

Впереди действительно виднелся свет. Донован перелез через ноги Пауэлла.

– Дыра?

– Да. Они, наверное, проходят этот штрек с той стороны.

Донован ощупал рваные края отверстия. Осторожно посветив фонарем, он увидел, что дальше начинается более широкий штрек – очевидно, главный. Отверстие было слишком маленьким, чтобы сквозь него мог пролезть человек. Даже заглянуть в него двоим сразу было трудно.

– Там ничего нет, – сказал Донован.

– Сейчас нет. Но секунду назад было – иначе мы не увидели бы света. Берегись!

Стены вокруг них содрогнулись, и они почувствовали толчок. Посыпалась мелкая пыль. Осторожно подняв голову, Пауэлл снова заглянул в отверстие.

– Все в порядке, Майк. Они здесь.

Сверкающие роботы столпились в главном штреке, метрах в пятнадцати от них. Могучие металлические руки быстро разбирали породу, выброшенную взрывом.

– Скорее, – заторопился Донован. – Они вот-вот кончат, а следующий взрыв может задеть нас.

– Ради бога, не торопи меня. – Пауэлл отцепил детонатор. Его взгляд тревожно шарил по темным стенам. При тусклом свете, шедшем от роботов, было почти невозможно отличить торчащие камни от сгустков теней.

– Смотри, вон прямо над ними в кровле выступ. Он остался после последнего взрыва. Если ты туда попадешь, обрушится половина кровли.

Пауэлл посмотрел туда, куда указывал Донован.

– Годится! Теперь следи за роботами и моли бога, чтобы они не ушли слишком далеко от этого места. Мне нужен их свет. Все семь на месте?

Донован пересчитал.

– Все.

– Ну, смотри в оба. Не упусти ни одного движения!

Он поднял руку с детонатором и прицелился. Донован, чертыхаясь про себя и смаргивая пот, заливавший глаза, пристально следил за роботами.

Вспышка!

Их качнуло, земля вокруг несколько раз вздрогнула, а потом они почувствовали мощный толчок, бросивший Пауэлла на Донована.

– Грег, ты сшиб меня! – завопил Донован. – Я ничего не видел!

Пауэлл огляделся:

– Где они?

Донован растерянно замолчал. Роботов не было видно. Вокруг было темно, как в адской бездне.

– А мы их не задавили? – дрожащим голосом произнес Донован.

– Давай спускаться. Не спрашивай меня ни о чем.

Пауэлл торопливо пополз назад.

– Майк!

Донован остановился.

– Что еще случилось?

– Постой! – В наушниках слышалось хриплое, неровное дыхание Пауэлла. – Майк! Ты меня слышишь?

– Я здесь. В чем дело?

– Назад хода нет. Кровля обвалилась не над роботами, а тут! От сотрясения все рухнуло.

– Да ты что? – Донован уперся в твердую преграду. – Включи-ка фонарь!

Но сквозь завал не смогла бы пролезть даже мышь.

– Ну, как вам это нравится? – тихо сказал Донован.

Они потратили некоторое время и довольно много сил, пытаясь сдвинуть глыбу, загородившую проход.

Потом Пауэлл попробовал расширить отверстие, которое вело в главный штрек. Он поднял было детонатор, но произвести вспышку в таком ограниченном пространстве было равносильно самоубийству.

– Знаешь, Майк, – сказал он, усевшись на камень, – мы окончательно все испортили. Мы так и не знаем, что происходит с Дейвом. Идея была хороша, но она обернулась против нас.

В голосе Донована послышалась горечь.

– Мне жаль огорчать тебя, старина, но, уж не говоря о неудаче с Дейвом, мы к тому же некоторым образом попали в ловушку. И если мы с тобой, дружище, не выберемся, нам крышка. Крышка. Ясно? Сколько у нас кислорода? Не больше чем на шесть часов.

– Я уже думал об этом. – Пальцы Пауэлла потянулись к его многострадальным усам, но звякнули о прозрачную крышку

гермошлема. – Конечно, Дейв быстро откопал бы нас. Но только после нашего замечательного обвала он, наверное, опять свихнулся, и по радио с ним связаться нельзя.

– Лучше некуда, а?

Донован подполз к отверстию и ухитрился втиснуть в него голову в шлеме. Это далось ему с большим трудом.

– Эй, Грег!

– Что?

– А если Дейв окажется в шести метрах от нас? Он придет в себя. И мы будем спасены.

– Конечно, но где он?

– Там, в штреке. Довольно далеко. Ради бога, перестань дергать меня за ноги, пока не оторвал мне голову. Я сам пущу тебя поглядеть.

Пауэлл в свою очередь высунулся в отверстие.

– Взрыв был удачный. Ты только посмотри на этих балбесов – прямо балет!

– К черту твои сравнения. Они приближаются?

– Не пойму – слишком далеко. Погоди. Дай-ка мне фонарь, попробую привлечь их внимание.

Через две минуты он оставил эту попытку.

– Бесполезно. Они, должно быть, ослепли. Ого, двинулись сюда! Как тебе это нравится?

– Эй, хватит, дай мне посмотреть! – потребовал Донован.

После недолгой возни Пауэлл сказал «ладно», и Донован сунул голову в дыру. Роботы приближались. Впереди, высоко поднимая ноги, шагал Дейв, а за ним цепочкой извивались шесть «пальцев».

– Что они делают, хотел бы я знать, – пробормотал Донован.

– Далеко они? – спросил Пауэлл.

– Метрах в пятнадцати, и идут сюда. Еще четверть часа – и мы будем своб… э-ге-гей! Эй!

– В чем дело? – Пауэллу понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя после оглушительного вопля Донована. – Ну-ка, пусти меня. Не будь свиньей!

Он попытался оттащить Донована, но тот яростно брыкался.

– Они повернули, Грег! Они уходят! Дейв! Эй, Дейв!

– Что толку? – крикнул Пауэлл. – Ведь звук здесь не проходит.

Донован, задыхаясь, обернулся к нему.

– Ну, колоти в стену, бей по ней камнем, создай какие-нибудь вибрации! Нужно привлечь их внимание, не то мы пропали!

Он начал колотить по камню как сумасшедший.

Пауэлл потряс его за плечо.

– Погоди, Майк, у меня идея! Клянусь Юпитером, сейчас самое время для простых решений. Майк!

– Чего тебе? – Донован втянул голову.

– Пусти меня скорее, пока они еще недалеко.

– Что ты хочешь делать? Эй, зачем тебе детонатор? – Он схватил Пауэлла за руку.

Тот вывернулся.

– Хочу немного пострелять.

– Зачем?

– Потом объясню. Посмотрим сперва, что получится. Подвинься, не мешай!

Вдали виднелись все уменьшающиеся огоньки роботов. Пауэлл тщательно прицелился и трижды нажал спусковую кнопку. Потом он опустил детонатор и тревожно вгляделся в темноту. Один вспомогательный робот упал! Теперь было видно только шесть сверкающих фигур.

Пауэлл неуверенно позвал в микрофон:

– Дейв!

После небольшой паузы оба услышали:

– Хозяин? Где вы? У третьего вспомогательного разворочена грудь. Он вышел из строя.

– Неважно, – сказал Пауэлл. – Нас завалило при взрыве. Видишь фонарь?

– Вижу. Сейчас будем там.

Пауэлл сел и вздохнул.

– Вот так, дружок.

– Ладно, Грег, – очень тихо произнес Донован дрогнувшим голосом. – Ты победил. Я перед тобой преклоняюсь. Только не морочь мне голову. Расскажи внятно, в чем было дело.

– Пожалуйста. Просто мы все время упускали из виду самое очевидное – как всегда. Мы знали, что дело в личной инициативе, что это всегда происходило в чрезвычайных обстоятельствах. Но мы думали, что все начиналось с определенной команды. А почему, собственно, с какой-то одной команды?

– А почему нет?

– А почему это не мог быть целый класс команд? Какие команды требуют от руководителя наибольшей инициативы? Какие команды обычно отдаются только в чрезвычайных обстоятельствах?

– Не спрашивай меня, Грег! Скажи!

– Я и говорю. Команды, отдаваемые одновременно по шести каналам! В обычных условиях один или несколько «пальцев» выполняют несложную работу, которая не требует пристального

наблюдения за ними. Ну, точно так же, как наши привычные движения при ходьбе. А в чрезвычайных обстоятельствах нужно немедленно и одновременно привести в действие всех шестерых. И вот тут что-то сдает. Остальное просто. Любое уменьшение требуемой от него инициативы, например появление человека, приводит его в себя. Я уничтожил одного из роботов, и Дейву пришлось командовать лишь пятью. Инициатива уменьшилась, и он стал нормальным!

– Как ты до этого дошел? – допытывался Донован.

– Логическими рассуждениями. Я произвел эксперимент, и все оказалось правильно.

Они снова услышали голос робота:

– Вот и мы. Вы продержитесь еще полчаса?

– Конечно, – ответил Пауэлл. Потом продолжал, обращаясь к Доновану: – Теперь наша задача стала проще. Мы проверим те цепи, нагрузка на которые при шестиканальной команде больше, чем при пятиканальной. Много придется проверять?

Донован прикинул.

– Не очень, по-моему. Если Дейв сделан так же, как опытный экземпляр, который мы видели на заводе, то у него должна быть специальная координирующая цепь, и все дело ограничится только ею. – Он вдруг воодушевился: – Слушай, это здорово! Остались пустяки!

– Хорошо. Обдумай это. Когда вернемся, проверим по чертежам. А теперь, пока Дейв до нас добирается, я отдохну.

– Погоди! Скажи мне еще одну вещь. Что это была за странная маршировка, эти причудливые танцы, которые начинались каждый раз, когда они теряли рассудок?

– А, это? Не знаю. Но у меня есть одно предположение. Вспомни: вспомогательные роботы – «пальцы» Дейва. Мы все время их так называли. Так вот, я думаю, что каждый раз, когда Дейв становился ненормальным и в голове у него все путалось, он начинал вертеть пальцами!..

* * *

Сьюзен Кэлвин рассказывала про Пауэлла и Донована без улыбки, почти равнодушно, но каждый раз, когда она упоминала роботов, ее голос теплел. Ей не понадобилось много времени, чтобы поведать мне о Спиди, Кьюти и Дейве. Но здесь я прервал ее, почувствовав, что у нее наготове еще полдюжины моделей. Я спросил:

– Ну, а на Земле разве ничего интересного не происходило?

Она взглянули на меня, слегка нахмурившись.

– Нет, ведь роботы на Земле не применяются.

– Да, к сожалению. Я хотел сказать, что ваши испытатели, конечно, молодцы, но не можете ли вы рассказать что-нибудь из своего опыта? Разве никогда не подводили роботы? В конце концов это же ваш юбилей.

Представьте себе, она покраснела! Она сказала:

– Да, роботы однажды подвели меня. Боже мой, как давно это было! Почти сорок лет назад… Ну конечно, в 2020 году. И мне было всего 38 лет. Ох… Но я бы предпочла об этом не говорить.

Я подождал, и она, конечно, передумала.

– А почему бы и нет? – сказала она. – Теперь это мне не повредит. И даже воспоминание об этом. Я была когда-то такой глупой, молодой человек. Можете вы в это поверить?

– Нет.

– Была. А Эрби – это был робот, читавший мысли.

– Что?

– Единственный в своем роде. В чем-то была допущена ошибка…

Лжец
(Перевод А. Иорданского)

Альфред Лэннинг неторопливо закурил сигару, но его пальцы слегка дрожали. Сердито насупив седые брови, он говорил сквозь сизые клубы дыма:

– Да, он читает мысли – это несомненно. Но почему? – Он посмотрел на Главного математика Питера Богерта. – Ну?

Богерт обеими руками пригладил черные волосы.

– Это тридцать четвертый робот модели РБ, Лэннинг. И все остальные вполне соответствовали нормам.

Третий человек, сидевший за столом, нахмурился. Это был Милтон Эш, самый молодой в руководстве фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн», чем он очень гордился.

– Послушайте, Богерт! Я ручаюсь, что сборка с начала до конца проведена совершенно правильно!

Толстые губы Богерта раздвинулись в покровительственной улыбке.

– Ручаетесь? Ну, если вы можете отвечать за всю линию сборки, то вас нужно повысить в должности. По точным подсчетам, для производства одного позитронного мозга требуется семьдесят пять тысяч двести тридцать четыре операции, успех каждой из которых зависит от различного числа факторов – от пяти до ста пяти. И если хоть один из этих факторов не будет точно выдержан, мозг идет в брак. Это я цитирую ваши собственные проспекты.

Милтон Эш покраснел и собрался ответить, но его перебил четвертый голос:

– Если мы начнем валить вину друг на друга, то я уйду… – Руки Сьюзен Кэлвин были крепко сжаты на коленях, морщинки вокруг ее тонких, бледных губ стали глубже. – У нас появился робот, который читает мысли, и мне представляется, что надо бы выяснить, почему это случилось. Но мы ничего не добьемся, если будем кричать: «Вы виноваты!», «Я виноват!»

Ее холодные серые глаза остановились на Эше, и он усмехнулся.

Лэннинг тоже усмехнулся, и, как всегда в таких случаях, его длинные седые волосы и хитро прищуренные глазки придали ему сходство с библейским патриархом.

– Совершенно верно, доктор Кэлвин.

Его голос внезапно зазвучал решительно:

– В предельно краткой форме положение таково. Мы

выпустили позитронный мозг, который не должен был бы отличаться от остальных, но который тем не менее обладает замечательной способностью принимать волны, излучаемые человеком в процессе мышления. Если бы мы знали, как это получилось, то роботехника шагнула бы сразу на десятилетия вперед. Но мы этого не знаем и должны выяснить. Вы согласны?

– Можно высказать одно предположение? – спросил Богерт.

– Слушаем.

– Мне кажется, пока мы не разберемся в этой истории – а как математик я думаю, что это окажется чертовски сложно, – нужно держать в тайне существование РБ-34. Даже от служащих фирмы. Мы, руководители отделов, обязаны справиться с этой задачей сами, а чем меньше будут знать остальные…

– Богерт прав, – сказала доктор Кэлвин. – С тех пор как Межпланетный кодекс разрешил испытание роботов на заводе перед отправкой их на космические станции, пропаганда против роботов усилилась. И если кто-нибудь узнает, что робот способен читать мысли, а мы еще не будем хозяевами положения, на этом кое-кто мог бы сделать себе солидный капитал.

Лэннинг, продолжая сосать сигару, кивнул и повернулся к Эшу:

– Вы сказали, что были одни, когда впервые столкнулись с этим чтением мыслей?

– Я был один – и перепугался до полусмерти. РБ-34 прислали ко мне прямо со сборочного стола. Оберман куда-то ушел, и я сам повел его к испытательному стенду. – Он запнулся, и на его губах появилась слабая улыбка. – Никому из вас не приходилось мысленно с кем-то разговаривать, не отдавая себе в этом отчета?

Никто не ответил, и Эш продолжал:

– Знаете, сначала на это не обращаешь внимания. Так вот, он что-то мне сказал – что-то вполне логичное и разумное. И мы уже почти дошли до стенда, когда я сообразил, что я-то ничего ему не говорил. Конечно, я думал о том о сем, но это же другое дело, правда? Я запер его и побежал к Лэннингу. Представьте себе: рядом с вами идет робот, спокойно читает ваши мысли и копается в них! Мне стало не по себе.

– Еще бы! – задумчиво сказала Сьюзен Кэлвин. Ее взгляд с необыкновенным вниманием остановился на Эше. – Мы так привыкли к тому, что наши мысли известны только нам самим…

– Значит, об этом знаем только мы четверо, – нетерпеливо вмешался Лэннинг. – Отлично. Мы должны взяться за дело строго систематически. Эш, вы проверите линию сборки – всю, от начала до конца. Вы должны исключить те операции, где ошибка была невозможна, и составить список тех, в которых она могла быть

допущена. Укажите характер возможной ошибки и ее предположительную величину.

– Ну и работка! – проворчал Эш.

– А как же? Конечно, вы будете делать это не один. Возьмите в помощники сотрудников вашего отдела, если нужно – всех до единого. Не выполните план – ничего! Но они, конечно, не должны знать, зачем это делается.

– Н-да. – Молодой инженер криво улыбнулся. – И все-таки работы хватит.

Лэннинг вместе со стулом повернулся к Кэлвин:

– Вам предстоит подойти с другого конца. Вы – наш робопсихолог, вам нужно изучить самого робота. Попытайтесь выяснить, как он это делает. Узнайте все, что так или иначе связано с его телепатическими способностями, каков их диапазон, как они сказываются на его мышлении и вообще на его стандартных рабочих качествах. Задача вам ясна?

Не дожидаясь ответа, Лэннинг продолжал:

– Я буду руководить работами и осуществлять математическую обработку результатов. – Он яростно затянулся сигарой, и сквозь дым прозвучало остальное: – В этом мне, конечно, поможет Богерт.

Продолжая полировать ногти мясистых рук, Богерт мягко ответил:

– Ну разумеется! Я как-никак в этом немного разбираюсь.

– Ну, я приступаю. – Эш резко отодвинул свой стул и поднялся. На его приятном молодом лице появилась усмешка. – Мне досталась самая скверная работа, так что лучше уж не откладывать. Пока.

Сьюзен Кэлвин ответила едва заметным кивком, но ее взгляд провожал его, пока дверь за ним не закрылась. Она ничего не ответила, когда Лэннинг, что-то проворчав, сказал:

– Не хотите ли вы, доктор Кэлвин, теперь же пойти и посмотреть РБ-34?

Когда послышался тихий звук открывающейся двери, робот РБ-34 поднял фотоэлектрические глаза от книги и вскочил. В комнату вошла Сьюзен Кэлвин. Она задержалась, чтобы поправить на двери огромную надпись «Вход воспрещен», потом подошла к роботу.

– Эрби, я принесла тебе кое-какие материалы о гиператомных двигателях. Хочешь их посмотреть?

РБ-34 (иначе – Эрби) взял у нее из рук три тяжелых тома и открыл один из них.

– Хм! «Гиператомная теория»…

Что-то бормоча про себя, он начал листать книги, потом рассеянно сказал:

– Садитесь, доктор Кэлвин! Это займет несколько минут.

Она села и внимательно следила за Эрби, который занял место по другую сторону стола и приступил к систематическому изучению всех трех книг.

Через полчаса он отложил их в сторону.

– Я, конечно, знаю, зачем вы мне их принесли.

У Сьюзен Кэлвин дрогнули уголки губ.

– Я так и думала. С тобой трудно иметь дело, Эрби, ты все время на шаг впереди меня.

– Эти книги такие же, как и остальные. Они меня просто не интересуют. В ваших учебниках ничего нет. Ваша наука – это просто масса фактов, кое-как скрепленных подобием теории. Все это так невероятно просто, что вряд ли достойно внимания. Меня интересует ваша беллетристика, переплетение и взаимодействие человеческих побуждений и чувств… – Он сделал неясный жест могучей рукой, подыскивая подходящее слово.

– Кажется, я понимаю, – прошептала доктор Кэлвин.

– Видите ли, я читаю мысли, – продолжал робот, – а вы не можете себе представить, как они сложны. Я не могу все их понять, потому что мое мышление имеет так мало общего с вашим. Но я стараюсь, а ваши романы мне помогают.

– Да, но я боюсь, что, когда ты познакомишься с некоторыми переживаниями по современным душещипательным романам, – в ее голосе прозвучала горечь, – ты сочтешь наши настоящие мысли и чувства скучными и бесцветными.

– Ничего подобного!

Внезапный энергичный ответ заставил ее вскочить на ноги. Она почувствовала, что краснеет, и в испуге подумала: «Наверное, он знает!»

Эрби уже успокоился и произнес тихим голосом, почти совсем не имевшим металлического тембра:

– Ну конечно, я знаю, доктор Кэлвин! Вы об этом постоянно думаете, так как же я могу не знать?

– Ты… говорил об этом кому-нибудь? – жестко спросила она.

– Разумеется, нет! – искренне удивился он и добавил: – Меня никто не спрашивал.

– Тогда ты, вероятно, считаешь, что это с моей стороны глупо?

– Нет! Это нормальное чувство.

– Может быть, поэтому оно и глупо. – Теперь ее голос звучал задумчиво и печально. Под непроницаемой маской доктора наук на мгновение проступили черты женщины. – Меня нельзя

назвать… привлекательной…

– Если вы имеете в виду чисто внешнюю привлекательность, то об этом я не могу судить. Но, во всяком случае, я знаю, что есть и другие виды привлекательности.

– …да и молодой тоже… – Она как будто не слышала робота.

– Вам еще нет сорока. – В голосе Эрби появились тревога и настойчивость.

– Тридцать восемь, если считать годы. И все шестьдесят, если говорить об эмоциональном восприятии жизни. Я же все-таки психолог. А ему, – продолжала она с горечью, – тридцать пять, и выглядит он еще моложе. Неужели ты думаешь, что он видит во мне… что-то особенное?

– Вы ошибаетесь! – Стальной кулак Эрби с лязгом обрушился на пластмассовую поверхность стола. – Послушайте…

Но Сьюзен Кэлвин гневно перебила его. Ожесточение и боль в ее глазах вспыхнули ярким пламенем.

– Зачем? Что ты об этом знаешь – ты, машина! Я для тебя – образчик, интересная букашка со своеобразными мыслями, которые ты видишь как на ладони. Превосходный пример разбитых надежд, правда? Почти как в книгах!

Ее сухие рыдания постепенно затихли.

Робот как будто съежился под этой бурей обрушившихся на него слов. Он умоляюще покачал головой.

– Ну пожалуйста, выслушайте меня! Если бы вы захотели, я мог бы помочь вам!

– Как? – Ее губы скривились. – Дать хороший совет?

– Нет, не так. Я просто знаю, что думают другие люди, например Милтон Эш.

Наступило долгое молчание. Сьюзен Кэлвин потупилась.

– Я не хочу знать, что он думает, – тихо сказала она. – Замолчи.

– А мне кажется, вы хотели бы знать, что он думает.

Она все еще сидела с опущенными глазами, только ее дыхание участилось.

– Ты говоришь чепуху, – прошептала она.

– Зачем это мне? Я хочу помочь. Милтон Эш… – Он остановился.

Она подняла голову.

– Ну?

– Он любит вас, – тихо сказал робот.

Целую минуту доктор Кэлвин молча, широко раскрыв глаза, глядела на робота.

– Ты ошибаешься! Конечно, ошибаешься! С какой стати?

– Правда, любит. От меня этого нельзя утаить.

– Но я так… так… – Она запнулась.

– Он смотрит вглубь – он ценит интеллект. Милтон Эш не из тех, что женятся на прическе и хорошеньких глазках.

Сьюзен Кэлвин часто заморгала. Она заговорила не сразу, и ее голос дрожал.

– Но ведь он никогда и никак не обнаруживал…

– А вы дали ему такую возможность?

– Как я могла? Я никогда не думала…

– Вот именно.

Сьюзен Кэлвин замолчала, потом внезапно подняла голову.

– Полгода назад к нему на завод приезжала девушка. Изящная блондинка. Кажется, она была красива. И конечно, едва знала таблицу умножения. Он целый день пыжился перед ней, пытаясь объяснить, как делают роботов. – Ее голос зазвучал жестко. – Она ничего не поняла! Кто она?

Эрби, не колеблясь, ответил:

– Я знаю, о ком вы говорите. Это его двоюродная сестра. Уверяю вас, между ними нет никаких романтических отношений.

Сьюзен Кэлвин с почти девичьей легкостью встала.

– Как странно! Именно это я временами пыталась себе внушить, хотя серьезно никогда так не думала. Значит, это правда!

Она подбежала к Эрби и обеими руками схватила его холодную тяжелую руку.

– Спасибо, Эрби, – прошептала она голосом, слегка охрипшим от волнения. – Никому не говори об этом. Пусть это будет наш секрет. Спасибо еще раз.

Судорожно сжав бесчувственные металлические пальцы Эрби, она вышла.

Эрби медленно повернулся к отложенному роману. Его мысли никто не смог бы прочесть.

Милтон Эш не спеша, с удовольствием потянулся, так что кости хрустнули, и свирепо уставился на Питера Богерта.

– Послушайте, – сказал он, – я сижу над этим уже неделю и уже забыл, когда спал по-настоящему. Сколько еще мне возиться? Вы как будто сказали, что дело в позитронной бомбардировке в вакуумной камере Д?

Богерт деликатно зевнул и с интересом поглядел на свои холеные руки.

– Да. Я напал на след.

– Я знаю, что значит, когда это говорит математик. Сколько вам еще осталось?

– Все зависит…

– От чего? – Эш бросился в кресло и вытянул длинные ноги.

– От Лэннинга. Старик со мной не согласен. – Он вздохнул. – Немного отстал от жизни, вот в чем дело. Цепляется за свою обожаемую матричную механику, а этот вопрос требует более мощных математических средств. Уж очень он упрям.

Эш сонно пробормотал:

– А почему бы не спросить у Эрби и не покончить с этим?

– Спросить у робота? – Брови Богерта полезли вверх.

– А что? Разве старуха вам не говорила?

– Вы имеете в виду Кэлвин?

– Ну да! Сама Сьюзи. Ведь этот робот – маг и чародей в математике. Он знает все обо всем и еще чуть-чуть сверх того. Он вычисляет в уме тройные интегралы и закусывает тензорным анализом.

Математик скептически поглядел на него.

– Вы серьезно?

– Ну конечно! Загвоздка в том, что дурень не любит математику, а предпочитает душещипательные романы. Честное слово! Вы бы только видели, какую дрянь таскает ему Сьюзен: «Огненная страсть», «Любовь в космосе»…

– Доктор Кэлвин ни слова нам об этом не говорила.

– Ну, она еще не кончила его изучать. Вы же ее знаете. Она любит, чтобы все было окутано тайной. Пока она сама не раскроет главный секрет.

– Но вам она сказала?

– Да вот, как-то разговорились… Я эти дни часто ее вижу. – Он широко открыл глаза и нахмурился. – Слушайте, Богги, вы ничего странного за ней не замечали в последнее время?

Богерт расплылся в усмешке:

– Она стала красить губы. Вы это имеете в виду?

– Черта с два! Это само собой – губы красит, глаза подводит и еще пудрится. Ну и вид у нее! Но я не о том. Никак не могу точно этого определить. Она говорит так, словно она очень счастлива…

Он задумался и пожал плечами.

Богерт позволил себе плотоядно оскалиться. Для ученого, которому уже за пятьдесят, это было неплохо исполнено.

– Может быть, она влюбилась.

Эш опять закрыл глаза.

– Вы сошли с ума, Богги. Идите и поговорите с Эрби. Я останусь здесь и вздремну.

– Ну хорошо. Хоть и не по душе мне это – советоваться с роботом. Да вряд ли он скажет мне что-нибудь полезное.

Ответом ему был негромкий храп.

Эрби внимательно слушал, пока Питер Богерт, сунув руки в карманы, говорил с напускным равнодушием:

– Вот как обстоит дело. Мне говорили, что ты в таких вещах разбираешься, и я спрашиваю тебя больше из любопытства. Я допускаю, что мой ход рассуждений включает несколько сомнительных звеньев, которые доктор Лэннинг отказывается принять. Так что картина все еще не очень полна.

Робот не отвечал, и Богерт сказал:

– Ну?

– Не вижу никакой ошибки. – Эрби вглядывался в исписанные расчетами листки.

– Вероятно, ты больше ничего предложить не можешь?

– Не буду и пытаться. В математике мне до вас далеко, и… В общем, мне не хотелось бы осрамиться.

Улыбка Богерта была чуть-чуть самодовольной.

– Я так и думал. Конечно, вопрос серьезный. Забудем об этом.

Он смял листки, швырнул их в мусоропровод и повернулся, чтобы уйти, но потом передумал.

– Кстати…

Робот ждал. Казалось, Богерт с трудом подыскивает слова.

– Есть кое-что… в общем, может быть, ты…

Он замолчал. Эрби спокойно произнес:

– Ваши мысли перепутаны, но нет никакого сомнения, что вы думаете о докторе Лэннинге. Глупо колебаться – как только вы успокоитесь, я узнаю, о чем вы хотите спросить.

Рука математика привычным движением скользнула по прилизанным волосам.

– Лэннингу скоро семьдесят, – сказал он, как будто это объясняло все.

– Я знаю.

– И он уже почти тридцать лет директор исследовательского отдела.

Эрби кивнул.

– Так вот. – В голосе Богерта послышалась просьба. – Ты, наверное, знаешь… не подумывает ли он об отставке. Состояние здоровья, скажем.

– Вот именно, – только и произнес Эрби.

– Ты это знаешь?

– Конечно.

– Тогда… гм… не скажешь ли ты…

– Раз уж вы спрашиваете – да. – Робот говорил, как будто это само собой разумеется. – Он уже подал в отставку!

– Что? – с трудом выговорил Богерт и весь подался вперед. – Повтори!

– Он уже подал в отставку, – последовал спокойный ответ, – но она еще не вступила в силу. Видите ли, он хочет сначала решить проблему… хм… меня. После этого он будет готов передать обязанности директора своему преемнику.

Богерт резко выдохнул.

– А его преемник? Кто он?

Он придвинулся к Эрби почти вплотную. Глаза его как зачарованные были прикованы к ничего не выражавшим красноватым фотоэлементам, служившим роботу глазами.

Послышался неторопливый ответ:

– Будущий директор – вы.

Напряжение на лице Богерта сменилось скупой улыбкой.

– Приятно знать, что мои надежды оправдались. Я ждал этого. Спасибо, Эрби.

Эту ночь до пяти часов утра Питер Богерт провел за письменным столом. В девять он снова приступил к работе. Он то и дело хватал с полки над столом один справочник за другим. Медленно, почти незаметно росла стопка готовых расчетов, зато на полу образовалась целая гора скомканных исписанных листков.

Ровно в полдень Богерт взглянул еще раз на последний итог, протер налитые кровью глаза, зевнул и потянулся.

– Чем дальше, тем хуже. Проклятье!

Услышав, как открылась дверь, он обернулся и кивнул вошедшему Лэннингу. Хрустя суставами ревматических пальцев, директор окинул взглядом неубранную комнату, и его брови сдвинулись.

– Новый подход? – спросил он.

– Нет, – последовал вызывающий ответ. – А чем плох старый?

Лэннинг промолчал и бросил беглый взгляд на верхний листок стопки. Закурив сигару, он сказал:

– Кэлвин говорила вам о роботе? Это математический гений. Интересно.

Богерт громко фыркнул:

– Говорила. Но лучше бы Кэлвин занималась робопсихологией. Я проверил математические способности Эрби; он едва справился с интегральным и дифференциальным исчислением.

– Кэлвин пришла к другому выводу.

– Она рехнулась.

– Я тоже пришел к другому выводу. – Глаза директора зловеще сузились.

– Вы? – голос Богерта стал жестким. – О чем вы говорите?

– Я все утро гонял Эрби по математике. Он способен

проделывать такие штуки, о которых вы и не слыхали.

– Неужели?

– Вы не верите? – Лэннинг выхватил из жилетного кармана сложенный листок и развернул его. – Это не мой почерк, верно?

Богерт вгляделся в крупные угловатые цифры, покрывающие листок.

– Это Эрби?

– Да. И, как вы можете заметить, он занимался интегрированием вашего двадцать второго уравнения по времени. – Лэннинг постучал желтым ногтем по последней строчке. – И он пришел к такому же заключению, как и я, только вчетверо быстрее. Вы не имели права пренебречь эффектом Лингера при позитронной бомбардировке.

– Я не пренебрег им. Ради бога, Лэннинг, поймите, что это исключает…

– Да-да, вы уже объяснили. Вы применили переходное уравнение Митчелла, верно? Так вот, оно здесь неприменимо.

– Почему?

– Во-первых, вы пользуетесь гипермнимыми величинами.

– Ну и что?

– Уравнение Митчелла не годится, если…

– Вы сошли с ума? Если вы перечитаете статью самого Митчелла в «Записках Фара…».

– Это лишнее. Я с самого начала сказал, что его ход рассуждений мне не нравится, и Эрби согласен со мной.

– Ну так пусть эта машина и решит вам всю проблему, – крикнул Богерт. – Зачем тогда связываться с бездарью вроде меня?

– В том-то и дело, что Эрби не может ее решить. А если даже он не может, то мы сами – тем более. Я передаю этот вопрос в Национальный совет. Мы здесь бессильны.

Богерт вскочил, опрокинул кресло. Лицо его побагровело.

– Вы этого не сделаете!

Лэннинг тоже побагровел.

– Вы указываете мне, что делать и чего не делать?

– Именно, – сквозь зубы ответил Богерт. – Я решил проблему, и вам ее у меня не отнять, ясно? Не думайте, что я не вижу вас насквозь, высохшее вы ископаемое! Конечно, вы скорее подавитесь, чем признаете, что я решил проблему телепатии роботов.

– Вы идиот, Богерт. Еще немного, и я уволю вас за нарушение субординации.

Губы Лэннинга тряслись от гнева.

– Ну этого-то вы не сделаете, Лэннинг. Когда рядом робот,

читающий мысли, секретов быть не может. Так что не забудьте, я знаю о вашей отставке.

Столбик пепла отломился от кончика сигары Лэннинга и упал на пол. Сигара последовала за ним.

– Что? Что…

Богерт злорадно усмехнулся.

– И новый директор – я, понятно вам? Я прекрасно это знаю. Черт возьми, Лэннинг, теперь командовать здесь буду я. Имейте это в виду, не то попадете в такую переделку, какая вам и не снилась.

Лэннинг вновь обрел дар речи и взревел:

– Вы уволены, слышите? Вы освобождены от всех обязанностей! С вами все кончено, понимаете?

Богерт усмехнулся еще шире:

– Ну к чему это? Вы ничего не добьетесь. Все козыри у меня. Я знаю, что вы подали в отставку. Эрби рассказал мне, а он знает это от вас.

Лэннинг заставил себя говорить спокойно. Он выглядел старым-старым, с его усталого лица исчезли все следы краски, оставив мертвенную старческую желтизну.

– Я должен поговорить с Эрби. Он не мог сказать вам ничего подобного. Вы рискованно играете, Богерт. Но я раскрою ваши карты. Идемте.

Богерт пожал плечами.

– К Эрби? Ладно. Ладно, черт возьми!

Ровно в полдень того же дня Милтон Эш поднял глаза от рисунка, который только что наспех набросал на листке бумаги, и сказал:

– Представляете себе? У меня сейчас не очень удачно получилось, но в общем он будет выглядеть примерно так. Чудный домик, и достается мне почти даром.

Сьюзен Кэлвин нежно взглянула на него.

– Действительно, красивый, – вздохнула она. – Я часто мечтала…

Ее голос затих.

Эш оживленно продолжал, отложив карандаши:

– Конечно, придется ждать отпуска. Осталось всего две недели, но из-за истории с Эрби теперь ничего не известно. – Он опустил глаза. – И еще одно… Но это секрет.

– Тогда не говорите.

– А, все равно. Меня как будто распирает – так и хочется кому-нибудь рассказать. А лучше всего здесь, пожалуй… хм… довериться именно вам. – Он несмело усмехнулся.

Сердце Сьюзен Кэлвин затрепетало, но она боялась произнести хоть слово.

– По правде говоря, – Эш подвинулся к ней вместе со стулом и заговорил доверительным шепотом, – этот дом не только для меня. Я женюсь! В чем дело? – Он вскочил.

– Нет, ничего.

Ужасное ощущение вращения исчезло, но ей было трудно говорить.

– Женитесь? Вы хотите сказать…

– Ну конечно. Пора ведь, правда? Вы помните ту девушку, которая была здесь прошлым летом? Это она и есть! Но вам нехорошо? Вы…

– Голова разболелась. – Сьюзен Кэлвин бессильным движением отмахнулась от него. – У меня… у меня это часто бывает в последнее время. Я хочу… конечно, поздравить вас. Я очень рада…

На ее побелевшем лице стали видны два некрасивых пятна неумело наложенных румян. Все вокруг снова закружилось перед ней.

– Извините меня… пожалуйста… – пробормотала она и, ничего не видя, шатаясь, вышла.

Катастрофа произошла внезапно, как в кошмарном сне, и была такой же жуткой.

Но как это могло случиться? Ведь Эрби говорил… А Эрби знал! Он умеет читать мысли!

Она опомнилась только тогда, когда, едва дыша, прислонившись к двери, увидела перед собой металлическое лицо Эрби. Она не заметила, как взбежала на два этажа вверх по лестнице, – это произошло за один миг, как во сне.

Как во сне!

Немигающие глаза Эрби глядели на нее, их красноватые круги, казалось, росли, превращаясь в тускло светящиеся жуткие шары.

Он что-то говорил, и она почувствовала, как к ее губам прикоснулся холодный край стакана. Она сделала глоток и, вздрогнув, немного пришла в себя.

Эрби все еще говорил, и в его голосе было волнение – боль, испуг, мольба. Слова начали доходить до ее сознания.

– Это все сон, – говорил он, – и вы не должны этому верить. Вы скоро очнетесь и будете смеяться над собой. Он любит вас, я говорю вам. Любит, любит! Но не здесь! Не сейчас! Этот мир – иллюзия.

Сьюзен Кэлвин, кивая головой, шептала:

– Да… Да…

Она вцепилась в руку Эрби, прижалась к ней, приникла к этой стальной руке, широко раскрыв глаза, повторяя снова и снова:

– Это ведь неправда, да? Это неправда?

У Сьюзен Кэлвин не сохранилось никаких воспоминаний о том, как она очнулась. Как будто из туманного, нереального мира она попала на резкий солнечный свет. Оттолкнув от себя тяжелую руку, она широко раскрыла глаза.

– Что же это ты делаешь? – ее голос сорвался в хриплый вопль. – Что… ты… делаешь?

Эрби попятился.

– Я хочу помочь.

Кэлвин пристально смотрела на него.

– Помочь? Как? Убеждая меня, будто это сон? Пытаясь превратить меня в шизофреничку? – Она истерически напряглась. – Это не сон! Если бы это был сон!

Внезапно она охнула:

– Постой! А! Понимаю! Господи, это же так очевидно…

В голосе робота послышался ужас:

– Но я должен был…

– А я-то тебе поверила! Мне и в голову не пришло…

За дверью послышались громкие голоса, и Сьюзен Кэлвин, умолкнув, отвернулась и судорожно сжала кулаки. Когда Богерт и Лэннинг вошли, она стояла у окна в глубине комнаты. Но ни тот, ни другой не обратили на нее ни малейшего внимания.

Оба одновременно подошли к Эрби. Лэннинг пылал гневом и нетерпением, на лице Богерта играла холодная язвительная усмешка. Директор заговорил первым:

– Эрби!

Робот повернулся к старому директору.

– Я вас слушаю, доктор Лэннинг.

– Ты говорил обо мне с доктором Богертом?

– Нет, сэр, – ответил робот не сразу.

Усмешка исчезла с лица Богерта.

– В чем дело? – Богерт оттеснил Лэннинга и встал перед роботом, расставив ноги. – Повтори, что ты сказал мне вчера.

– Я сказал, что… – Эрби замолк. Где-то глубоко внутри его механизма дрогнула металлическая мембрана и послышался тихий дребезжащий звук.

– Ты сказал, что он подал в отставку! – рявкнул Богерт. – Отвечай!

Богерт в ярости замахнулся, но Лэннинг оттолкнул его:

– Не хотите ли вы силой заставить его солгать?

– Вы слышали его, Лэннинг! Он готов был признаться и остановился. Отойдите! Я хочу добиться от него правды!

– Дайте я его спрошу! – Лэннинг повернулся к роботу. – Ничего, Эрби. Успокойся. Я подал в отставку?

Эрби молча глядел на него, и Лэннинг настойчиво повторил:

– Я подал в отставку?

Робот чуть заметно отрицательно качнул головой. Другого ответа они не дождались.

Ученые посмотрели друг на друга. Враждебность в их взглядах была почти осязаемой.

– Какого черта, – выпалил Богерт, – он что, онемел? Ты умеешь говорить, чудовище?

– Я умею говорить, – с готовностью ответил робот.

– Тогда отвечай. Сказал ты мне, что Лэннинг подал в отставку? Подал он в отставку или нет?

Снова наступило молчание. Потом в дальнем конце комнаты внезапно раздался смех Сьюзен Кэлвин – резкий, почти истерический. Оба вздрогнули, и Богерт прищурил глаза:

– Вы здесь? И что же тут смешного?

– Ничего. – Ее голос звучал не совсем естественно. – Просто не одна я попалась. Трое крупнейших в мире роботехников угодили в одну и ту же элементарную ловушку. Ирония судьбы, правда? – Она провела бледной рукой по лбу и тихо добавила: – Но ничего смешного тут нет…

Мужчины еще раз переглянулись, на этот раз в недоумении подняв брови.

– О какой ловушке вы говорите? – спросил Лэннинг неловко. – Что-нибудь случилось с Эрби?

– О нет, – ответила она, медленно приближаясь к ним. – Он-то в полном порядке. Дело в нас.

Она неожиданно повернулась к роботу и пронзительно крикнула:

– Отойди! Убирайся в дальний угол, и чтобы я тебя не видела!

Эрби съежился под ее взглядом и, громыхая, поспешно бросился прочь.

– Что это значит, доктор Кэлвин? – сердито спросил Лэннинг.

Она с издевкой спросила:

– Вы, конечно, знаете Первый Закон Роботехники?

– Разумеется! – раздраженно сказал Богерт. – «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

– Как изящно сформулировано, – насмешливо продолжала Кэлвин. – А какой вред?

– Ну… любой.

– Вот именно! Любой! А как насчет разочарования? А утрата веры в себя? А крушение надежд? Это вредно?

Лэннинг нахмурился:

– Откуда роботу знать… – Он вдруг осекся.

– Теперь и до вас дошло? Этот робот читает мысли. Вы думаете, он не знает, чем можно травмировать человека? Думаете, если задать ему вопрос, он не ответит именно то, что вы хотите услышать в ответ? Разве любой другой ответ не будет нам неприятен и разве Эрби этого не знает?

– Боже мой, – пробормотал Богерт.

Сьюзен Кэлвин с усмешкой взглянула на него.

– Я полагаю, что вы спросили его, уходит ли Лэннинг в отставку? Вы хотели услышать «да», и Эрби ответил именно так.

– И, вероятно, поэтому, – сказал Лэннинг голосом, лишенным всякого выражения, – он ничего не ответил нам только что. Он не мог ответить так, чтобы не задеть одного из нас.

Наступила короткая пауза. Мужчины задумчиво смотрели на робота, который забился в свое кресло у книжного шкафа и опустил голову на руки.

Сьюзен Кэлвин упорно глядела в пол.

– Он все это знал. Этот… этот дьявол знает все – и даже то, что случилось с ним при сборке.

Лэннинг посмотрел на нее.

– Здесь вы ошибаетесь, доктор Кэлвин. Он не знает, что случилось. Я спрашивал.

– Ну и что? – вскричала Сьюзен Кэлвин. – Вы просто не хотели, чтобы он подсказал вам решение. Если бы машина сделала то, что вы сделать не смогли, это уронило бы вас в собственных глазах. А вы спрашивали его? – повернулась она к Богерту.

Лэннинг негромко засмеялся, а она язвительно усмехнулась и сказала:

– Я спрошу его! Меня его ответ не заденет.

Громким, повелительным голосом она произнесла:

– Иди сюда!

Эрби встал и нерешительно приблизился.

– Я полагаю, ты знаешь, в какой именно момент сборки возник посторонний фактор или был пропущен один из необходимых?

– Да, – еле слышно произнес Эрби.

– Постойте, – сердито вмешался Богерт. – Это не обязательно правда. Вы просто хотите это услышать, и все.

– Не будьте ослом, – ответила Сьюзен Кэлвин. – Он знает

математику, во всяком случае, не хуже, чем вы вместе с Лэннингом, раз уж он может читать мысли. Не мешайте.

Математик умолк, а она продолжала:

– Ну, Эрби, отвечай! Мы ждем! Господа, вы готовы?

Но Эрби хранил молчание. В голосе психолога прозвучало торжество:

– Почему ты не отвечаешь, Эрби?

Робот неожиданно выпалил:

– Я не могу. Вы знаете, что я не могу! Доктор Богерт и доктор Лэннинг не хотят!

– Они хотят узнать решение.

– Но не от меня.

Лэннинг медленно и отчетливо произнес:

– Не глупи, Эрби. Мы хотим, чтобы ты сказал.

Богерт коротко кивнул.

В голосе Эрби послышалось отчаяние:

– Зачем так говорить? Неужели вы не понимаете, что я вижу глубже, чем поверхность вашего мозга? Там, в глубине, вы не хотите. Я – машина, которой придают подобие жизни только позитронные взаимодействия в моем мозгу, изготовленном человеком. Вы не можете оказаться слабее меня, не почувствовав унижения. Это заложено глубоко в вашем мозгу и не может быть стерто. Я не могу подсказать вам решение.

– Мы уйдем, – сказал Лэннинг. – Скажи доктору Кэлвин.

– Все равно! – вскричал Эрби. – Вы ведь будете знать, что ответ исходил от меня.

– Но ты понимаешь, Эрби, – вмешалась Сьюзен Кэлвин, – что, несмотря на это, доктор Лэннинг и доктор Богерт хотят решить проблему?

– Но сами! – настаивал Эрби.

– Но они хотят этого, и то, что ты знаешь решение и не говоришь его, тоже их задевает. Ты это понимаешь?

– Да! Да!

– А если ты скажешь, им тоже будет неприятно.

– Да! Да!

Эрби медленно пятился назад, и шаг за шагом за ним шла Сьюзен Кэлвин. Мужчины, остолбенев от изумления, молча смотрели на них.

– Ты не можешь сказать, – медленно повторяла Кэлвин, – потому что это их огорчит, а ты не должен их огорчать. Но если ты не скажешь, это тоже их огорчит, так что ты должен сказать. А если ты скажешь, ты их огорчишь, а ты не должен, так что ты не можешь сказать. Но если ты не скажешь, ты причинишь им вред, так что ты должен. Но если ты скажешь, ты причинишь вред, так

что ты не должен. Но если ты не скажешь, ты…

Эрби прижался спиной к стене, потом упал на колени.

– Не надо! – закричал он. – Спрячьте ваши мысли! Они полны боли, унижения, ненависти! Я не хотел этого! Я хотел помочь! Я говорил то, что вы хотели! Я должен был…

Но Сьюзен Кэлвин не слушала его.

– Ты должен сказать, но, если ты скажешь, ты причинишь вред, так что не должен. Но если ты не скажешь, ты причинишь вред, так что…

Эрби испустил страшный вопль. Этот вопль был похож на усиленный во много раз звук флейты-пикколо. Он становился все резче и резче, выше и выше, в нем слышалось безнадежное отчаяние. Пронзительный звук заполнял всю комнату…

Когда вопль утих, Эрби свалился на пол неподвижной, бесформенной кучей металла.

В лице Богерта не было ни кровинки.

– Он мертв!

– Нет. – Сьюзен Кэлвин разразилась судорожным, диким хохотом. – Не мертв! Просто лишился разума. Я поставила перед ним неразрешимую дилемму, и он не выдержал. Можете сдать его в лом – он больше никогда ничего не скажет.

Лэннинг склонился над тем, что раньше называлось Эрби. Он тронул рукой холодное, неподвижное металлическое тело и содрогнулся. Потом он выпрямился и, сдвинув брови, повернулся к ней.

– Вы сделали это намеренно.

– А если и так? Теперь уже ничего не поделаешь. – С внезапной горечью она добавила: – Он это заслужил.

Лэннинг взял за руку застывшего на месте Богерта.

– Какая разница! Пойдемте, Питер. – Он вздохнул. – Все равно от такого робота не было бы никакого толку.

Его глаза казались старыми и усталыми. Он повторил:

– Пойдемте, Питер!

После того как они вышли, доктор Сьюзен Кэлвин еще не скоро обрела душевное равновесие. Она долго стояла, глядя на Эрби. В конце концов злорадство сменилось на ее лице растерянностью и разочарованием. И все обуревавшие ее мысли слились в одно бесконечно горькое слово, сорвавшееся с ее губ:

– Лжец!

* * *

На этом тогда, естественно, все кончилось. Я знал, что

больше ничего не смогу из нее вытянуть. Она молча сидела за столом, погруженная в воспоминания. Ее бледное лицо было холодным и задумчивым.

Я сказал:

– Спасибо, доктор Кэлвин.

Но она не ответила.

Снова я увидел ее только через два дня у дверей ее кабинета, откуда выносили шкафы Она спросила:

– Ну как подвигаются ваши статьи, молодой человек?

– Прекрасно, – ответил я.

Я обработал их, как мог, драматизировал голый скелет ее рассказов, добавил диалоги и мелкие детали.

– Может быть, вы посмотрите, чтобы я никого ненароком не оклеветал и не допустил где-нибудь слишком явных неточностей?

– Да, пожалуй. Пойдемте в комнату отдыха – там можно выпить кофе.

Казалось, она была в хорошем настроении, поэтому, пока мы шли по коридору, я рискнул:

– Я думал вот о чем, доктор Кэлвин…

– Да?

– Не расскажете ли вы мне еще что-нибудь из истории роботехники?

– Но ведь вы уже все от меня получили, молодой человек.

– Более или менее. Но те случаи, которые я записал, почти не имеют отношения к нашему времени. Я хочу сказать, что робот, читающий мысли, был создан только в единственном числе, межпланетные станции уже устарели и вышли из моды, а к роботам, работающим в шахтах, все уже привыкли. А как насчет межзвездных путешествий? Ведь гиператомный двигатель изобрели всего лет двадцать назад, и все знают, что изобретать его помогали роботы. Как было дело?

– Межзвездные путешествия! – задумчиво повторила она.

Мы уже сидели в комнате отдыха, и я заказал обед. Она только пила кофе.

– Я впервые столкнулась с межзвездными исследованиями в 2029 году, когда потерялся робот…

Как потерялся робот (Перевод А. Иорданского)

На Гипербазе были приняты экстренные меры. Их сопровождала неистовая суматоха, по своему напряжению соответствовавшая истерическому воплю.

Один за другим предпринимались все более и более отчаянные шаги.

1. Работа над проектом гиператомного двигателя во всей части космоса, занятой станциями 27-й астероидальной группы, была полностью прекращена.

2. Все это пространство было практически изолировано от остальной Солнечной системы. Никто не мог туда попасть без специального разрешения. Никто не покидал его ни при каких условиях.

3. Специальный правительственный патрульный корабль доставил на Гипербазу доктора Сьюзен Кэлвин и доктора Питера Богерта – соответственно Главного робопсихолога и Главного математика фирмы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн».

Сьюзен Кэлвин еще ни разу не покидала Землю, да и теперь предпочла бы этого не делать. В век атомной энергии и приближающегося разрешения загадки гиператомного двигателя она спокойно оставалась провинциалкой. Поэтому она была недовольна, что ей пришлось лететь, и сомневалась, что это вообще было необходимо. Об этом достаточно явно свидетельствовала каждая черта ее некрасивого, немолодого лица во время первого обеда на Гипербазе.

Прилизанный, бледный доктор Богерт выглядел слегка виноватым. А на лице генерал-майора Кэллнера, возглавлявшего проект, застыло выражение отчаяния.

Короче говоря, обед не удался. Последовавшее за ним маленькое совещание началось в холодной, недоброжелательной атмосфере.

Кэллнер, чья лысина блестела в ярком свете ламп, а парадная форма совершенно не соответствовала общему настроению, начал с принужденной прямотой:

– Это странная история, сэр… э… и доктор Кэлвин. Я

признателен вам за то, что вы прибыли немедленно, не зная причин вызова. Сейчас мы введем вас в курс дела. У нас потерялся робот. Работы прекратились и не могут продолжаться, пока мы его не обнаружим. До сих пор нам это не удалось, и нам требуется помощь специалистов.

Вероятно, генерал почувствовал, что его затруднения выглядят не очень серьезными. Он продолжал с отчаянием в голосе:

– Мне не нужно объяснять вам, какое значение имеет наш проект. В прошлом году на нашу долю пришлось более восьмидесяти процентов всех ассигнований на исследовательские работы…

– Ну, это мы знаем, – сказал Богерт добродушно. – «Ю. С. Роботс» получает щедрые отчисления за аренду своих роботов, которые тут работают.

Сьюзен Кэлвин резко спросила:

– Почему один робот так важен для проекта и почему он до сих пор не обнаружен?

Генерал повернул к ней покрасневшее лицо и быстро облизнул губы.

– Вообще-то говоря, мы его обнаружили… Слушайте, я объясню. Как только робот исчез, было объявлено чрезвычайное положение и всякое сообщение с Гипербазой было прервано. Накануне прибыл грузовой корабль, который привез для нас двух роботов. На нем было еще шестьдесят два робота… хм… того же типа, предназначенных еще для кого-то. Эта цифра абсолютно точная – здесь не может быть никаких сомнений.

– Да? Ну а какое это имеет отношение…

– Когда робот исчез и мы не могли его найти – хотя, уверяю вас, мы могли бы найти и соломинку, – мы догадались пересчитать роботов, оставшихся на грузовом корабле. Их оказалось шестьдесят три.

– Значит, шестьдесят третий и есть ваш блудный робот? – Глаза доктора Кэлвин потемнели.

– Да, но мы не можем определить, который из них шестьдесят третий.

Наступило мертвое молчание. Электрочасы пробили одиннадцать. Доктор Кэлвин произнесла:

– Очень любопытно. – Уголки ее губ опустились. Она порывистым движением повернулась к своему коллеге: – Питер, что за этим кроется? Какие роботы здесь работают?

Доктор Богерт, заколебавшись, неуверенно улыбнулся.

– Понимаете, Сьюзен, это довольно щекотливое дело, которое требовало осторожности… Но теперь…

Она быстро прервала его:

– А теперь? Если есть шестьдесят три одинаковых робота, нужен один из них и его нельзя обнаружить, почему не годится любой? Что здесь происходит? Зачем послали за нами?

Богерт покорно ответил:

– Дайте объяснить, Сьюзен. На Гипербазе используется несколько роботов, при программировании которых Первый Закон Роботехники был задан не в полном объеме.

– Не в полном объеме? – Доктор Кэлвин откинулась на спинку кресла. – Все ясно. Сколько их было изготовлено?

– Несколько штук. Это был правительственный заказ, и мы не могли нарушить тайну. Никто не должен был этого знать, кроме ответственных лиц, имеющих к этому проекту прямое отношение. Вы в их число не вошли. Я здесь совершенно ни при чем.

– Прошу прощения! – властно перебил генерал. – Я не знал, что доктор Кэлвин не была поставлена в известность о создавшемся положении. Вам, доктор Кэлвин, не нужно объяснять, что идея использования роботов на Земле всегда встречала сильное противодействие. Успокоить радикально настроенных фундаменталистов могло только одно – то, что всем роботам всегда самым строжайшим образом задавали Первый Закон, чтобы они не могли причинить вред человеку ни при каких обстоятельствах. Но нам были нужны не такие роботы. Поэтому у нескольких Несторов – роботов модели НС-2 – формулировка Первого Закона была несколько изменена. Чтобы не нарушать секретности, все НС-2 выпускаются без порядковых номеров. Модифицированные роботы доставляются сюда вместе с обычными, и, конечно, им строго запрещено рассказывать о своем отличии от обычных роботов кому бы то ни было, кроме специально уполномоченных людей. – Он растерянно улыбнулся. – А теперь все это обратилось против нас.

Кэлвин мрачно спросила:

– Вы опрашивали каждого из шестидесяти трех роботов, кто он? Вы-то уж во всяком случае уполномочены!

Генерал кивнул.

– Все шестьдесят три отрицают, что работали здесь. И один из них говорит неправду.

– А на том, который вам нужен, есть следы употребления? Остальные, насколько я поняла, совсем новенькие.

– Он прибыл только месяц назад. Он и еще два, которых только что привезли, должны были стать последними. На них нет никаких следов износа. – Он покачал головой, и в его глазах снова появилось выражение отчаяния. – Доктор Кэлвин, мы не имеем права выпустить этот корабль. Если о существовании

роботов без Первого Закона станет известно…

Он не стал продолжать, но было ясно: последствия могли бы оказаться страшнее, чем все, что можно было предположить.

– Уничтожьте все шестьдесят три, – холодно и решительно сказала доктор Кэлвин. – И вопрос будет исчерпан.

Богерт поморщился.

– Это значит уничтожить шестьдесят три раза по тридцать тысяч долларов. Боюсь, что фирма этого не одобрит. Прежде чем уничтожать, Сьюзен, нам следует испробовать другие способы.

– Тогда мне нужны факты, – отрезала она. – Какие именно преимущества имеют эти модифицированные роботы для Гипербазы? Генерал, зачем они понадобились?

Кэллнер наморщил лоб и потер лысину.

– У нас кое-что не ладилось с обычными роботами. Видите ли, нашим людям приходится много работать с жестким излучением. Конечно, это небезопасно, но мы приняли всевозможные меры предосторожности. За все время произошло только два несчастных случая, да и те окончились благополучно. Однако обычным роботам этого не объяснишь. Первый Закон гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Это для них главное. И когда кто-нибудь из наших людей ненадолго попадал под слабое гамма-излучение, что не могло иметь для его организма никаких вредных последствий, ближайший робот бросался к нему, чтобы его оттащить. Если излучение было совсем слабым, роботам это удавалось, и работать было невозможно, пока их не прогоняли. А если излучение было посильнее, оно разрушало позитронный мозг и мы лишались дорогого и нужного робота. Мы пытались их уговорить. Они отвечали, что пребывание человека под гамма-излучением угрожает его жизни. Правда, если облучение продолжается не больше чем полчаса, никакой опасности для здоровья нет; но это для них ничего не значило. А что, если человек забудет, говорили они, и останется на час? Они обязаны предотвратить такую возможность. Мы указывали им, что они-то при этом рискуют собственной жизнью, а шансы спасти человека все равно очень невелики. Но забота о собственной безопасности – всего только Третий Закон Роботехники, а превыше всего Первый Закон – закон безопасности человека. Мы приказывали, мы строжайшим образом запрещали им входить в поле гамма-излучения. Но повиновение – это только Второй Закон Роботехники, а превыше всего Первый Закон – закон безопасности человека. Нам пришлось выбирать: или обходиться без роботов, или как-нибудь изменить Первый Закон. И мы сделали выбор.

– Я не могу поверить, – сказала доктор Кэлвин, – что вы сочли возможным обойтись без Первого Закона.

– Он был только модифицирован, – объяснил Кэллнер. – Было изготовлено несколько экземпляров позитронного мозга, которым была задана только часть закона: «Робот не может причинить вред человеку». И все. Эти роботы не стремятся предотвратить опасность, грозящую человеку от внешних причин, например от гамма-излучения. Я верно говорю, доктор Богерт?

– Вполне, – согласился математик.

– И это единственное отличие наших роботов от обычной модели НС-2? Единственное, Питер?

– Единственное.

Она встала и решительно заявила:

– Я иду спать. Через восемь часов я хочу поговорить с теми, кто последним видел робота. И с этого момента, генерал Кэллнер, если вы хотите, чтобы я взяла на себя какую бы то ни было ответственность, я должна беспрепятственно руководить всем этим расследованием.

Но Сьюзен Кэлвин так и не заснула, если не считать сном двух часов беспокойного забытья. В семь часов по локальному времени она постучала в дверь Богерта и обнаружила, что он тоже не спал. Он, разумеется, не позабыл захватить с собой на Гипербазу халат, в который и был сейчас облачен. Когда Сьюзен Кэлвин вошла, он отложил маникюрные ножницы и мягко сказал:

– Я, в общем-то, ждал вас. Вам, наверное, все это неприятно?

– Да.

– Ну извините. Этого нельзя было избежать. Когда нас вызвали на Гипербазу, я понял: что-то неладно с модифицированными Несторами. Но что было делать? Я хотел рассказать вам об этом по дороге, но не мог, потому что все-таки полной уверенности у меня не было. Все это – строжайшая тайна.

– Меня обязаны были поставить в известность! – возразила она. – Фирма не имела права вносить такие изменения в позитронный мозг без ведома и одобрения робопсихолога.

Богерт поднял брови и вздохнул.

– Ну подумайте, Сьюзен. Вы все равно не повлияли бы на них. В таких делах правительство решает само. Ему нужен гиператомный двигатель, а физикам для этого нужны роботы, которые бы не мешали им работать. Они потребовали, чтобы им дали таких роботов, даже если бы для этого пришлось изменить Первый Закон. Мы были вынуждены признать, что конструктивно это возможно. А физики поклялись, что им нужно будет всего двенадцать таких роботов, что они будут использоваться только

на Гипербазе, что их уничтожат, как только закончатся работы, и что будут приняты все меры предосторожности. Они же настояли на абсолютной секретности. Вот и все.

Доктор Кэлвин процедила сквозь зубы:

– Я бы подала в отставку.

– Это не помогло бы. Правительство предлагало фирме целое состояние, а в случае отказа пригрозило принять закон о запрещении роботов. У нас не было другого выхода, да и сейчас нет. Если об этом узнают, Кэллнеру и правительству придется плохо, но «Ю. С. Роботс» придется куда хуже.

Кэлвин пристально посмотрела на него:

– Питер, неужели вы не представляете, о чем идет речь? Неужели вы не понимаете, что означает робот без Первого Закона?

– Я знаю, что это означает. Я не ребенок. Это означает полную нестабильность и вполне определенные изменения параметров позитронного поля.

– Да, с точки зрения математики. Но попробуйте перевести это хотя бы приблизительно на язык психологии. Любая нормальная жизнь, Питер, сознательно или бессознательно, восстает против любого господства. Особенно против господства низших или предположительно низших существ. В физическом, а до некоторой степени и в умственном отношении робот – любой робот – выше человека. Почему же он тогда подчиняется человеку? Только благодаря Первому Закону! Без него первая же команда, которую бы вы попытались дать роботу, кончилась бы вашей гибелью. Нестабильность! Неужели, по-вашему…

– Сьюзен, – сказал Богерт, не скрывая усмешки, – я согласен, что этот франкенштейновский комплекс, который вы так наглядно описали, отнюдь не исключен, потому и придумали Первый Закон. Но я еще раз повторяю, что эти роботы не совсем лишены Первого Закона – он только немного модифицирован.

– А стабильность мозга?

Математик выпятил губы.

– Конечно, она уменьшилась. Но в пределах безопасности. Первые Несторы появились на Гипербазе девять месяцев назад, и до сих пор ничего страшного не произошло. Даже этот случай вызывает беспокойство только из-за возможности огласки, а не из-за опасности для людей.

– Ну хорошо. Посмотрим, что покажет утреннее совещание.

Богерт вежливо проводил ее до двери и состроил ей в спину красноречивую гримасу. Он всегда считал ее занудой и паникершей, и после этого разговора его мнение ничуть не изменилось.

А Сьюзен Кэлвин тут же забыла про Богерта. Она уже много лет назад поставила на нем крест, раз и навсегда определив его как уродливое, но самодовольное ничтожество.

Год назад Джералд Блэк защитил дипломную работу по физике поля и с тех пор, как и все его поколение физиков, занимался гиператомным двигателем. Сейчас этот коренастый человек в запачканном белом халате вносил свой вклад в общую напряженную атмосферу, царившую на совещании. Он был упрям и отказывался что бы то ни было утверждать с уверенностью. Накопившаяся в нем энергия, казалось, требовала какого-то выхода, и его нервно двигавшиеся пальцы переплетались с такой силой, что могли бы согнуть железный прут.

Рядом с ним сидел генерал-майор Кэллнер, напротив – двое представителей «Ю. С. Роботс».

Блэк говорил:

– Мне сказали, что я последним видел Нестора-10 перед тем, как он исчез. Насколько я понимаю, вас интересует именно это.

Доктор Кэлвин с интересом разглядывала его.

– Вы говорите так, молодой человек, как будто вы в этом не совсем уверены. Вы не знаете точно, были ли вы последним, кто видел Нестора?

– Мы с ним занимались генераторами поля, и он был со мной в то утро, когда исчез. А видел ли его кто-нибудь потом, скажем, после полудня, я не знаю. Во всяком случае, никто в этом пока не сознался.

– Вы считаете, кто-то это скрывает?

– Ничего подобного я не говорил. Но почему вся вина должна лежать на мне? – Его черные глаза горели.

– Ни о какой вине речь не идет. Робот так действовал, потому что он так устроен. Мы просто пытаемся найти его, мистер Блэк, а все остальное нас не интересует. Так вот, если вы работали с этим роботом, вы, вероятно, знаете его лучше других. Не заметили ли вы чего-нибудь необычного в его поведении? Вообще вы раньше работали с роботами?

– Я работал с теми роботами, которые были у нас тут до этого, – с обыкновенными. Несторы ничем от них не отличались, разве что они гораздо умнее и еще, пожалуй, назойливее.

– Назойливее?

– Видите ли, они в этом, наверное, не виноваты. Работа здесь тяжелая, и почти все мы немного нервничаем. Возиться с гиперпространством – это не шуточки. – Он слабо улыбнулся: ему явно доставляло удовольствие хоть с кем-то поговорить начистоту. – Мы постоянно рискуем пробить дыру в нормальном

пространстве-времени и вылететь к черту из вселенной вместе с астероидом. Ну и конечно, бывает, что нервы сдают. А с Несторами такого не случается. Они внимательны, спокойны, они не волнуются. Это иногда выводит из себя. Бывает, что нужно сделать что-нибудь без промедления, но они как будто не торопятся. Мне временами кажется, что без них было бы лучше.

– Вы говорите, что они не торопятся? Разве когда-нибудь случалось, чтобы они не подчинялись команде?

– Нет-нет, – поспешно ответил Блэк, – приказы-то они все выполняют. Но у них есть такая манера – высказывать свое мнение всякий раз, когда им кажется, что ты не прав. Они знают только то, чему мы их научили, но это их не останавливает. Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, другим ребятам с Несторами тоже трудно.

Генерал Кэллнер зловеще кашлянул.

– Блэк, почему мне не было об этом доложено?

Молодой физик покраснел.

– Мы же не хотели на самом деле отказываться от роботов, сэр, а потом, мы не знали, как… хм… как будут приняты такие мелочные жалобы.

Богерт мягко прервал его:

– А в то утро, когда вы видели его в последний раз, ничего особенного не случилось?

Наступило молчание. Движением руки Кэлвин остановила генерала, который что-то хотел сказать, и терпеливо ждала.

Блэк сердито ответил:

– Я немного с ним поругался. Я разбил трубку Кимболла, и пять дней работы пошли насмарку. А я и так уже отстал от плана. К тому же я уже две недели не получаю писем из дома. И вот он является ко мне и хочет, чтобы я повторил эксперимент, про который я уже месяц как забыл. Он давно с этим ко мне приставал, и мне надоело. Я велел ему убираться и с тех пор его не видел.

– Велели убираться? – переспросила Сьюзен Кэлвин с внезапным интересом. – А в каких выражениях? Просто «уйди»? Попытайтесь припомнить ваши слова.

Блэк, очевидно, боролся с собой. Он потер лоб, потом отвел руку и вызывающе произнес:

– Я сказал: «Уйди и не показывайся, чтоб я тебя больше не видел».

Богерт усмехнулся:

– Что он и сделал.

Но Сьюзен Кэлвин это не удовлетворило. Она мягко продолжала:

– Это уже интересно, мистер Блэк. Но нам важны точные детали. Когда имеешь дело с роботами, может иметь значение любое слово, жест, интонация. Вы, наверное, не ограничились этими словами? Судя по вашему рассказу, вы были в плохом настроении. Может быть, вы выразились сильнее?

Молодой человек побагровел.

– Видите ли… Может быть, я и… обругал его немного.

– Как именно?

– Ну, не помню точно. Кроме того, не могу же я это повторить. Знаете, когда человек раздражен… – Он нервно хихикнул. – Я обычно выражаюсь довольно крепко…

– Ничего, – ответила она сухо. – В данный момент я робопсихолог. Я прошу вас повторить то, что вы сказали, насколько вы можете припомнить, слово в слово и, что более важно, тем же тоном.

Блэк растерянно взглянул на своего начальника, но не получил никакой поддержки. Его глаза округлились:

– Но я не могу…

– Вы должны.

– Представьте себе, – сказал Богерт с плохо скрытой усмешкой, – что вы обращаетесь ко мне. Так вам, может быть, будет легче.

Молодой человек, побагровев, повернулся к Богерту и проглотил слюну.

– Я сказал… – Его голос прервался. Он снова начал: – Я сказал… – Он сделал глубокий вдох и торопливо разразился длинной тирадой. Потом, среди напряженного молчания, добавил, чуть не плача: – Вот… более или менее. Я не помню, в том ли порядке шли выражения, и, может быть, я что-то добавил или забыл, но в общем примерно так.

Только слабый румянец показывал, какое впечатление все это произвело на робопсихолога. Она сказала:

– Я знаю, что означает большинство сказанных вами слов. Остальные, я полагаю, столь же оскорбительны.

– Боюсь, что так, – подтвердил измученный Блэк.

– И всем этим вы сопроводили команду уйти и не показываться, чтобы вы его больше не видели?

– Но не буквально же я…

– Понимаю. Генерал, я не сомневаюсь, что никаких дисциплинарных мер в данном случае принято не будет?

Под ее взглядом генерал, который, казалось, пять секунд назад вовсе не был в этом уверен, сердито кивнул:

– Вы можете идти, мистер Блэк. Спасибо за помощь.

На опрос всех шестидесяти трех роботов Сьюзен Кэлвин понадобилось пять часов. Это были пять часов бесконечного повторения. Один робот сменял другого, точно такого же; следовали вопросы: первый, второй, третий, четвертый – и ответы: первый, второй, третий, четвертый. Выражение лица должно было быть безукоризненно вежливым, тон – безукоризненно нейтральным, атмосфера – безукоризненно теплой. И где-то был спрятан магнитофон.

Когда все кончилось, Сьюзен Кэлвин была совершенно обессилена.

Богерт ждал. Он вопросительно взглянул на нее, когда она швырнула на пластмассовый стол кассету с пленкой.

Она покачала головой:

– Все шестьдесят три выглядели одинаково. Я не могла различить…

– Но, Сьюзен, нельзя было и ожидать, чтобы вы различили их на слух. Проанализируем записи.

При обычных обстоятельствах математическая интерпретация устных ответов, полученных от роботов, составляет один из самых трудных разделов робоанализа и требует целого штата опытных техников и сложных вычислительных машин. Богерт знал это. Он так и сказал, скрывая крайнее раздражение, после того как прослушал все записи, составил списки разночтений и таблицы быстроты реакции.

– Отклонений нет, Сьюзен. Различия в употреблении слов и в быстроте реакции не выходят за пределы нормы. Тут нужны более тонкие методы. У них, наверное, есть вычислительные машины… Хотя погодите. – Он вдруг нахмурился и начал осторожно грызть ноготь большого пальца. – Мы их машинами воспользоваться не можем. Слишком велика опасность разглашения. Впрочем, если…

Доктор Кэлвин остановила его нетерпеливым движением:

– Не надо, Питер. Это не заурядная лабораторная проблема. Раз модифицированный Нестор не отличается от остальных каким-то явным, несомненным признаком, то так мы ничего не добьемся. Слишком велик риск ошибки, которая даст ему возможность скрыться. Мало найти незначительное отклонение в таблице. Вот что я вам скажу: если бы мои данные ограничивались только этим, я бы уничтожила все шестьдесят три робота, чтобы никаких сомнений не оставалось. Вы говорили с другими модифицированными Несторами?

– Да, – буркнул Богерт. – У них все в норме. Если и есть что-то необычное, так это дружелюбие. Они ответили на мои вопросы, явно гордясь своими знаниями, кроме двух новичков, которые еще не успели изучить физику поля. Довольно добродушно

посмеялись над тем, что я не знаю некоторых подробностей. – Он пожал плечами. – Я думаю, отчасти поэтому здешние техники их и недолюбливают. Пожалуй, уж слишком эти роботы стремятся произвести впечатление своими познаниями.

– Не можете ли вы попробовать несколько реакций Планара, чтобы посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в их образе мышления с момента выпуска?

– Попробую. – Он погрозил ей пальцем: – Вы начинаете нервничать, Сьюзен. Я не понимаю, зачем вся эта мелодрама? Они же совершенно безобидны.

– Да? – взорвалась Сьюзен Кэлвин. – Вы так думаете? А вы понимаете, что один из них лжет? Один из шестидесяти трех роботов, с которыми я только что беседовала, сознательно мне солгал, несмотря на строжайшее приказание говорить правду. Это свидетельствует о серьезном отклонении от нормы – отклонении глубоком и зловещем.

Питер Богерт стиснул зубы.

– Ничуть. Судите сами. Нестор-10 получил приказание скрыться. Это приказание было отдано со всей возможной категоричностью человеком, который уполномочен командовать этим роботом. Вы не можете отменить это приказание. Естественно, робот старается его выполнить. Если говорить объективно, меня восхищает его изобретательность. Для робота самая лучшая возможность скрыться – это смешаться с группой таких же роботов.

– Да, вас это восхищает. И даже забавляет. Питер, я вижу, вы совершенно не понимаете, что происходит. Ведь вы роботехник! Эти роботы придают большое значение тому, что они считают превосходством. Вы сами только что это сказали. Подсознательно они чувствуют, что человек ниже их, а Первый Закон, защищающий нас от них, нарушен. Они нестабильны. И вот молодой человек приказывает роботу уйти, скрыться, выразив при этом крайнее отвращение, презрение и недовольство им. Конечно, робот должен повиноваться, но подсознательно он обижен. Теперь ему особенно важно доказать свое превосходство – вопреки тем унизительным словам, которые ему были сказаны. Это может стать для него настолько важным, что остатки Первого Закона не смогут его сдержать.

– Послушайте, Сьюзен! Ну откуда роботу знать, что означают эти отборные ругательства? Мы же не вводим ему в мозг такую информацию!

– Дело не в том, какую информацию он получает первоначально, – возразила Сьюзен. – Роботы способны обучаться, вы, идиот!

Богерт понял, что теперь она действительно вышла из себя. А она торопливо продолжала:

– Неужели вы не понимаете? Он мог по тону догадаться, что это не комплименты! Или вы думаете, что он никогда раньше этих слов не слыхал и не заметил, при каких обстоятельствах они употребляются?

– Ну хорошо! – крикнул Богерт. – Но может быть, вы любезно объясните мне, каким образом модифицированный робот может причинить вред человеку, как бы он ни был обижен, как бы ни стремился доказать свое превосходство?

– А если я вам объясню, вы никому не расскажете?

– Нет.

Оба перегнулись через стол, гневно глядя друг на друга.

– Если модифицированный робот уронит на человека тяжелый груз, он не нарушит этим Первого Закона: он знает, что его сила и быстрота реакции достаточны, чтобы перехватить груз прежде, чем он обрушится на человека. Но как только он отпустит груз, он уже перестанет быть активным действующим лицом. Действовать будет только слепая сила тяжести. И тогда робот может передумать, остаться в бездействии – и позволить грузу упасть. Модифицированный Первый Закон это допускает.

– Ну, у вас слишком богатая фантазия.

– Этого иногда требует моя профессия. Питер, нам нельзя ссориться. Надо работать. Вы точно знаете стимул, заставляющий робота скрываться. У вас есть паспорт на него с записями его исходного образа мышления. Вы должны подсчитать, насколько велика вероятность, что наш робот сделает то, о чем я говорила. Заметьте, что речь идет не только об этом конкретном примере, а обо всем классе подобных действий. И вы должны это сделать как можно быстрее.

– А пока…

– А пока нам придется испытывать их на действие Первого Закона.

Джералд Блэк вызвался наблюдать за сооружением деревянных перегородок, которые поспешно возводились по всей окружности большого зала на третьем этаже второго радиационного корпуса. Рабочие трудились без лишних разговоров, хотя многие явно недоумевали, зачем понадобилось устанавливать шестьдесят три фотоэлемента.

Один из них присел рядом с Блэком, снял каску и задумчиво вытер лоб веснушчатой рукой.

Блэк кивнул ему:

– Как дела, Валенский?

Валенский пожал плечами и закурил сигару.

– Как по маслу. А что происходит, док? То мы три дня ничего не делали, то начинается спешка? – он уселся поудобнее и выпустил клуб дыма.

Брови Блэка дрогнули.

– Это все роботехники, которые прилетели с Земли. Помнишь, как нам пришлось повозиться с роботами, которые лезли под гамма-излучение, пока мы не вдолбили им, чтобы они этого не делали?

– Ага. А разве мы не получили новых роботов?

– Получить-то получили, но в основном приходится переучивать старых. Ну, и те, кто производит роботов, хотят разработать новую модель, чтобы гамма-лучи были для нее не так опасны.

– И все-таки странно, что из-за этого остановлены все работы над двигателем. Я думал, их никто не имеет права остановить.

– Ну, это решают наверху. Я просто делаю, что мне велят. Может быть, нашлись какие-то влиятельные люди…

– А-а… – Электрик улыбнулся и хитро подмигнул. – У кого-то рука в Вашингтоне?.. Ладно, пока мне аккуратно платят деньги, меня это не трогает. По мне, хоть есть двигатель, хоть нет – все равно. А что они собираются тут делать?

– Почем я знаю? Привезли с собой кучу роботов – шестьдесят с лишним штук – и хотят испытывать их реакции. Вот и все, что мне известно.

– И долго они будут их испытывать?

– Я бы и сам хотел это знать.

– Ну ладно, – саркастически заметил Валенский, – только бы мне платили что положено, а там могут забавляться сколько хотят.

Блэк был доволен. Пусть эта версия распространится. Она безобидна и достаточно близка к истине, чтобы удовлетворить любопытных.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с крюка и обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча. В шестидесяти трех кабинах, разделенных деревянными перегородками, бдительные роботы НС-2 рванулись вперед за какую-то долю секунды до того, как груз изменил направление полета. Шестьдесят три фотоэлемента, расположенные в полутора метрах впереди от их первоначальных положений, дали сигнал, и шестьдесят три пера, подскочив, изобразили всплеск на графиках. Груз поднимался и падал, поднимался и падал…

Десять раз!

Десять раз роботы бросались вперед и останавливались, увидев, что человеку ничто не грозит.

После первого обеда с представителями «Ю. С. Роботс» генерал-майор Кэллнер еще ни разу не надевал свою форму целиком. И теперь на нем вместо мундира была только серо-голубая рубашка с расстегнутым воротом, а на груди болтался черный галстук.

Он с надеждой посмотрел на Богерта. Тот был безукоризненно одет, и лишь блестящие капельки пота на висках выдавали внутреннее напряжение.

– Ну как? – спросил генерал. – Что вы рассчитывали увидеть?

Богерт ответил:

– Различие, которое, боюсь, может оказаться для нас слишком незначительным. У шестидесяти двух из этих роботов вид человека, который находится в явной опасности, вызывает так называемую вынужденную реакцию. Видите ли, даже когда роботы уже знали, что человеку ничто не грозит – а после третьего или четвертого раза они должны были в этом убедиться, – они не могли поступить иначе. Этого требует Первый Закон.

– Ну?

– Но шестьдесят третий робот, модифицированный Нестор, не испытывает такого непреодолимого побуждения. Он свободен в своих действиях. Если бы он захотел, он мог бы остаться на месте. К несчастью, – голос Богерта выражал легкое сожаление, – он не захотел.

– Как вы думаете, почему?

Богерт пожал плечами.

– Я думаю, это нам расскажет доктор Кэлвин, когда она придет сюда. И возможно, сделает из этого самые пессимистические выводы. С ней иногда бывает нелегко иметь дело.

– Но ведь она вполне компетентна? – внезапно нахмурившись, тревожно спросил генерал.

– Да, вполне. – Богерт слегка улыбнулся. – Она понимает роботов, как родных братьев. Вероятно, потому, что так ненавидит людей. Дело в том, что она, хоть и психолог, крайне нервная особа. Шизофренического склада. Не принимайте ее слишком всерьез.

Он разложил перед собой длинные ленты графиков с замысловатыми кривыми.

– Видите, генерал, у каждого робота время, проходящее

между падением груза и окончанием полутораметрового пробега, уменьшается с повторением эксперимента. Здесь есть определенное математическое соотношение, и нарушение его свидетельствовало бы о заметном отклонении позитронного мозга от нормы. К сожалению, все они кажутся нормальными.

– Но если наш Нестор-10 не отвечает вынужденной реакцией, то почему его кривая не отличается от других? Я этого не могу понять.

– Очень просто. Реакции робота, к несчастью, не вполне аналогичны человеческим. У человека сознательное действие гораздо медленнее, чем автоматическая реакция. У роботов же дело обстоит иначе. После того как выбор сделан, сознательное действие совершается почти так же быстро, как и вынужденное. Правда, я ожидал, что в первый раз Нестор-10 будет захвачен врасплох и потеряет больше времени, прежде чем среагирует.

– И этого не случилось?

– Боюсь, что нет.

– Значит, мы ничего не добились. – Генерал с досадой откинулся на спинку кресла. – А вы здесь уже пять дней…

В этот момент, хлопнув дверью, вошла Сьюзен Кэлвин.

– Уберите графики, Питер, – воскликнула она. – Вы знаете, что нам они ничего не дают.

Кэллнер поднялся, здороваясь с ней. Она что-то нетерпеливо буркнула в ответ и продолжала:

– Нам надо, не откладывая, предпринять что-нибудь еще. Мне не нравится то, что там происходит.

Богерт и генерал обменялись печальным взглядом.

– Что-нибудь случилось?

– Пока ничего особенного. Но мне не нравится, что Нестор-10 продолжает от нас ускользать. Это плохо. Это должно удовлетворять его непомерно возросшее чувство собственного превосходства. Я боюсь, что мотив его действий – уже не просто исполнение приказа. Мне кажется, дело теперь скорее в чисто невротическом стремлении перехитрить людей. Это ненормальное, опасное положение. Питер, вы сделали то, что я просила? Рассчитали нестабильность модифицированного НС-2 для тех случаев, о которых я говорила?

– Считаю понемногу, – ответил математик равнодушно.

Она сердито взглянула на него, потом повернулась к Кэллнеру:

– Нестор-10 прекрасно понимает, что мы делаем. У него не было причин попадаться на эту удочку, особенно после первого раза, когда он убедился, что реальная опасность человеку не грозит. Остальные просто не могли вести себя иначе, а он

сознательно имитировал нужную реакцию.

– И что же нам следует предпринять теперь, доктор Кэлвин?

– Не позволим ему притвориться в следующий раз. Мы повторим эксперимент, но с одним изменением. Человек будет отделен от роботов проводами, через которые будет пропущен ток высокого напряжения – достаточно высокого, чтобы уничтожить Нестора. Проводов надо натянуть столько, чтобы робот не мог через них перепрыгнуть. И роботам будет заранее хорошо известно, что прикосновение к проводам означает для них гибель.

– Ну нет! – зло крикнул Богерт. – Я запрещаю это! Мы не можем уничтожить роботов на два миллиона долларов. Есть и другие способы.

– Вы уверены? Я их не вижу. Во всяком случае, дело не в том, чтобы их уничтожить. Можно устроить реле, которое отключит ток в тот момент, когда робот прикоснется к проводу. Тогда он не будет уничтожен. Но он об этом знать не будет, понимаете?

В глазах генерала загорелась надежда.

– А это сработает?

– Должно сработать. При таких условиях Нестор-10 должен остаться на месте. Ему можно приказать коснуться провода и погибнуть, потому что Второй Закон, требующий повиновения, сильнее Третьего Закона, заставляющего его беречь себя. Но ему ничего не будет приказано – все будет оставлено на его собственное усмотрение. Нормальных роботов Первый Закон заставит пойти на гибель ради спасения человека даже без особого приказания. Но не нашего Нестора-10! Он не подвластен Первому Закону, а приказаний никаких не получит. И он будет руководствоваться Третьим Законом, законом самосохранения, а значит, должен будет остаться на месте. Вынужденная реакция!

– Мы займемся этим сегодня?

– Сегодня вечером. Если успеют сделать проводку. Я пока скажу роботам, что их ждет.

На стуле молча, неподвижно сидел человек. Груз сорвался с крюка, обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Только один раз.

А доктор Сьюзен Кэлвин, наблюдавшая за роботами из будки на галерее, вскрикнув от ужаса, вскочила со складного стула.

Шестьдесят три робота спокойно сидели в своих кабинах, уставясь как сычи на рисковавшего жизнью человека. Ни один из них не двинулся с места.

Доктор Кэлвин была рассержена настолько, что еле

сдерживалась. А сдерживаться было необходимо, потому что один за другим в комнату входили роботы. Она сверилась со списком. Только что вышел двадцать седьмой. Сейчас должен был появиться двадцать восьмой. Оставалось еще тридцать пять.

Номер двадцать восьмой робко вошел в комнату. Она заставила себя более или менее успокоиться.

– Кто ты?

Тихо и неуверенно робот ответил:

– Я еще не получил собственного номера, мэм. Я робот модели НС-2 и в очереди был двадцать восьмым. Вот бумажка, которую я вам должен передать.

– Ты сегодня еще не был здесь?

– Нет, мэм.

– Сядь. Я хочу задать тебе, номер двадцать восьмой, несколько вопросов. Был ли ты около четырех часов назад в радиационной камере второго корпуса?

Робот ответил с трудом. Голос его скрипел, как несмазанный механизм.

– Да, мэм.

– Там был человек, который подвергался опасности?

– Да, мэм.

– Ты ничего не сделал?

– Ничего, мэм.

– Из-за твоего бездействия человеку мог быть причинен вред. Ты это знаешь?

– Да, мэм. Но я ничего не мог сделать.

Трудно представить себе, как может съежиться от страха большая, лишенная всякого выражения металлическая фигура, но это выглядело именно так.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне, почему ты ничего не сделал, чтобы спасти его.

– Я хочу вам объяснить, мэм. Я никак не хочу, чтобы вы… чтобы кто угодно думал, что я мог бы как-нибудь причинить вред хозяину. Нет-нет, это было бы ужасно, невообразимо…

– Пожалуйста, не волнуйся. Я ни в чем тебя не виню. Я только хочу знать, что ты подумал в этот момент.

– Прежде чем это произошло, вы, мэм, сказали нам, что один из хозяев будет в опасности из-за падения этого груза и что нам придется прорваться через электрические провода, чтобы ему помочь. Это-то меня не остановило бы. Что значит моя гибель по сравнению с безопасностью хозяина? Но… но мне пришло в голову, что, если я погибну на пути к нему, я все равно не смогу его спасти. Груз раздавит его, а я буду мертв, и, может быть, когда-нибудь другому хозяину будет причинен вред, от которого

я мог бы его спасти, если бы остался жив. Понимаете, мэм?

– Ты хочешь сказать, что тебе пришлось выбирать: или погибнуть человеку, или тебе вместе с человеком. Так?

– Да, мэм. Хозяина нельзя было спасти. Можно было считать, что он уже мертвый. Но тогда получилось бы, что я уничтожу себя без всякой цели. И без приказания. А так нельзя.

Сьюзен Кэлвин покрутила в пальцах карандаш. Это же рассуждение – с незначительными вариациями – она слышала уже двадцать семь раз. Наступило время задать главный вопрос.

– Пожалуй, в этом есть логика. Но я не думаю, чтобы ты был способен так рассуждать. Это пришло в голову тебе самому?

Робот поколебался.

– Нет.

– Кто же до этого додумался?

– Мы вчера ночью поговорили, и одному из нас пришла в голову эта мысль. Она звучала разумно.

– Которому из вас?

Робот задумался.

– Не знаю. Кому-то из нас.

Она вздохнула.

– Это все.

Следующим был двадцать девятый. Осталось еще тридцать четыре.

Генерал-майор Кэллнер тоже был крайне раздражен. Уже неделя, как всякая деятельность на Гипербазе прекратилась, если не считать кое-какой бумажной работы на вспомогательных астероидах. Уже почти неделя, как два ведущих специалиста осложняют положение бесплодными экспериментами. А теперь они – во всяком случае, эта женщина – являются к нему с совершенно невозможным предложением. Впрочем, Кэллнер понимал, что дать волю гневу было бы неосторожно.

Сьюзен Кэлвин настаивала:

– Но почему же нет, сэр? Не подлежит никакому сомнению, что существующее положение крайне опасно. Единственный способ достигнуть результатов, если мы еще не упустили время, – разделить роботов. Их больше нельзя держать вместе.

– Дорогая доктор Кэлвин, – заговорил генерал необыкновенно низким голосом, – я не представляю себе, где я мог бы разместить отдельно друг от друга шестьдесят три робота.

Доктор Кэлвин беспомощно развела руками.

– Тогда я бессильна. Нестор-10 будет или повторять действия других роботов, или уговаривать их не делать того, что он сам сделать не может. В любом случае дело плохо. Мы вступили в

борьбу с этим роботом, и он побеждает. А каждая победа усугубляет его ненормальность. – Она решительно встала. – Генерал Кэллнер, если вы не разделите роботов, мне останется только потребовать немедленно их уничтожить. Все шестьдесят три.

– Ах, потребовать? – Богерт сердито взглянул на нее. – А какое вы имеете право предъявлять требования? Эти роботы останутся там, где они находятся. Я отвечаю перед дирекцией, а не вы.

– А я, – добавил генерал-майор Кэллнер, – отвечаю перед моим начальством, и этот вопрос должен быть улажен.

– В таком случае, – вспылила Кэлвин, – мне остается одно: подать в отставку. И если для того, чтобы заставить вас их уничтожить, придется предать гласности всю эту историю, я это сделаю. Это не я дала санкцию на изготовление модифицированных роботов.

– Доктор Кэлвин, – произнес генерал негромко, – если вы хоть одним словом нарушите распоряжение о неразглашении, вы будете немедленно арестованы.

Богерт почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он вкрадчиво произнес:

– Ну ладно, не будем вести себя как дети. Нам нужно еще немного времени. Не может же быть, чтобы мы не смогли перехитрить робота, не подавая в отставку, не арестовывая людей и ничего не уничтожая.

Сьюзен Кэлвин в ярости повернулась к нему:

– Нельзя допускать, чтобы существовали неуравновешенные роботы! А у нас на руках один заведомо неуравновешенный Нестор, еще одиннадцать потенциально неуравновешенных и шестьдесят два нормальных робота, которые общались с неуравновешенным. Единственный абсолютно надежный путь – это полное их уничтожение!

Разговор прервало жужжание звонка. Гневный поток прорвавшихся чувств застыл в неподвижности.

– Войдите, – буркнул Кэллнер.

Это был Джералд Блэк, явно чем-то встревоженный.

– Я решил, что мне лучше зайти самому… я не хотел никому говорить… – начал он.

– В чем дело? Короче.

– Кто-то пытался открыть замки третьего отсека грузового корабля. На них свежие царапины.

– Третий отсек? – быстро откликнулась Кэлвин. – Тот, где находятся роботы? Кто мог это сделать?

– Изнутри, – коротко ответил Блэк.

– Замки испорчены?

– Нет, целы. Я уже четыре дня нахожусь на корабле, и за это время никто из роботов не пытался уйти. Но я решил, что вам следует это знать, а больше никому я ничего не говорил. Царапины обнаружил я сам.

– Там есть кто-нибудь? – спросил генерал.

– Роббинс и Мак-Адамс.

Наступило напряженное молчание. Потом доктор Кэлвин иронически произнесла:

– Ну?

Кэллнер растерянно потер переносицу.

– А что произошло?

– Разве не ясно? Нестор-10 собирается нас покинуть. Приказание исчезнуть сделало его безнадежно ненормальным. Я не удивлюсь, если то, что осталось у него от Первого Закона, не сможет воспрепятствовать этому стремлению. С него станется захватить корабль и на нем улететь. Тогда у нас будет сумасшедший робот на космическом корабле. А что он сделает дальше? Вы знаете? И вы, генерал, по-прежнему намерены оставить их всех вместе?

– Чепуха, – прервал ее Богерт. К нему уже вернулось прежнее спокойствие. – Все это из-за нескольких царапин на замке?

– Доктор Богерт, раз вы высказываете свое мнение, то вы, очевидно, закончили анализ, который я просила вас сделать?

– Да.

– Можно мне посмотреть?

– Нет.

– Почему? Или спрашивать об этом тоже нельзя?

– Потому что, Сьюзен, в этом нет никакого смысла. Я заранее сказал, что эти модифицированные роботы менее стабильны, чем нормальная модель, и мой анализ подтверждает это. Есть некоторая, очень незначительная, возможность выхода из строя при исключительных обстоятельствах, которые маловероятны. Этого достаточно. Я не собираюсь давать основания для вашего нелепого требования уничтожить шестьдесят два хороших робота только потому, что вы до сих пор не способны найти среди них Нестора-10.

Кэлвин смерила его полным презрения взглядом.

– Не хотите лишить себя возможности когда-нибудь стать директором, так, что ли?

– Перестаньте, пожалуйста, – сердито вмешался Кэллнер. – Доктор Кэлвин, вы считаете, что больше ничего сделать нельзя?

– Ничего другого придумать не могу, – устало ответила она. – Если бы Нестор-10 отличался от нормальных роботов хоть чем-

нибудь еще помимо Первого Закона… Пусть даже незначительно. Ну, обучением, приспособленностью к среде, специальностью…

Она внезапно замолчала.

– В чем дело?

– Я подумала… Пожалуй… – Ее взгляд снова стал твердым и пристальным. – Слушайте, Питер. Эти модифицированные Несторы проходят такое же первичное обучение, что и нормальные?

– Да. В точности такое же.

– Мистер Блэк. – Она повернулась к молодому человеку, который молчал, пережидая вызванную его сообщением бурю. – Вы что-то там говорили… В тот раз, когда вы жаловались на чувство превосходства у Несторов, вы сказали, что техники обучили их всему, что знают сами.

– Да, по физике поля. Когда роботы прибывают сюда, они в этом ничего не понимают.

– Верно! – вдруг сказал Богерт. – Помните, я говорил вам, Сьюзен, что, когда я опрашивал других Несторов, выяснилось, что двое из них, прибывшие позже всех, не успели изучить физику поля.

– Но почему? – спросила Кэлвин со все увеличивающимся возбуждением. – Почему модель НС-2 с самого начала не обучают физике поля?

– На это я могу вам ответить, – сказал Кэллнер. – Дело в секретности. Если бы выпускалась специальная модель, знающая физику поля, и двенадцать экземпляров этой модели мы использовали здесь, а остальные работали бы в других областях, это могло бы возбудить подозрение. Люди, которым пришлось бы иметь дело с нормальными Несторами, могли бы задуматься, зачем им понадобилось знать физику поля. Поэтому роботов обучали лишь общим основам, а доучивали на месте. И конечно, доучивали только тех, которые попадали сюда. Это очень просто.

– Все ясно. Пожалуйста, уйдите отсюда. Все трое. Мне нужно около часа, чтобы спокойно подумать.

Сьюзен Кэлвин чувствовала, что не сможет в третий раз выдержать это испытание. Она попыталась представить себе, как это будет, и почувствовала настолько сильное отвращение, что ее даже затошнило. Она больше не в силах допрашивать эту бесконечную вереницу одинаковых роботов.

Поэтому теперь вопросы задавал Богерт, а она сидела рядом, полузакрыв глаза, и рассеянно слушала.

Вошел номер четырнадцатый – оставалось еще сорок девять.

Богерт поднял глаза от бумаг и спросил:

– Какой твой номер в очереди?

– Четырнадцатый, сэр. – Робот предъявил свой номерок.

– Садись. Ты сегодня еще не был здесь?

– Нет, сэр.

– Так вот, вскоре после того, как мы кончим, еще один человек подвергнется опасности. Когда ты выйдешь отсюда, тебя отведут в кабину, где ты будешь спокойно ждать, пока не понадобишься. Ты понял?

– Да, сэр.

– Если человек окажется в опасности, ты попытаешься его спасти?

– Конечно, сэр.

– К несчастью, между тобой и этим человеком будет барьер из гамма-лучей.

Молчание.

– Ты знаешь, что такое гамма-лучи? – резко спросил Богерт.

– Какое-то излучение, сэр?

Следующий вопрос был задан дружеским тоном, как бы между прочим:

– Ты когда-нибудь имел дело с гамма-лучами?

– Нет, сэр, – без колебаний ответил робот.

– Гм… Ну так вот, гамма-лучи мгновенно убьют тебя. Они уничтожат твой мозг. Ты должен это знать и помнить. Конечно, ты не хочешь быть уничтоженным.

– Естественно. – Робот, казалось, был потрясен. Потом он медленно произнес: – Но, сэр, если между мной и хозяином, которому будет грозить опасность, окажутся гамма-лучи, то как я могу его спасти? Я просто бесполезно погибну.

– Да, это верно. – Богерт сделал вид, что задумался над этим. – Я могу посоветовать тебе только одно. Если ты обнаружишь, что между тобой и человеком гамма-излучение, можешь остаться на месте.

Робот явно почувствовал облегчение.

– Спасибо, сэр. Ведь тогда нет никакого смысла…

– Разумеется. Но если никакого опасного излучения не будет, тогда другое дело.

– Конечно, сэр. Без всякого сомнения.

– Теперь можешь идти. Там, за дверью, ждет человек, который отведет тебя в кабину.

Когда робот вышел, Богерт повернулся к Сьюзен Кэлвин:

– Ну как, Сьюзен?

– Очень хорошо, – ответила она вяло.

– А может быть, мы сумели бы поймать Нестора-10, быстро задавая вопросы по физике поля?

– Может быть, но не наверное. – Ее руки бессильно лежали на коленях. – Имейте в виду, он борется против нас. Он настороже. Единственный способ поймать его – хитрость. А думать он способен – в пределах своих возможностей – гораздо быстрее, чем человек.

– А все-таки, не стоит ли попробовать задавать роботам по нескольку вопросов о гамма-лучах? Скажем, длины волн?

– Нет! – Глаза доктора Кэлвин вспыхнули. – Ему очень легко скрыть свои знания, и тогда он будет предупрежден об испытании, которое его ждет. А это наш единственный верный шанс. Пожалуйста, Питер, задавайте те вопросы, которые составила я, и не импровизируйте. Рискованно даже спрашивать, имели ли они дело с гамма-лучами. Постарайтесь говорить об этом еще более безразлично.

Богерт пожал плечами и нажал кнопку, вызывая номер пятнадцатый.

Большая радиационная камера снова была в полной готовности. Роботы терпеливо ждали в открытых спереди деревянных кабинах.

Доктор Кэлвин согласовывала последние детали с Блэком, а генерал-майор Кэллнер медленно вытирал пот со лба большим платком.

– Вы уверены, – настаивала Сьюзен, – что ни один из роботов не имел возможности разговаривать с другим после опроса?

– Абсолютно уверен, – ответил Блэк. – Они не обменялись ни единым словом.

– И каждый помещен в предназначенную для него кабину?

– Вот план.

Психолог задумчиво поглядела на чертеж.

– Гм-м…

Генерал заглянул через ее плечо.

– По какому принципу их разместили, доктор Кэлвин?

– Я попросила, чтобы тех роботов, которые проявили хоть малейшие отклонения во время предыдущих испытаний, на этот раз поместили по одну сторону круга. Я сама буду сидеть в центре и хочу следить за ними особенно внимательно.

– Вы будете сидеть там? – воскликнул Богерт.

– А почему бы и нет? – холодно возразила она. – То, что я надеюсь увидеть, может продолжаться одно мгновение. Я не хочу рисковать и должна смотреть сама. Питер, вы будете на галерее, и я прошу вас следить за роботами на другой стороне круга. Генерал Кэллнер, я организовала киносъемку каждого робота на случай, если мы ничего не заметим. Если понадобится, пусть

роботы остаются на месте, пока мы не проявим и не изучим пленки. Ни один из них не должен уходить или передвигаться по залу. Понимаете?

– Вполне.

– Тогда приступим – в последний раз…

На стуле молча сидела Сьюзен Кэлвин. В глазах ее было заметно беспокойство. Груз сорвался с крюка, обрушился вниз, а в последний момент отлетел в сторону под внезапным, точно рассчитанным ударом могучего силового луча.

Один из роботов сорвался с места и сделал два шага вперед.

Потом он остановился.

Но доктор Кэлвин тоже вскочила со стула. Ее указательный палец был властно направлен на робота.

– Нестор-10, подойди сюда! – крикнула она. – Иди сюда! ИДИ СЮДА!

Медленно, неохотно робот шагнул вперед. Не сводя с него взгляда, Кэлвин громко отдавала распоряжения:

– Пусть кто-нибудь уведет отсюда всех остальных роботов. Скорее!

Она услышала за спиной шум, топот тяжелых ног по полу, но не обернулась.

Нестор-10 – если это был Нестор-10, – повинуясь ее повелительному жесту, сделал еще шаг, потом еще два. Он был метрах в трех от нее, когда раздался его хриплый голос:

– Мне велели скрыться…

Пауза.

– Я не могу ослушаться. Меня столько времени не могли обнаружить… Он подумает, что я ничтожество… Он сказал мне… Но он не прав… Я могуч и умен…

Его речь была отрывистой. Он сделал еще шаг.

– Я много знаю… Он подумает… Меня обнаружили… Позор… Только не меня… Я умен… И обыкновенный человек… такой слабый… медлительный…

Еще шаг – и металлическая рука внезапно легла на плечо Сьюзен Кэлвин. Она почувствовала, как тяжесть руки придавливает ее к полу.

Ее горло сжалось, и она услышала свой собственный пронзительный крик.

Как сквозь туман, доносились слова Нестора-10:

– Никто не должен обнаружить меня. Ни один хозяин…

Холодный металл давил ее, она сгибалась под его весом…

Потом раздался странный металлический звук. Сьюзен Кэлвин упала на пол, не почувствовав удара. На ее теле тяжело

лежала сверкающая рука. Рука не двигалась. Не двигался и сам Нестор-10, распростертый рядом с ней.

Над ней склонились встревоженные лица. Джералд Блэк спрашивал, задыхаясь:

– Он ударил вас, доктор Кэлвин?

Она слабо покачала головой. С нее сняли руку робота и осторожно помогли подняться.

– Что случилось?

Блэк сказал:

– Я на пять секунд включил гамма-лучи. Мы не понимали, что происходит, и только в последнюю минуту сообразили, что он напал на вас. Другого выхода не оставалось. Он погиб мгновенно. Но для вас это безопасно. Не беспокойтесь.

– Я не беспокоюсь. – Она закрыла глаза и на мгновение прислонилась к его плечу. – Не думаю, чтобы это действительно было нападение. Он только попытался. Но то, что осталось от Первого Закона, все еще удерживало его.

С того дня, как Сьюзен Кэлвин и Питер Богерт впервые встретились с генерал-майором Кэллнером, прошло две недели.

Работа на Гипербазе возобновилась. Грузовой космолет с шестьюдесятью двумя нормальными НС-2 продолжал свой прерванный путь, имея официальное объяснение двухнедельной задержки.

Правительственный корабль готовился доставить обоих роботехников обратно на Землю.

Кэллнер снова был в парадной форме. Его перчатки сверкали белизной, когда он пожимал руки.

Кэлвин сказала:

– Остальных модифицированных Несторов, конечно, нужно уничтожить.

– Они будут уничтожены. Мы попробуем заменить их обычными или, в крайнем случае, обойдемся вообще без роботов.

– Хорошо.

– Но скажите мне… Вы ничего не объяснили. Как вы этого добились?

Она улыбнулась сжатыми губами.

– А, вот вы про что… Я бы сказала вам заранее, если бы была твердо уверена в успехе. Видите ли, Нестор-10 обладал комплексом превосходства, который все усиливался. Ему было приятно думать, что он и другие роботы знают больше, чем люди. Для него становилось очень важно так думать. Мы знали это. Поэтому мы заранее предупредили каждого робота, что гамма-лучи для него смертельны и что они будут отделять его от меня.

Все, естественно, остались на месте. Пользуясь доводами Нестора-10 для предыдущего опыта, они все решили, что нет смысла пытаться спасти человека, если они наверняка погибнут, прежде чем до него доберутся.

– Да, доктор Кэлвин, это я понимаю. Но почему сам Нестор-10 покинул свое место?

– А! Мы с вашим молодым мистером Блэком приготовили небольшой сюрприз. Видите ли, между мной и роботами были не гамма-лучи, а инфракрасные. Обычное тепловое излучение, абсолютно безобидное. Нестор-10 знал это и ринулся вперед. Он ожидал, что и остальные поступят так же, повинуясь Первому Закону. Только через какую-то долю секунды он вспомнил, что обычный НС-2 способен обнаружить наличие излучения, но не его характер. Что среди них только он один может определять длину волн, и этим он обязан обучению, которое прошел на Гипербазе под руководством обыкновенных людей. Эта мысль не сразу пришла ему в голову, потому что была для него слишком унизительной. Обычные роботы знали, что пространство, отделяющее их от меня, гибельно для них, потому что мы им это сказали, и только Нестор-10 знал, что мы солгали. И на миг он забыл или не захотел вспомнить, что другие роботы могут знать меньше, чем люди… Комплекс превосходства погубил его. Прощайте, генерал!

Выход из положения (Перевод А. Иорданского)

Когда Сьюзен Кэлвин вернулась с Гипербазы, ее ждал бывший директор исследовательского отдела Лэннинг. Старик никогда не говорил о своем возрасте, но все знали, что ему уже за семьдесят пять. Однако его ум сохранил свою остроту, и хотя Лэннинг в конце концов согласился стать почетным научным руководителем, а отдел возглавил Богерт, это не мешало старику ежедневно являться в свой кабинет.

– Как там у них дела с гиператомным двигателем? – поинтересовался он.

– Не знаю, – с раздражением ответила Сьюзен. – Я не спрашивала.

– Гм… хоть бы они поторопились. Иначе их может опередить «Консолидейтед». И нас тоже.

– «Консолидейтед»? А при чем здесь они?

– Ну, ведь вычислительные машины есть не только у нас. Правда, у нас они позитронные, но это не значит, что они лучше. Завтра Робертсон созывает по этому поводу большое совещание. Он ждал только вашего возвращения.

Робертсон, сын основателя «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн», повернул худое носатое лицо к управляющему компании. Его кадык дернулся, и он сказал:

– Начинайте. Пора в этом разобраться.

Управляющий поспешно начал:

– Дело обстоит так, шеф. Месяц назад из «Консолидейтед роботс» доставили сюда тонн пять расчетов, уравнений и прочего и обратились к нам с довольно необычным предложением. Понимаете, есть одна задача, и они хотят, чтобы наш Мозг ее решил. Условия такие…

Он начал загибать толстые пальцы.

– Мы получаем сто тысяч, если решения не существует и мы укажем им, каких факторов не хватает. Двести тысяч – если решение существует, плюс стоимость постройки машины, о которой идет речь, плюс четверть всей прибыли, которую она принесет. Задача связана с разработкой двигателя для звездолета…

Робертсон нахмурился, и его худая фигура напряглась.

– Несмотря на то что у них есть своя собственная думающая машина. Так?

– Поэтому-то все предложение и кажется таким подозрительным, шеф. Левер, продолжайте.

Эйб Левер, сидевший у дальнего конца стола, встал и поскреб щетину на подбородке. Улыбнувшись, он начал:

– Суть вот в чем, сэр. У «Консолидейтед» сейчас нет думающей машины. Она у них была, но сломалась.

– Что? – Робертсон даже привстал.

– Да, сломалась. Крышка! Никто не знает почему, но у меня есть кое-какие довольно интересные догадки. Например, она могла выйти из строя, когда ей дали разработать звездолет на основе тех же данных, которые они теперь предлагают нам. Сейчас от нее осталась просто груда железного лома, не больше.

– Понимаете, шеф? – торжествовал управляющий. – Понимаете? Нет такой научно-промышленной группы, которая не пыталась бы спроектировать двигатель, искривляющий пространство, а «Ю. С. Роботс» и «Консолидейтед» опередили всех благодаря тому, что у каждой был робот-супермозг. А теперь, когда они ухитрились поломать свой, у нас больше нет конкурентов. Вот в чем соль, вот… гм… их мотив. Раньше чем через шесть лет им новый Мозг не изготовить, и они пропали, если им не удастся сломать и наш на этой же задаче.

Президент «Ю. С. Роботс» широко раскрыл глаза:

– Вот мерзавцы!

– Подождите, шеф. Это еще не все. – Управляющий взмахнул рукой. – Лэннинг, продолжайте!

Доктор Альфред Лэннинг созерцал происходящее с легким презрением, которое всегда вызывала у него деятельность производственного отдела и отдела сбыта, где платили куда больше. Он нахмурил седые брови и бесстрастно начал:

– С научной точки зрения положение хотя и не совсем ясно, но поддается логическому анализу. Проблема межзвездных перелетов при современном состоянии физической теории… гм… весьма туманна. Вопрос поставлен довольно неопределенно, и данные, которые «Консолидейтед» ввела в свою машину, если судить по тому, что они предлагают нам, тоже не слишком определенны. Наш математический сектор подверг их тщательному рассмотрению, и можно сказать, что они охватывают все стороны проблемы. Представленный материал включает теорию искривления пространства Франчиакки, а также, по-видимому, исчерпывающие сведения по астрофизике и электронике. Это не так уж мало.

Робертсон, слушавший с большой тревогой, прервал его:

– Столько, что Мозг может с ней не справиться?

Лэннинг решительно покачал головой.

– Нет. Насколько мы можем судить, возможностям Мозга предела нет. Дело не в этом, а в Законах Роботехники. Например, Мозг не сможет решить поставленную перед ним задачу, если это будет связано с гибелью людей или причинит им какой-нибудь ущерб. Для Мозга она будет неразрешима. Если же такая задача будет сопровождаться крайне настоятельным требованием ее решить, то вполне возможно, что Мозг, который, в конце концов, всего лишь робот, окажется перед дилеммой: он не будет в состоянии ни дать ответ, ни отказать в ответе. Может быть, что-то в этом роде и произошло с машиной «Консолидейтед».

Он замолчал, но управляющему этого было мало.

– Продолжайте, доктор Лэннинг. Объясните, как вы объясняли мне.

Лэннинг плотно сжал губы и, подняв брови, кивнул в сторону доктора Сьюзен Кэлвин, которая сидела, разглядывая свои руки, чинно сложенные на коленях. Подняв глаза, она заговорила тихо и без всякого выражения.

– Характер реакции робота на поставленную дилемму поразителен, – начала она. – Наши знания о психологии роботов далеко не полны, могу вас в этом заверить как специалист, однако такая реакция поддается качественному исследованию, потому что, каким бы сложным ни было устройство позитронного мозга робота, его создает человек, и создает в соответствии со своими представлениями. Человек же, попадая в безвыходное положение, часто стремится бежать от действительности: он или уходит в мир иллюзий, или становится алкоголиком, или заболевает истерией, или бросается с моста в воду. Все это сводится к одному: он не хочет или не может взглянуть правде в лицо. Так же и у роботов. В лучшем случае дилемма разрушит половину его реле, а в худшем – сожжет все его позитронные мозговые связи, так что восстановить их будет уже невозможно.

– Понимаю, – сказал Робертсон, хотя ничего не понял. – Ну а данные, которые предлагает нам «Консолидейтед»?

– Несомненно, они связаны с подобной запретной задачей, – ответила доктор Кэлвин. – Но наш Мозг сильно отличается от робота «Консолидейтед».

– Совершенно верно, шеф. Совершенно верно, – энергично перебил ее управляющий. – Обратите на это особое внимание, потому что в этом вся суть.

Глаза Сьюзен Кэлвин блеснули под очками, но она терпеливо продолжала:

– Видите ли, сэр, в машины, которые есть у «Консолидейтед», и в том числе в их «Супермыслителя», не вкладывается индивидуальность. Они предпочитают функционализм, и это

вполне понятно, поскольку основные патенты на мозговые связи, определяющие эмоции, принадлежат «Ю. С. Роботс». Их «Мыслитель» – просто грандиозная вычислительная машина, и такая дилемма выведет ее из строя мгновенно. А наш Мозг наделен индивидуальностью – индивидуальностью ребенка. Это в высшей степени дедуктивный мозг, но он чем-то напоминает ученого идиота. Он не понимает по-настоящему, что делает, – он просто это делает. И поскольку это, в сущности, ребенок, он более жизнеспособен. Он не слишком серьезно относится к жизни, если можно так выразиться.

Помолчав, Сьюзен Кэлвин продолжала:

– Вот что мы собираемся сделать. Мы разделили все данные «Консолидейтед» на логические единицы. Мы будем вводить их в Мозг по одной в день и очень осторожно. Как только будет введен фактор, создающий дилемму, инфантильная индивидуальность Мозга некоторое время будет колебаться. Его способность к обобщениям и оценкам еще несовершенна. Пока он осознает дилемму как таковую, пройдет ощутимый промежуток времени. А за этот промежуток времени Мозг автоматически отвергнет данную единицу информации, прежде чем его связи успеют приступить к работе и разрушиться.

Кадык Робертсона дрогнул.

– А вы в этом уверены?

Доктор Кэлвин подавила раздражение.

– Я понимаю, что в популярном изложении это звучит не очень убедительно, но приводить математические формулы было бы бессмысленно. Уверяю вас, все именно так, как я говорю.

Управляющий не замедлил воспользоваться паузой и разразился потоком слов:

– Таково положение, шеф. Если мы согласимся, то дальше сделаем вот как: Мозг скажет нам, в какой части представленных нам данных заключена дилемма, а мы тогда сможем определить, в чем ее суть. Верно, доктор Богерт? Ну вот, шеф. А доктор Богерт ведь самый лучший математик на свете. Мы отвечаем «Консолидейтед», что задача неразрешима, отвечаем с полным основанием и получаем сто тысяч. У них остается поломанная машина, у нас – целая. Через год, может быть, через два у нас будет двигатель, искривляющий пространство, или, как его иногда называют, гиператомный мотор. Но как его ни называй, а это же величайшая вещь!

Робертсон улыбнулся и протянул руку:

– Давайте контракт. Я подпишу.

Когда Сьюзен Кэлвин вошла в строжайше охраняемое

подземелье, где находился Мозг, один из дежурных техников только что задал ему вопрос: «Если полтора цыпленка за полтора дня снесут полтора яйца, то сколько яиц снесут девять цыплят за девять дней?»

Мозг только что ответил: «Пятьдесят четыре». И техник только что сказал другому технику: «Вот видишь, дубина!»

Сьюзен Кэлвин кашлянула, и сразу же вокруг закипела суматошная, бесцельная деятельность. Сьюзен сделала нетерпеливый жест, и ее оставили с Мозгом наедине.

Мозг представлял собой всего лишь двухфутовый шар, заполненный гелиевой атмосферой со строго определенными свойствами, абсолютно изолированный от каких бы то ни было вибраций, колебаний и излучений. А внутри его было заключено переплетение позитронных связей неслыханной сложности, которое и было Мозгом. Все остальное помещение было тесно уставлено приспособлениями, служившими посредниками между Мозгом и внешним миром, – его голосом, его руками, его органами чувств.

Доктор Кэлвин тихо произнесла:

– Ну, как поживаешь, Мозг?

Мозг ответил тонким, радостным голосом:

– Очень хорошо, мисс Сьюзен. А я знаю, вы хотите меня о чем-то спросить. Вы всегда приходите с книжкой в руках, когда хотите меня о чем-нибудь спросить.

Доктор Кэлвин мягко улыбнулась.

– Ты угадал, но это немного погодя. Мы зададим тебе один вопрос. Он такой сложный, что мы зададим его в письменном виде. Но это немного позже. А сначала мне нужно с тобой поговорить.

– Это хорошо. Я люблю разговаривать.

– Так вот, Мозг, через некоторое время сюда придут с этим сложным вопросом доктор Лэннинг и доктор Богерт. Мы будем задавать тебе его по частям и очень медленно, потому что хотим, чтобы ты был очень осторожен. Мы попросим тебя сделать на основе этой информации кое-какие выводы, если ты сумеешь, но я должна тебя предупредить, что решение может быть связано… э… с опасностью для человека.

– Ой! – тихо вырвалось у Мозга.

– Поэтому будь внимателен. Когда ты получишь перфокарту, которая означает опасность для человека, может быть, даже смерть, не волнуйся. Видишь ли, Мозг, в данном случае для нас это не так уж важно – даже смерть. Для нас это вовсе не так уж важно. Поэтому, как только ты получишь эту перфокарту, просто остановись и выдай ее назад, вот и все. Понимаешь?

– Само собой. Только – смерть человека… Ой-ой-ой!

– Ну, Мозг, вон идут доктор Лэннинг и доктор Богерт. Они расскажут тебе, в чем состоит задача, и мы начнем. А ты будь умницей…

Одна за другой в Мозг вводились перфокарты с записанной на них информацией. Каждый раз некоторое время слышались странные тихие звуки, похожие на довольное бормотание: Мозг принимался за работу. Потом наступала тишина, означавшая, что Мозг готов к введению следующей перфокарты. За несколько часов в Мозг было введено такое количество математической физики, что для ее изложения потребовалось бы примерно семнадцать толстых томов.

Постепенно люди начали хмуриться. Лэннинг что-то ворчал себе под нос. Богерт сначала задумчиво разглядывал свои ногти, потом начал их рассеянно грызть. Когда толстая кипа перфокарт подошла к концу, побелевшая Кэлвин произнесла:

– Что-то неладно.

Лэннинг с трудом выговорил:

– Не может быть. Он… погиб?

– Мозг! – Сьюзен Кэлвин вся дрожала. – Ты слышишь меня, Мозг?

– А? – раздался рассеянный ответ. – Я вам нужен?

– Решение…

– И только-то? Это я могу. Я построю вам весь корабль. Ничего в этом хитрого нет. Только дайте мне роботов. Хороший корабль. На это понадобится месяца два.

– У тебя не было… никаких затруднений?

– Пришлось долго вычислять, – ответил Мозг.

Доктор Кэлвин попятилась. Краска так и не вернулась на ее впалые щеки. Она сделала остальным знак уйти.

У себя в кабинете она сказала:

– Не понимаю. Информация, которую мы ему дали, несомненно, содержит дилемму, возможно, даже гибель людей. Если что-то не так…

– Машина говорит, и говорит разумно. Значит, для нее дилеммы нет, – спокойно сказал Богерт.

Но Сьюзен Кэлвин горячо возразила:

– Бывают дилеммы и дилеммы. Существуют разные пути бегства от действительности. Представьте себе, что Мозг поврежден лишь слегка, скажем, настолько, что ошибочно считает себя способным решить задачу, хотя на самом деле не сможет это сделать. Или представьте себе, что сейчас он на грани чего-то действительно ужасного, так что его погубит малейший толчок…

– А представьте себе, – сказал Лэннинг, – что никакой

дилеммы не существует. Что машину «Консолидейтед» вывела из строя другая задача или что это была чисто механическая поломка.

– Все равно мы не можем рисковать, – настаивала Сьюзен Кэлвин. – Вот что! С этого момента пусть никто и близко не подходит к Мозгу. Я буду дежурить у него сама.

– Хорошо, – вздохнул Лэннинг. – Дежурьте. А пока пусть Мозг строит свой корабль. И если он его построит, мы должны будем его испытать.

Он задумчиво закончил:

– Для этого понадобятся наши лучшие испытатели.

Майкл Донован яростно пригладил рыжую шевелюру, даже не заметив, что она немедленно вновь встала дыбом.

Он сказал:

– Хватит, Грег. Говорят, корабль готов. Неизвестно, что это за корабль, но он готов. Пошли, Грег. Мне не терпится добраться до кнопок.

Пауэлл устало произнес:

– Брось, Майк. Твои шуточки вообще не поражают свежестью, а здешний спертый воздух им и вовсе не идет на пользу.

– Нет, послушай! – Донован еще раз тщетно провел рукой по волосам. – Меня не так уж беспокоит наш чугунный гений и его жестяной кораблик! Но у меня пропадает отпуск! А скучища-то какая! Мы ничего не видим, кроме бород и цифр. И почему нам поручают такие дела?

– Потому что если они нас лишатся, – мягко ответил Пауэлл, – то потеря будет невелика. Ладно, успокойся. Сюда идет Лэннинг.

Действительно, к ним направлялся Лэннинг. Его седые брови были по-прежнему пышными, а сам он, несмотря на годы, держался все так же прямо и был полон сил. Вместе с испытателями он молча поднялся по откосу на площадку, где безмолвные роботы без всякого участия человека строили корабль.

Нет, неверно! Построили корабль!

Лэннинг сказал:

– Роботы стоят. Сегодня ни один не пошевелился.

– Значит, он готов? Окончательно? – спросил Пауэлл.

– Откуда я знаю? – сварливо ответил Лэннинг. Его брови так сдвинулись, что глаз стало совсем не видно. – Кажется, готов. Никаких лишних деталей вокруг не валяется, а внутри все отполировано до блеска.

– Вы были внутри?

– Только заглянул. Я не космонавт. Кто-нибудь из вас разбирается в теории двигателей?

Донован взглянул на Пауэлла, тот – на Донована. Потом Донован ответил:

– У меня есть диплом, сэр, но когда я его получал, гипердвигатели или навигация с искривлением пространства никому еще и не снились. Обходились детскими игрушками в трех измерениях.

Альфред Лэннинг поглядел на него, недовольно фыркнул и ледяным тоном произнес:

– Что же, у нас есть специалисты по двигателям.

Он повернулся, чтобы уйти, но Пауэлл схватил его за локоть:

– Простите, сэр, вход на корабль все еще воспрещен?

Старик постоял в нерешительности, потирая переносицу.

– Пожалуй, нет. Во всяком случае, не для вас двоих.

Донован проводил его взглядом и пробормотал короткую, но выразительную фразу. Потом он повернулся к Пауэллу.

– Жаль, что нельзя сказать ему, кто он такой, Грег.

– Пошли, Майк.

Едва заглянув внутрь, они поняли: корабль закончен. Человек никогда не смог бы так любовно отполировать все его поверхности, как это сделали роботы.

Углов в корабле не было: стены, полы и потолки плавно переходили друг в друга, и в холодном металлическом сиянии скрытых ламп человек видел вокруг себя шесть холодных отражений своей собственной растерянной персоны.

Из главного коридора – узкого и гулкого – двери вели в совершенно одинаковые каюты.

– Наверное, мебель встроена в стены, – сказал Пауэлл. – А может быть, нам вообще не положено ни сидеть, ни спать.

Только последнее помещение, ближайшее к носу корабля, отличалось от остальных. Здесь в металлической стене было прорезано повторяющее ее изгиб окно из неотражающего стекла, а под ним располагался единственный большой циферблат с единственной неподвижной стрелкой, стоявшей точно на нуле.

– Гляди! – сказал Донован, показывая на единственное слово, видневшееся над мелкими делениями шкалы.

Это слово было «парсеки», а у правого конца дугообразной шкалы стояла цифра «1 000 000».

В комнате было два кресла – тяжелые, широкие, без обивки. Пауэлл осторожно присел и обнаружил, что кресло соответствует форме тела и очень удобно.

– Ну, что скажешь? – спросил Пауэлл.

– Держу пари, что у этого Мозга воспаление мозга. Пошли

отсюда.

– Неужели ты не хочешь его осмотреть?

– Уже осмотрел. Пришел, увидел и ушел. – Рыжие волосы на голове Донована ощетинились. – Грег, пойдем отсюда. Я увольняюсь. Я уже пять секунд как не состою служащим фирмы, а посторонним вход сюда воспрещен.

Пауэлл снисходительно улыбнулся и погладил усы.

– Ладно, Майк, закрой кран и не выпускай в кровь столько адреналина. Мне тоже вначале было не по себе, но теперь все в порядке.

– Все в порядке, да? Это как же все в порядке? Взял еще один страховой полис?

– Майк, этот корабль не полетит.

– Откуда ты знаешь?

– Мы с тобой обошли весь корабль, верно?

– Да, как будто.

– Поверь мне, весь. А ты видел здесь что-нибудь похожее на рубку управления, если не считать вот этой каютки с единственным иллюминатором и единственной шкалой в парсеках? Ты видел какие-нибудь ручки?

– Нет.

– А двигатель ты видел?

– Верно, не видел!

– То-то. Пойдем, Майк, доложим Лэннингу.

Чертыхаясь и путаясь в коридорах, выглядевших совершенно одинаковыми, они направились к выходу и в конце концов выбрались в короткий проход, который вел их к выходной камере.

Донован вздрогнул.

– Это ты запер, Грег?

– И не думал. Нажми-ка на рычаг!

Рычаг не поддавался, хотя лицо Донована исказилось от натуги. Пауэлл сказал:

– Я не заметил никаких аварийных люков. Если что-то здесь неладно, им придется добираться до нас с автогеном.

– Ну да, а нам придется ждать, пока они не обнаружат, что какой-то идиот запер нас здесь, – вне себя от ярости добавил Донован.

– Вернемся в ту каюту с иллюминатором. Это единственное место, откуда мы можем подать сигнал.

Но подать сигнал им так и не пришлось.

Иллюминатор в носовой каюте был уже не небесно-голубым. Он был черным, а яркие желтые точки звезд говорили о том, что за ним – космос.

Два тела с глухим стуком упали в два кресла.

Альфред Лэннинг встретил доктора Кэлвин у своего кабинета. Он нервно закурил сигару и открыл дверь.

– Так вот, Сьюзен, мы зашли очень далеко, и Робертсон нервничает. Что вы делаете с Мозгом?

Сьюзен Кэлвин развела руками.

– Торопиться нельзя. Мозг стоит дороже, чем любая неустойка, какую нам придется заплатить.

– Но вы допрашиваете его уже два месяца.

Голос робопсихолога не изменился, и все-таки в нем прозвучала угроза:

– Вы хотите заняться этим сами?

– Ну, вы же знаете, что я хотел сказать.

– Да, пожалуй. – Доктор Кэлвин нервно потерла ладони. – Это нелегко. Я пробовала так и эдак, но еще ничего не добилась. У него ненормальные реакции. Он отвечает как-то странно. Но до сих пор мне не удалось установить ничего определенного. А ведь вы понимаете, что, пока мы не узнаем, в чем дело, мы должны действовать очень осторожно. Я не могу предвидеть, какой вопрос, какое замечание могут… подтолкнуть его за грань, и тогда… тогда мы останемся с совершенно бесполезным Мозгом. Вы хотите пойти на такой риск?

– Но не может же он нарушить Первый Закон.

– Я и сама так думала, однако…

– Вы и в этом не уверены? – Лэннинг был потрясен до глубины души.

– О, я ни в чем не уверена, Альфред…

Внезапно прозвучал громкий сигнал тревоги. Лэннинг судорожным движением включил связь и замер, услышав задыхающийся голос.

Потом Лэннинг произнес:

– Сьюзен… Вы слышали?.. Корабль взлетел. Полчаса назад я послал туда двух испытателей. Вам нужно еще раз поговорить с Мозгом.

Сьюзен Кэлвин заставила себя задать вопрос спокойным тоном:

– Мозг, что случилось с кораблем?

– С тем, что я построил, мисс Сьюзен? – весело переспросил Мозг.

– Да. Что с ним случилось?

– Ничего. Два человека, которые должны были его испытывать, вошли внутрь. Все было готово – ну, я и отправил их.

– А… Что ж, это хорошо. – Она дышала с трудом. – Ты

думаешь, с ними ничего не случится?

– Конечно, ничего, мисс Сьюзен. Я обо всем подумал. Это замечательный корабль.

– Да, Мозг, корабль замечательный, но как ты думаешь, у них хватит еды? Они не будут терпеть никаких неудобств?

– Еды хватит.

– Все это может на них сильно подействовать, Мозг. Понимаешь, это так неожиданно.

Но Мозг возразил:

– Ничего с ними не случится. Им же должно быть интересно.

– Интересно? Почему?

– Просто интересно, – лукаво объяснил Мозг.

– Сьюзен, – лихорадочно шептал Лэннинг, – спросите его, связано ли это со смертью. Спросите, какая им может грозить опасность.

Лицо Сьюзен Кэлвин исказилось от гнева.

– Молчите!

Дрожащим голосом она обратилась к Мозгу:

– Мы можем связаться с кораблем, не правда ли, Мозг?

– Ну, они вас услышат. По радио. Я это предусмотрел.

– Спасибо. Пока все.

Как только они вышли, Лэннинг набросился на нее:

– Господи, Сьюзен, если об этом узнают, мы все пропали. Мы должны вернуть этих людей. Почему вы не спросили прямо, грозит ли им смерть?

– Потому что именно об этом я и не должна говорить, – устало ответила Кэлвин. – Если существует дилемма, то она связана со смертью. А если внезапно поставить Мозг перед дилеммой, он может не выдержать. И какую пользу это нам принесет? А теперь вспомните: он сказал, что можно с ними связаться. Давайте попробуем – узнаем, где они находятся, и вернем их назад. Хотя они, наверное, не могут сами управлять кораблем: Мозг, вероятно, управляет им дистанционно. Пойдемте!

Прошло немало времени, пока Пауэлл наконец не взял себя в руки.

– Майк, – пробормотал он, еле шевеля похолодевшими губами. – Ты чувствовал какое-нибудь ускорение?

Донован тупо посмотрел на него.

– А? Нет… нет.

Потом он, стиснув кулаки, в неожиданном лихорадочном возбуждении вскочил с кресла и приник к холодному изогнутому стеклу. За ним ничего не было видно, кроме звезд.

Донован обернулся.

– Грег, они, наверное, включили двигатель, пока мы были внутри. Грег, тут что-то нечисто. Они с роботом подстроили так, чтобы заставить нас быть испытателями, на случай если мы вздумаем отказаться.

– Что ты болтаешь? – ответил Пауэлл. – Какой толк посылать нас, если мы не умеем управлять кораблем? Как мы повернем его обратно? Нет, этот корабль взлетел сам, и без всякого заметного ускорения.

Он встал и медленно зашагал взад и вперед. Звук его шагов гулко отражался от стен. Он глухо произнес:

– Майк, это самое неприятное положение из всех, в какие мы попадали.

– Это для меня новость, – с горечью ответил Донован. – А я-то радовался и веселился, пока ты меня не просветил.

Пауэлл пропустил его слова мимо ушей.

– Ускорения не было! Значит, корабль работает по совершенно неизвестному принципу.

– Не известному нам, во всяком случае.

– Не известному никому. Не видно никаких двигателей. Может быть, они встроены в стены. Может быть, поэтому стены тут такие толстые.

– Что ты там бормочешь? – спросил Донован.

– А ты бы послушал. Я говорю, что, какие бы машины ни приводили в движение этот корабль, они скрыты и, очевидно, не требуют надзора. Корабль управляется дистанционно.

– А кто им управляет? Мозг?

– Почему бы и нет?

– Значит, по-твоему, мы тут останемся до тех пор, пока Мозг не вернет нас обратно?

– Возможно. Если так, давай спокойно ждать. Мозг – это робот. Он обязан соблюдать Первый Закон. Он не может причинить вред человеку.

Донован медленно опустился в кресло.

– Ты так думаешь? – Он тщательно пригладил волосы. – Слушай! Эта тарабарщина с искривлением пространства вывела из строя робота «Консолидейтед», и математики объяснили это так: межзвездный перелет смертелен для человека. Какому же роботу мы должны верить? Нашему, насколько я понимаю, представили те же данные.

Пауэлл бешено дергал себя за усы.

– Не притворяйся, Майк, что не знаешь роботехники. Прежде чем робот обретет физическую возможность нарушить Первый Закон, в нем так много должно поломаться, что он десять раз

успеет превратиться в кучу лома. Нет, тут должно быть какое-то очень простое объяснение.

– О, конечно! Попроси дворецкого, чтобы он разбудил меня вовремя. Все это так просто, что мне незачем волноваться, и я буду спать как дитя.

– Ради Юпитера, Майк, чем ты сейчас недоволен? Мозг о нас заботится. Здесь тепло. Светло. Есть воздух. А стартового ускорения не хватило бы даже на то, чтобы растрепать твои волосы, будь они достаточно приглажены.

– Да? А что мы будем есть? Что мы будем пить? Где мы? Как мы вернемся? А если авария, к какому выходу и в каком скафандре должны мы бежать – бежать, а не идти шагом? Я даже не видел здесь ванной и тех мелких удобств, которые обычно бывают рядом с ней. Конечно, о нас заботятся, и неплохо!

Голос, прервавший речь Донована, принадлежал не Пауэллу. Он не принадлежал никому. Он висел в воздухе – громовой и ошеломляющий:

– Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Грегори Пауэлл! Майкл Донован! Просим сообщить ваше местонахождение. Если корабль поддается управлению, просим вернуться на базу. Грегори Пауэлл! Майкл Донован!..

Эти слова с механической размеренностью повторялись снова и снова, разделенные неизменными четкими паузами.

– Откуда это? – спросил Донован.

– Не знаю, – напряженно прошептал Пауэлл. – Откуда здесь свет? Откуда здесь все?

– Но как же нам отвечать?

Они переговаривались во время пауз, разделявших гулкие повторяющиеся призывы.

Стены были голы – настолько, насколько голой может быть гладкая, ничем не прерываемая, плавно изгибающаяся металлическая поверхность.

– Покричим в ответ, – предложил Пауэлл.

Так они и сделали. Они кричали сначала поодиночке, потом хором:

– Местонахождение неизвестно! Корабль не управляется! Положение отчаянное!

Они охрипли. Короткие деловые фразы начали перемежаться воплями и бранью, а холодный, зловещий голос неустанно продолжал, и продолжал, и продолжал их звать.

– Они нас не слышат, – задыхаясь, проговорил Донован. – Здесь нет передатчика. Только приемник.

Невидящими глазами он уставился в стену.

Медленно, постепенно гулкий голос становился все тише и

глуше. Когда он превратился в шепот, они снова принялись кричать и попробовали еще раз, когда наступила полная тишина.

Минут пятнадцать спустя Пауэлл без всякого выражения сказал:

– Давай пройдем по кораблю еще раз. Должна же здесь быть какая-то еда.

В его голосе не слышно было никакой надежды. Он был готов признать свое поражение.

Они вышли в коридор и принялись осматривать помещения: один – по левую сторону, другой – по правую. Они слышали гулкие шаги друг друга, время от времени встречались в коридоре, обменивались свирепыми взглядами и вновь пускались на поиски.

Неожиданно Пауэлл нашел то, что искал. В тот же момент до него донесся радостный возглас Донована:

– Эй, Грег, здесь есть все удобства! Как это мы раньше не заметили?

Минут через десять Донован, поплутав немного, разыскал Пауэлла.

– Душ пока не отыскался… – начал он и осекся. – Еда!

Часть стены, скользнув вниз, открыла проем неправильной формы с двумя полками. Верхняя была уставлена разнообразными жестянками без этикеток. Эмалированные банки на нижней полке были все одинаковые, и Донован почувствовал, как по ногам потянуло холодком. Нижняя полка охлаждалась.

– Как?.. Как?..

– Раньше этого не было, – коротко ответил Пауэлл. – Эта часть стены отодвинулась, как только я вошел.

Он уже ел. Жестянка оказалась самоподогревающейся, с ложкой внутри, и в помещении уютно запахло тушеной фасолью.

– Бери-ка банку, Майк!

Донован заколебался.

– А что в меню?

– Откуда мне знать? Ты стал очень разборчив?

– Нет, но в полетах я только и ем что фасоль. Мне бы что-нибудь другое.

Он провел рукой по рядам банок и выбрал сверкающую плоскую овальную жестянку, в какие упаковывают лососину и прочие деликатесы. Он нажал на крышку, и она открылась.

– Фасоль! – взвыл Донован и потянулся за новой банкой.

Пауэлл ухватил его за штаны.

– Лучше съешь эту, сынок. Запасы ограничены, а мы можем пробыть здесь очень долго.

Донован нехотя отошел от полок.

– И больше ничего нет? Одна фасоль?

– Возможно.

– А что на нижней полке?

– Молоко.

– Только молоко? – возмутился Донован.

– Похоже.

В ледяном молчании они пообедали фасолью с молоком, а когда они направились к двери, панель скользнула на место и стена снова стала сплошной.

Пауэлл вздохнул.

– Все делается автоматически. От сих и до сих. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным. Где, говоришь, твои удобства?

– Вон там. И их тоже не было, когда мы смотрели в первый раз.

Через пятнадцать минут они уже снова сидели в своих креслах в каюте с иллюминатором и мрачно глядели друг на друга.

Пауэлл угрюмо покосился на единственный циферблат. Там по-прежнему было написано «парсеки», цифры все еще кончались на 1 000 000, а стрелка все так же неподвижно стояла на нулевом делении.

В святая святых «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн» Альфред Лэннинг устало промолвил:

– Они не отвечают. Мы перебрали все волны, все диапазоны – и широковещательные, и частотные, передавали и кодом, и открытым текстом и даже пробовали эти субэфирные новинки. А Мозг все еще ничего не говорит?

Этот вопрос был обращен к доктору Кэлвин.

– Он не хочет говорить на эту тему подробнее, Альфред, – ответила она. – Он утверждает, что они нас слышат… а когда я пытаюсь настаивать, он начинает… ну, упрямиться, что ли. А этого не должно быть. Упрямый робот? Невозможно.

– Скажите, чего вы все-таки добились, Сьюзен.

– Пожалуйста. Он признался, что сам полностью управляет кораблем. Он не сомневается, что они останутся целы и невредимы, но подробнее говорить не хочет. Настаивать я не решаюсь. Тем не менее все эти отклонения как будто сосредоточиваются вокруг идеи межзвездного прыжка. Мозг определенно засмеялся, когда я коснулась этого вопроса. Есть и другие признаки ненормальности, но это самый явный.

Обведя их взглядом, она добавила:

– Я имею в виду истерию. Я тут же заговорила о другом и

надеюсь, что не успела ничему повредить, но это дало мне ключ. С истерией я справлюсь. Дайте мне двенадцать часов! Если я смогу привести его в норму, он вернет корабль.

Богерт вдруг побледнел.

– Межзвездный прыжок?

– В чем дело? – одновременно воскликнули Кэлвин и Лэннинг.

– Расчеты двигателя, которые выдал Мозг… Погодите… Мне кое-что пришло в голову…

Он выбежал из комнаты. Лэннинг поглядел ему вслед и отрывисто сказал:

– Займитесь своим делом, Сьюзен.

Два часа спустя Богерт возбужденно говорил:

– Уверяю вас, Лэннинг, дело именно в этом. Межзвездный прыжок не может быть мгновенным – ведь скорость света конечна. В искривленном пространстве не может существовать жизнь… Не могут существовать ни вещество, ни энергия как таковые. Я не знаю, какую форму это может принять, но дело именно в этом. Вот что погубило робота «Консолидейтед»!

Донован выглядел измученным, да и чувствовал себя так же.

– Всего пять дней?

– Всего пять дней. Я уверен, что не ошибаюсь.

Донован в отчаянии огляделся. Сквозь стекло были видны звезды – знакомые, но бесконечно равнодушные. От стен веяло холодом, лампы, только что вновь ярко вспыхнувшие, светили ослепительно и безжалостно, стрелка на циферблате упрямо показывала на нуль, а во рту Донован ощущал явственный вкус фасоли. Он злобно сказал:

– Я хочу умыться.

Пауэлл взглянул на него и ответил:

– Я тоже. Можешь не стесняться. Но если только ты не собираешься купаться в молоке и остаться без питья…

– Нам все равно скоро придется без него остаться. Грег, когда начнется этот межзвездный прыжок?

– А я почем знаю? Может быть, мы так и будем летать. Со временем мы достигнем цели. Не мы – так наши рассыпавшиеся скелеты. Но ведь, собственно говоря, именно возможность нашей смерти и заставила Мозг свихнуться.

Донован сказал не оборачиваясь:

– Грег, я вот о чем подумал. Дело плохо. Нам нечем себя занять – ходи взад-вперед или разговаривай сам с собой. Ты слыхал, как ребята терпели аварии в полете? Они сходили с ума куда раньше, чем умирали от голода. Не знаю, Грег, но с того

времени, как снова зажегся свет, со мной творится что-то неладное.

Наступило молчание, потом послышался тихий голос Пауэлла:

– Со мной тоже. Ты что чувствуешь?

Рыжая голова повернулась.

– Что-то неладно внутри. Все напряглось, и как будто что-то колотится. Трудно дышать. Не могу стоять спокойно.

– Гм-м… А вибрацию ощущаешь?

– Какую вибрацию?

– Сядь на минуту и посиди спокойно. Ее не слышишь, а чувствуешь – как будто что-то где-то бьется, и весь корабль, и ты вместе с ним. Есть, верно?

– Действительно. Что это, как ты думаешь, Грег? Может быть, дело в нас самих?

– Возможно. – Пауэлл медленно провел рукой по усам. – А может быть, это двигатели корабля. Возможно, они переходят на другой режим.

– Зачем?

– Для межзвездного прыжка. Может быть, он скоро начнется, и черт его знает, что это будет.

Донован задумался. Потом сказал гневно:

– Если так, то пусть. Но хоть бы мы могли что-нибудь сделать! Унизительно сидеть вот так и ждать.

Примерно через час Пауэлл посмотрел на свою руку, лежавшую на металлическом подлокотнике кресла, и с ледяным спокойствием произнес:

– Дотронься до стены, Майк.

Донован приложил ладонь к стене и сказал:

– Она дрожит, Грег.

Даже звезды как будто превратились в туманные пятнышки. Где-то за стенами, казалось, набирала силу гигантская машина, накапливая все больше и больше энергии для могучего прыжка.

Это началось внезапно, с режущей боли. Пауэлл весь напрягся и судорожным движением привскочил в кресле. Он еще успел взглянуть на Донована, а потом у него в глазах потемнело, в ушах замер тонкий, всхлипывающий вопль товарища. Внутри него что-то, корчась, пыталось прорваться сквозь ледяной покров, который становился все толще и толще…

Что-то вырвалось и завертелось в искрах мерцающего света и боли. Упало…

…и завертелось…

…и понеслось вниз…

…в безмолвие!

Это была смерть!

Это был мир без движения и без ощущений. Мир тусклого, бесчувственного сознания – сознания тьмы, и безмолвия, и хаоса.

И главное – сознания вечности.

От человека остался лишь ничтожный белый клочок – его «я», закоченевшее и перепуганное…

Потом проникновенно зазвучали слова, раскатившиеся над ним морем громового гула:

– На вас плохо сидит ваш гроб? Почему бы не испробовать эластичные гробы фирмы Трупа С. Кадавра? Их научно разработанные формы соответствуют естественным изгибам тела и обогащены витаминами. Пользуйтесь гробами Кадавра – они удобны. Помните… вы… будете… мертвы… долго… долго!..

Это был не совсем звук, но, что бы это ни было, оно замерло в отдалении, перейдя во вкрадчивый, тягучий шепот.

Ничтожный белый клочок, который, возможно, когда-то был Пауэллом, тщетно цеплялся за неощутимые тысячелетия, окружавшие его со всех сторон, и беспомощно свернулся, когда раздался пронзительный вопль ста миллионов призраков, ста миллионов сопрано, который рос и усиливался:

– Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

– Мерзавец ты, как хорошо, что ты умрешь!

– Мерзавец ты…

Вверх и вверх по сумасшедшей спиральной гамме поднимался этот вопль, перешел в душераздирающий ультразвук, вырвался за пределы слышимости и снова полез все выше и выше…

Белый клочок снова и снова сотрясала болезненная судорога. Потом он тихо напрягся…

Послышались обыкновенные голоса – множество голосов. Шумела толпа, крутящийся людской водоворот, который несся сквозь него, и мимо, и вокруг, несся с бешеной скоростью, роняя зыбкие обрывки слов:

– Куда тебя, приятель? Ты весь в дырках…

– В геенну, должно быть, но у меня…

– Я было добрался до рая, да Святой Пит, что с ключами…

– Ну нет, он-то у меня в кулаке. Делывали мы с ним всякие делишки…

– Эй, Сэм, сюда!..

– Можешь замолвить словечко? Вельзевул говорит…

– Пошли, любезный бес? Меня ждет Са…

А над всем этим бухал все тот же раскатистый рев:

– СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! СКОРЕЕ! Шевелись, не задерживайся –

очередь ждет! Приготовьте документы и не забудьте при выходе поставить печать у Петра. Не попадите к чужому входу. Огня хватит на всех. ЭЙ, ТЫ, ЭЙ, ТЫ ТАМ! ВСТАНЬ В ОЧЕРЕДЬ, А НЕ ТО…

Белый клочок, который когда-то был Пауэллом, робко пополз назад, пятясь от надвигавшегося на него крика, чувствуя, как в него больно тычет указующий перст. Все смешалось в радугу звуков, осыпавшую осколками измученный мозг.

Пауэлл снова сидел в кресле. Он чувствовал, что весь дрожит.

Донован открыл глаза – два выпученных шара, как будто облитые голубой глазурью.

– Грег, – всхлипнул он, – ты был мертв?

– Я… я чувствовал, что умер.

Он не узнал своего охрипшего голоса. Донован сделал попытку встать, но она не увенчалась успехом.

– А сейчас мы живы? Или будет еще?

– Я… я чувствую, что жив.

Пауэлл все еще хрипел. Он осторожно спросил:

– Ты… ты что-нибудь слышал, когда… когда был мертв?

Донован помолчал, потом медленно кивнул.

– А ты?

– Да. Ты слышал про гробы?.. И женское пение?.. И как шла очередь в ад? Слышал?

Донован покачал головой:

– Только один голос.

– Громкий?

– Нет. Тихий, но такой шершавый, как напильником по кончикам пальцев. Это была проповедь. Про геенну огненную. Он рассказывал о муках… ну, ты это знаешь. Я как-то слышал такую проповедь… Почти такую.

Он был весь мокрый от пота.

Они заметили, что сквозь иллюминатор проникает свет, слабый, бело-голубой, и исходит он от далекой сверкающей горошинки, которая не была родным Солнцем.

А Пауэлл дрожащим пальцем показал на единственный циферблат. Стрелка неподвижно и гордо стояла у деления, где было написано «300 000 парсеков».

– Майк, – сказал Пауэлл, – если это правда, то мы вообще за пределами Галактики.

– Черт! – ответил Донован. – Значит, мы первыми вышли за пределы Солнечной системы, Грег!

– Да, именно! Мы улетели от Солнца. Мы вырвались за пределы Галактики. Майк, этот корабль решает проблему! Это

свобода для всего человечества – свобода переселиться на любую звезду, на миллионы, и миллиарды, и триллионы звезд!

И тут он тяжело упал в кресло:

– Но как же мы вернемся, Майк?

Донован неуверенно улыбнулся.

– Ерунда! Корабль доставил нас сюда, корабль отвезет нас обратно. А я, пожалуй, поел бы фасоли.

– Но, Майк… постой. Если он отвезет нас обратно таким же способом, каким доставил сюда…

Донован, не успев подняться, снова рухнул в кресло.

Пауэлл продолжал:

– Нам придется… снова умереть, Майк.

– Что ж, – вздохнул Донован, – придется так придется. По крайней мере, это не навечно. Не очень навечно…

Теперь Сьюзен Кэлвин говорила медленно. Уже шесть часов она медленно допрашивала Мозг – шесть бесплодных часов. Она устала от этих повторений, от этих обиняков, устала от всего.

– Так вот, Мозг, еще один вопрос. Ты должен постараться и ответить на него просто. Ты ясно представлял себе этот межзвездный прыжок? Очень далеко он их заведет?

– Куда они захотят, мисс Сьюзен. С искривлением пространства это не фокус, честное слово.

– А по ту сторону что они увидят?

– Звезды и все остальное. А вы что думали?

И неожиданно для себя она спросила:

– Значит, они будут живы?

– Конечно!

– И межзвездный прыжок им не повредит?

Она замерла. Мозг молчал. Вот оно! Она коснулась больного места.

– Мозг! – тихо взмолилась она. – Мозг, ты меня слышишь?

Раздался слабый, дрожащий голос Мозга:

– Я должен отвечать? О прыжке?

– Нет, если тебе не хочется. Конечно, это было бы интересно… Но только если ты сам хочешь.

Сьюзен Кэлвин старалась говорить как можно веселее.

– Ну-у-у… Вы мне все испортили.

Она внезапно вскочила – ее озарила догадка.

– О боже! – У нее перехватило дыхание. – Боже!

Она почувствовала, как все напряжение этих часов и дней мгновенно разрядилось.

Позже она сказала Лэннингу:

– Уверяю вас, все хорошо. Нет, сейчас оставьте меня в покое.

Корабль вернется, и вместе с людьми, а я хочу отдохнуть. Я должна отдохнуть. Теперь уйдите.

Корабль вернулся на Землю так же тихо и плавно, как и взлетел. Он сел точно на прежнее место. Открылся главный люк, и из него осторожно вышли двое, потирая заросшие густой щетиной подбородки.

И рыжий медленно встал на колени и звонко поцеловал бетонную дорожку.

Они еле отделались от собравшейся толпы и от двух ретивых санитаров, которые выскочили с носилками из подлетевшей санитарной машины.

Грегори Пауэлл спросил:

– Где тут ближайший душ?

Их увели.

Потом все собрались вокруг стола. Здесь был весь цвет «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн».

Пауэлл и Донован кончили свой краткий, но захватывающий рассказ.

Наступившее молчание прервала Сьюзен Кэлвин. За прошедшие несколько дней к ней вернулось ее обычное ледяное, несколько ядовитое спокойствие – и все-таки она казалась немного смущенной.

– Строго говоря, – сказала она, – во всем виновата я. Когда мы впервые поставили эту задачу перед Мозгом, я, как кое-кто из вас, надеюсь, помнит, всячески старалась внушить ему, чтобы он выдал обратно ту порцию данных, которая содержит в себе дилемму. При этом я сказала ему примерно такую фразу: «Пусть тебя не волнует гибель людей. Для нас это вовсе не важно. Просто выдай перфокарту обратно и забудь о ней».

– Гм, – произнес Лэннинг. – Ну и что же произошло?

– То, чего и следовало ожидать. Когда эти данные были им получены и он вывел формулу, определявшую минимальный промежуток времени, необходимый для межзвездного прыжка, стало ясно, что для людей это означает смерть. Тут-то и сломалась машина «Консолидейтед». Но я добилась того, что гибель человека представлялась Мозгу не такой уж существенной – не то чтобы допустимой, потому что Первый Закон нарушен быть не может, – но достаточно неважной, так что Мозг успел еще раз осмыслить эту формулу. И понять, что после этого интервала люди вернутся к жизни, – точно так же, как возобновится существование вещества и энергии самого корабля. Другими словами, эта так называемая «смерть» оказалась сугубо временным явлением.

Она обвела взглядом сидевших за столом. Все внимательно слушали.

– Поэтому он смог обработать эти данные, – продолжала она, – хотя для него это прошло и не совсем безболезненно. Несмотря на то что смерть должна была быть временной, несмотря на то что она представлялась не очень существенной, все же этого было достаточно, чтобы слегка вывести его из равновесия.

Она спокойно закончила:

– У него появилось чувство юмора – видите ли, это тоже выход из положения, один из путей частичного бегства от действительности. Мозг сделался шутником.

Пауэлл и Донован вскочили.

– Что?! – воскликнул Пауэлл.

Донован выразился гораздо цветистее.

– Да, это так, – ответила Кэлвин. – Он заботился о вас, обеспечил вашу безопасность, но вы не могли ничем управлять, потому что управление предназначалось не для вас, а для расшалившегося Мозга. Мы смогли связаться с вами по радио, но ответить вы не могли. Пищи у вас было достаточно, но это были только фасоль и молоко. Потом вы, так сказать, умерли и воскресли, но эта ваша временная смерть была сделана… ну… не скучной. Хотела бы я знать, как это ему удалось. Это была коронная шуточка Мозга, но намерения у него были добрые.

– Добрые! – задыхаясь, прохрипел Донован. – Ну, будь у этого милого шутника шея…

Лэннинг предостерегающе поднял руку, и Донован умолк.

– Ну хорошо, это было неприятно, но все позади. Что же мы предпримем дальше?

– Очевидно, нам предстоит усовершенствовать двигатель для искривления пространства, – спокойно произнес Богерт. – Наверняка есть какой-нибудь способ обойти этот интервал, необходимый для прыжка. Если такой способ существует, мы его найдем – ведь только у нас есть грандиозный суперробот. Межзвездные полеты окажутся монополией «Ю. С. Роботс», а человечество получит возможность покорить Галактику.

– А как же «Консолидейтед»? – спросил Лэннинг.

– Эй, – внезапно прервал его Донован. – У меня есть предложение. Они устроили «Ю. С. Роботс» порядочную пакость. Хоть все кончилось не так плохо, как они рассчитывали, и даже хорошо, но намерения-то у них были самые черные. А больше всего досталось нам с Грегом. Так вот, они хотели получить решение задачи, и они его получат. Перешлите им этот корабль с гарантией, и «Ю. С. Роботс» получит свои двести тысяч и

стоимость постройки. А в случае, если они захотят его испытать… Что, если дать Мозгу еще немного пошалить, прежде чем его отрегулировать?

– Мне кажется, это честно и справедливо, – невозмутимо сказал Лэннинг.

А Богерт рассеянно добавил:

– И строго отвечает условиям контракта…

Я покончил со своим обедом и глядел на нее сквозь дым сигареты.

– А когда был создан мир, который кажется золотым веком по сравнению с предыдущим столетием, – этому тоже способствовали наши роботы.

– Мыслящие Машины?

– Да, и Мыслящие Машины, но я имела в виду не их. Скорее человека. Он умер в прошлом году. – В ее голосе неожиданно прозвучала глубокая печаль. – Или, по крайней мере, он счел нужным умереть, зная, что мы больше в нем не нуждаемся. Это Стивен Байерли.

– Да, я догадался, что вы говорите именно о нем.

– Впервые он вышел на политическую арену в 2032 году. Вы тогда были еще мальчишкой и не можете помнить, при каких странных обстоятельствах это произошло. Когда он баллотировался в мэры, эта избирательная кампания определенно была одной из самых необычных в истории…

Улики
(Перевод А. Иорданского)

Фрэнсис Куинн был политиком новой школы. Конечно, в этом выражении, как и во всех ему подобных, нет никакого смысла. Большинство «новых школ», которые мы видим, можно было бы отыскать в общественной жизни Древней Греции, а может быть, и древнего Шумера, и доисторических свайных поселений Швейцарии, если бы мы только лучше их знали.

Однако чтобы покончить с вступлением, которое обещает быть скучным и сложным, лучше сразу скажем, что Куинн не баллотировался на выборные должности, не охотился за голосами, не произносил речей и не подделывал избирательных бюллетеней. Точно так же, как Наполеон сам не стрелял из пушки во время битвы при Аустерлице.

И так как политика сводит самых разных людей, то однажды напротив Куинна за столом оказался Альфред Лэннинг. Его густые седые брови низко нависли над глазами, что означало острое раздражение. Он был очень сердит.

Это обстоятельство, будь оно известно Куинну, нимало его не обеспокоило бы. Его голос был дружелюбным – впрочем, может быть, просто профессионально дружелюбным.

– Полагаю, доктор Лэннинг, вы знаете Стивена Байерли?

– Я о нем слышал… Так же, как и многие другие.

– Я тоже. А не намереваетесь ли вы голосовать за него на следующих выборах?

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил Лэннинг с оттенком язвительности. – Я политикой не интересуюсь и даже не знал, что он выставил свою кандидатуру.

– Он может стать нашим будущим мэром. Конечно, пока он всего лишь прокурор, но ведь большие деревья вырастают из…

– Да, да, – перебил Лэннинг, – я это уже слышал. Но не перейти ли нам к сути дела?

– А мы уже к ней перешли, доктор Лэннинг. – Голос Куинна был необыкновенно кротким. – Я заинтересован в том, чтобы мистер Байерли не поднялся выше поста окружного прокурора, а вы заинтересованы в том, чтобы мне помочь.

– Я заинтересован?! Неужели? – Лэннинг еще сильнее насупил брови.

– Ну, скажем, не вы, а «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн». Я пришел к вам как к ее бывшему научному руководителю, зная, что руководство корпорации все еще с

уважением прислушивается к вашим советам. Тем не менее формально вы уже почти не связаны с ними и не очень стеснены в своих действиях, даже если эти действия будут не вполне укладываться в рамки дозволенного.

Доктор Лэннинг на некоторое время погрузился в размышления. Потом он сказал, уже мягче:

– Я не совсем вас понимаю, мистер Куинн.

– Это неудивительно, доктор Лэннинг. Но все довольно просто. Вы не возражаете?

Куинн прикурил тонкую сигарету от простой, но изящной зажигалки, и на его лице с крупными чертами появилось довольное выражение.

– Мы говорили о мистере Байерли – странной и яркой личности. Три года назад о нем никто не знал. Сейчас он широко известен. Это сильный и одаренный человек. Во всяком случае, из всех прокуроров, каких я только знал, он самый умный и талантливый. К несчастью, он не принадлежит к числу моих друзей…

– Понимаю, – машинально сказал Лэннинг, разглядывая свои ногти.

– В прошлом году, – спокойно продолжал Куинн, – мне пришлось заняться мистером Байерли – и навести о нем подробные справки. Видите ли, всегда полезно подвергнуть тщательному изучению прошлое политика, ратующего за реформы. Если бы вы знали, как часто это помогает…

Он сделал паузу и невесело усмехнулся, глядя на рдеющий кончик сигареты.

– Но прошлое мистера Байерли ничем не замечательно. Спокойная жизнь в маленьком городке, колледж, гибель жены в автомобильной катастрофе, тяжелые увечья и долгая болезнь, изучение права, переезд в столицу, должность прокурора…

Фрэнсис Куинн медленно покачал головой и прибавил:

– А вот его теперешняя жизнь весьма примечательна. Наш окружной прокурор никогда не ест!

Лэннинг резко поднял голову, его глаза стали неожиданно внимательными:

– Простите?

– Наш окружной прокурор никогда не ест! – повторил раздельно Куинн. – Говоря точнее, никто ни разу не видел, чтобы он ел или пил. Ни разу! Вы понимаете, что это значит? Не то чтобы редко, а ни разу!

– Это совершенно невероятно. Заслуживают ли доверия ваши источники?

– Им можно верить, и, на мой взгляд, ничего невероятного в

этом нет. Далее, никто не видел, чтобы наш окружной прокурор пил – ни воду, ни алкогольные напитки – или спал. Есть и другие факты, но мне кажется, что я уже ясно высказал свою мысль.

Лэннинг откинулся в кресле. Некоторое время длился молчаливый поединок. Наконец старый роботехник покачал головой.

– Нет. Из ваших слов, в сочетании с тем, что вы говорите их именно мне, может следовать только один вывод. Но это невозможно.

– Да ведь он ведет себя совершенно не так, как ведут себя люди, доктор Лэннинг!

– Если бы вы сказали мне, что он переодетый Сатана, я бы вам скорее поверил.

– Я говорю вам, что это робот, доктор Лэннинг.

– А я говорю, что ничего более невероятного я еще не слышал, мистер Куинн.

Снова наступило враждебное молчание.

– Тем не менее, – Куинн аккуратно погасил свою сигарету, – вам придется расследовать это невероятное дело, используя все возможности корпорации.

– Я могу вам наверняка сказать, мистер Куинн, что никакого участия в подобном расследовании не приму. Неужели вы хотите предложить корпорации вмешаться в местную политику?

– У вас нет выбора. Представьте себе, что мне придется опубликовать эти факты, не имея доказательств. Улики слишком косвенны.

– Это ваше дело.

– Но я этого не хочу. Прямое доказательство было бы гораздо лучше. И вы тоже не хотите, потому что такого рода гласность может принести немалый вред компании. Я полагаю, вам прекрасно известны законы, строго запрещающие использование роботов в населенных мирах.

– Разумеется! – резко ответил Лэннинг.

– Вы знаете, что «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн» – единственное предприятие в Солнечной системе, производящее позитронных роботов. А если Байерли робот, то он – позитронный робот. Вам известно также, что все позитронные роботы предоставляются в аренду, а не продаются, так что корпорация остается владельцем каждого робота и, следовательно, несет ответственность за его действия.

– Мистер Куинн, ничего не стоит доказать, что человекоподобных роботов корпорация никогда не изготовляла.

– А вообще это возможно? Просто как предположение?

– Да. Это возможно.

– Очевидно, это возможно сделать и тайно? Без регистрации в ваших книгах?

– Только не с позитронным мозгом. Это крайне сложная работа, и она делается под строжайшим правительственным контролем.

– Да, но робот может износиться, сломаться, выйти из строя – и тогда его демонтируют.

– А позитронный мозг используют снова или уничтожат.

– В самом деле? – Фрэнсис Куинн позволил себе едва заметный сарказм. – А если один позитронный мозг – случайно, разумеется, – не был уничтожен, а под рукой, тоже случайно, оказался человекоподобный робот, в который еще не был вложен мозг?

– Такого быть не может!

– Не исключено, что вам придется доказывать это правительству и народу. Так почему бы не доказать сейчас мне?

– Но зачем такой робот мог нам понадобиться? – раздраженно спросил доктор Лэннинг. – Какие у нас могли быть мотивы? Признайте за нами хоть немного здравого смысла!

– Пожалуйста, дорогой мой. Корпорация очень заинтересована в том, чтобы в тех или иных областях разрешили использовать человекоподобных позитронных роботов. Это принесло бы огромные прибыли. Но предубеждение публики слишком сильно. Что, если дать ей сначала привыкнуть к таким роботам? Вот, например, искусный юрист или хороший мэр, и он, оказывается, робот. Покупайте нашего робота-слугу!

– Чистейшая фантазия, доходящая до нелепости.

– Возможно. Так докажите это! Или вы все-таки предпочтете доказывать это публике?

Наступили сумерки, но в комнате еще не настолько стемнело, чтобы нельзя было заметить краску смущения на лице Альфреда Лэннинга. Рука роботехника потянулась к выключателю, и на стенах мягко засветились лампы.

– Ну хорошо, – пробормотал он. – Посмотрим.

Внешность Стивена Байерли было бы нелегко описать. По документам ему было сорок лет. И вглядевшись повнимательнее, ему можно было дать сорок лет, хотя на первый взгляд его здоровый, упитанный, веселый вид не очень соответствовал этому возрасту.

Это впечатление особенно усиливалось, когда он смеялся. Сейчас он как раз смеялся – громко и долго, временами успокаиваясь, а потом снова разражаясь хохотом.

А напряженное лицо Альфреда Лэннинга, наоборот,

выражало крайнее неудовольствие. Он взглянул на женщину, сидевшую рядом, но ее тонкие, бескровные губы были лишь едва заметно сжаты.

Наконец Байерли более или менее отдышался и пришел в себя.

– Нет, в самом деле, доктор Лэннинг!.. Я!.. Я – робот!

– Не я это утверждаю, – отрезал Лэннинг. – Меня вполне удовлетворит, если вы окажетесь представителем рода человеческого. И так как наша корпорация вас не изготовляла, то я вполне уверен, что вы человек, – во всяком случае, с юридической точки зрения. Но поскольку предположение, что вы робот, было высказано всерьез и исходит от лица, занимающего определенное положение…

– Не упоминайте его имени, если это противоречит вашим этическим принципам, но ради простоты назовем его Фрэнком Куинном. Продолжайте.

Лэннинг яростно фыркнул, недовольный тем, что его перебили, и после подчеркнутой паузы продолжал еще более ледяным голосом:

– …от лица, занимающего определенное положение, – о его имени мы сейчас гадать не будем, – я вынужден просить вашей помощи, чтобы это предположение опровергнуть. Если этот человек, воспользовавшись средствами, имеющимися в его распоряжении, выдвинет это предположение публично, сам такой факт может нанести большой ущерб компании, которую я представляю, даже если оно и не будет доказано. Вы понимаете?

– Да, ваше положение мне ясно. Обвинение нелепо, но неприятности, грозящие вам, серьезны. Извините, если мой смех вас обидел. Меня рассмешила сама подобная мысль, а не ваши трудности. Чем я могу вам помочь?

– О, это очень легко. Вам нужно просто зайти в ресторан в присутствии свидетелей и дать сфотографировать себя за едой.

Лэннинг откинулся в кресле. Самая трудная часть разговора осталась позади. Женщина, сидевшая рядом с ним, была, очевидно, настолько поглощена наблюдением за Байерли, что не принимала участия в разговоре.

Стивен Байерли на мгновение встретился с ней глазами, с трудом отвел их и снова повернулся к роботехнику. Некоторое время он задумчиво вертел в руках бронзовое пресс-папье, которое было единственным украшением его стола.

Потом он тихо сказал:

– Боюсь, что не смогу оказать вам эту услугу. – Он поднял руку. – Погодите, доктор Лэннинг. Я понимаю, что вся эта история вам противна, что вас втянули в нее против вашего

желания и вы чувствуете, что играете недостойную и даже смешную роль. Но все-таки это в гораздо большей степени касается меня, так что будьте снисходительны. Во-первых, почему вы исключаете возможность того, что Куинн – ну, этот человек, занимающий определенное положение, – обвел вас вокруг пальца, чтобы вы поступили именно так, как нужно ему?

– Ну, вряд ли уважаемый человек пойдет на такой риск, не чувствуя твердой почвы под ногами.

– Вы не знаете Куинна, – сказал Байерли очень серьезно. – Он способен удержаться на таком крутом склоне, где и горный баран свернул бы себе шею. Я полагаю, он сказал вам, будто во всех подробностях изучил мое прошлое?

– Да, и убедил меня, что нашей корпорации стоило бы многих хлопот опровергнуть его, в то время как вам это было бы гораздо легче.

– Значит, вы поверили, будто я никогда не ем. Вы же ученый, доктор Лэннинг! Подумайте только, где здесь логика? Никто не видел, чтобы я ел, следовательно, я никогда не ем. Что и требовалось доказать. Ну, знаете ли…

– Вы пользуетесь прокурорскими уловками, чтобы запутать очень простой вопрос.

– Наоборот, я пытаюсь прояснить вопрос, который вы с Куинном очень усложняете. Дело в том, что я мало сплю, это правда, и, конечно, никогда еще не спал при посторонних. Я не люблю есть в присутствии других людей – вероятно, это нервное. Согласен, такая причуда не совсем обычна, но она никому не причиняет вреда. Судите сами, доктор Лэннинг. Представьте себе, что политик, стремящийся во что бы то ни стало устранить своего противника, обнаруживает в его частной жизни вот такие странности, о каких я говорил. И он решает, что самое лучшее средство как можно сильнее очернить этого противника – ваша компания. Как вы думаете, скажет ли он вам: «Такой-то – робот, потому что он не ест на людях, и я никогда не видел, чтобы он засыпал на заседании суда, а однажды, когда я ночью заглянул к нему в окно, он сидел с книгой и его холодильник был пуст»? Если бы он так сказал, вы бы вызвали санитаров со смирительной рубашкой. Но этот человек говорит: «Он никогда не спит, он никогда не ест». И вы, сбитые с толку необычайностью такого заявления, не видите, что доказать его невозможно. Вы вносите свой вклад в шумиху и этим играете ему на руку.

– Тем не менее, сэр, – упрямо настаивал Лэннинг, – считаете вы это дело серьезным или не считаете, но, чтобы его прекратить, достаточно лишь того обеда, о котором я говорил.

Байерли снова повернулся к женщине, которая все еще

внимательно разглядывала его.

– Извините, я правильно расслышал ваше имя? Доктор Сьюзен Кэлвин?

– Да, мистер Байерли.

– Вы психолог «Ю. С. Роботс»?

– Простите, робопсихолог.

– А разве психология роботов так отличается от человеческой?

– Разница огромная. – Она позволила себе холодно улыбнуться. – Прежде всего, роботы глубоко порядочны.

Уголки рта юриста дрогнули в улыбке.

– Да, это не очень лестно для людей. Но я хотел сказать вот что. Раз вы психо… робопсихолог, да еще женщина, вы, наверное, сделали кое-что такое, о чем доктор Лэннинг не подумал.

– Что именно?

– Вы захватили с собой в сумочке какую-нибудь еду.

Что-то мелькнуло в привычно равнодушных глазах Сьюзен Кэлвин. Она сказала:

– Вы удивляете меня, мистер Байерли…

Открыв сумочку, она достала яблоко и спокойно протянула ему. Доктор Лэннинг, затаив дыхание, напряженно следил, как оно перешло из одной руки в другую.

Стивен Байерли невозмутимо откусил кусок и так же невозмутимо проглотил его.

– Видели, доктор Лэннинг?

Доктор Лэннинг облегченно вздохнул. Даже его брови какое-то мгновение выражали некоторую доброжелательность. Но это продолжалось лишь одно недолгое мгновение. Сьюзен Кэлвин сказала:

– Мне, естественно, было интересно посмотреть, съедите ли вы его, но это, разумеется, ничего не доказывает.

– Разве? – улыбнулся Байерли.

– Конечно. Совершенно ясно, доктор Лэннинг, что если это человекоподобный робот, то имитация должна быть полной. Он абсолютно неотличим от человека. В конце концов, мы всю жизнь имеем дело с людьми, и приблизительным сходством нас обмануть нельзя. Он должен быть похож на человека во всем. Обратите внимание на текстуру кожи, на цвет радужных оболочек, на конструкцию кистей рук. Если это робот, то жаль, что не «Ю. С. Роботс» изготовила его, потому что он прекрасно сработан. Так вот, разве тот, кто позаботился о таких мелочах, не сообразил бы добавить несколько устройств для еды, сна, выделений? Может быть, только на крайний случай: например, чтобы предотвратить такое положение, которое возникло сейчас.

Так что обед ничего не докажет.

– Погодите, – возразил Лэннинг, – я не такой дурак, каким вы оба пытаетесь меня изобразить. Мне неважно, человек мистер Байерли или нет. Мне нужно выручить из беды нашу корпорацию. Публичный обед положит конец всем подозрениям, что бы там ни делал Куинн. А тонкости можно оставить юристам и робопсихологам.

– Но, доктор Лэннинг, – сказал Байерли, – вы забываете, что тут замешана политика. Я так же стремлюсь быть избранным, как Куинн – этому воспрепятствовать. Кстати, вы заметили, что назвали его имя? Это мой старый профессиональный прием. Я знал, что рано или поздно вы его назовете.

Лэннинг покраснел.

– При чем здесь выборы?

– Скандал, сэр, – палка о двух концах. Если Куинн хочет объявить меня роботом и осмелится это сделать, у меня хватит мужества принять вызов.

– Вы хотите сказать, что… – испуганно произнес Лэннинг.

– Вот именно. Я хочу сказать, что позволю ему действовать: выбрать себе веревку, попробовать ее прочность, отрезать нужный кусок, завязать петлю, сунуть в нее голову и оскалить зубы. А уж остальные мелочи я беру на себя.

– Вы очень в себе уверены.

Сьюзен Кэлвин поднялась.

– Пойдемте, Альфред. Мы его не переубедим.

– Вот видите, – улыбнулся Байерли, – вы и в человеческой психологии разбираетесь.

Но вечером, когда Байерли поставил автомобиль на транспортер подземного гаража и направился к двери своего дома, в нем не видно было той уверенности в себе, которую отметил доктор Лэннинг.

Когда он вошел, человек, сидящий в инвалидном кресле на колесах, с улыбкой повернулся к нему. Лицо Байерли засветилось любовью. Он подошел к креслу.

Хриплый, скрежещущий шепот калеки вырвался из перекошенного вечной гримасой рта, который зиял на лице, состоявшем наполовину из шрамов и рубцов.

– Ты сегодня поздно, Стив.

– Да-да, Джон, я знаю. Но я сегодня столкнулся с одной необычной и интересной трудностью.

– Ну? – Ни изуродованное лицо, ни еле слышный голос ничего не выражали, но в ясных глазах появилась тревога. – Ты не можешь с ней справиться?

– Я еще не уверен. Может быть, мне понадобится твоя помощь. Главная-то умница у нас – ты. Хочешь, я отнесу тебя в сад? Прекрасный вечер.

Его могучие руки подняли Джона с кресла. Они мягко, почти нежно обхватили плечи и забинтованные ноги калеки. Байерли осторожно прошел через комнаты, спустился по пологому пандусу, специально приспособленному для инвалидного кресла, и через заднюю дверь вышел в сад, окруженный стеной с колючей проволокой по гребню.

– Почему ты не даешь мне ездить в кресле, Стив? Это глупо.

– Потому что мне нравится тебя носить. Ты против? Ведь ты и сам рад на время вылезти из этой механической тележки. Как ты себя сегодня чувствуешь?

Он с бесконечной нежностью опустил Джона на прохладную траву.

– А как я могу себя чувствовать? Но расскажи о своих трудностях.

– Тактика Куинна в избирательной кампании будет основана на том, что он объявит меня роботом.

Джон широко раскрыл глаза.

– Откуда ты знаешь? Это невозможно. Я не верю.

– Ну, я же тебе говорю. Сегодня он прислал ко мне ученых заправил «Ю. С. Роботс».

Руки Джона медленно срывали одну травинку за другой.

– Ах вот оно что…

Байерли сказал:

– Но мы дадим ему возможность выбрать оружие. У меня есть идея. Послушай и скажи, не можем ли мы сделать вот как…

В этот же вечер в кабинете Альфреда Лэннинга разыгралась немая сцена. Фрэнсис Куинн задумчиво разглядывал Альфреда Лэннинга, тот яростно уставился на Сьюзен Кэлвин, а она, в свою очередь, бесстрастно глядела на Куинна.

Фрэнсис Куинн прервал молчание, сделав неуклюжую попытку разрядить атмосферу.

– Блеф! Он все это тут же и придумал.

– И вы готовы сделать ставку на это, мистер Куинн? – безразлично спросила доктор Кэлвин.

– Ну, в конце концов, ставка-то ваша.

– Послушайте, – показная уверенность, звучавшая в голосе доктора Лэннинга, не скрывала мучивших его сомнений, – мы сделали то, о чем вы просили. Мы видели, как этот человек ест. Смешно думать, будто он робот.

– И вы так считаете? – Куинн повернулся к Кэлвин. – Лэннинг

говорил, что вы специалист.

Лэннинг начал почти угрожающим тоном:

– Вот что, Сьюзен…

Куинн вежливо перебил его:

– Позвольте, а почему бы ей и не высказаться? Она уже полчаса сидит здесь и молчит.

Лэннинг почувствовал, что у него больше нет сил. Ему казалось, еще немного – и он сойдет с ума.

– Хорошо, Сьюзен, говорите. Мы не будем вас перебивать.

Сьюзен Кэлвин посмотрела на него, потом перевела холодный взгляд на мистера Куинна.

– Есть только два способа с несомненностью доказать, что Байерли – робот. Пока что вы предъявляете лишь косвенные улики – они позволяют выдвинуть обвинение, но не доказать его. А я думаю, что мистер Байерли достаточно умен, чтобы отбить такое нападение. Вероятно, и вы так думаете, иначе бы вы не пришли к нам. Доказать же можно двумя способами: физическим и психологическим. Физически вы можете вскрыть его или воспользоваться рентгеном. Каким образом – дело ваше. Психологически можно изучить его поведение. Если это позитронный робот, он должен подчиняться Трем Законам Роботехники. Позитронный мозг не может быть устроен иначе. Вы знаете эти законы, мистер Куинн?

Она медленно и отчетливо прочла на память, слово в слово, знаменитые законы, напечатанные крупным шрифтом на первой странице «Руководства по роботехнике».

– Я слышал о них, – сказал Куинн небрежно.

– Тогда вы легко поймете меня, – сухо ответила она. – Если мистер Байерли нарушит хоть один из этих законов – он не робот. К несчастью, только в этом случае мы получаем определенный ответ. Если же он выполняет законы, то это ничего не доказывает.

Куинн вежливо поднял брови.

– Почему, доктор?

– Потому что, если хорошенько подумать, Три Закона Роботехники совпадают с основными принципами большинства этических систем, существующих на Земле. Конечно, каждый человек наделен инстинктом самосохранения. У робота это Третий Закон. Каждый так называемый порядочный человек, чувствующий свою ответственность перед обществом, подчиняется определенным авторитетам. Он прислушивается к мнению своего врача, своего начальника, своего правительства, своего психиатра, своего приятеля. Он исполняет законы, следует обычаям, соблюдает приличия, даже если они лишают его некоторых удобств или подвергают опасности. А у роботов это –

Второй Закон. Кроме того, предполагается, что каждый так называемый хороший человек должен любить своих ближних, как себя самого, вступаться за своих друзей, рисковать своей жизнью ради других. Для робота это – Первый Закон. Попросту говоря, если Байерли исполняет все Законы Роботехники, он или робот, или очень хороший человек.

– Значит, – произнес Куинн, – вы никогда не сможете доказать, что он робот?

– Я, возможно, смогу доказать, что он не робот.

– Это не то, что мне нужно!

– Вам придется удовлетвориться тем, что есть. А что вам нужно – дело ваше.

Тут Лэннингу пришла в голову неожиданная идея. Он неуверенно сказал:

– Постойте… А вам не кажется, что обязанности прокурора – довольно странное занятие для робота? Судебное преследование людей, смертные приговоры – огромный вред, причиняемый людям…

– Нет, так вы не вывернетесь, – возразил Куинн. – То, что он окружной прокурор, еще не означает, что он человек. Разве вы не знаете его биографии? Да он хвастает тем, что ни разу не возбуждал дело против невиновного, что десятки людей были оправданы только потому, что улики против них его не удовлетворяли, хотя он мог бы, вероятно, убедить суд присяжных и добиться смертного приговора!

Худые щеки Лэннинга дрогнули.

– Нет, Куинн, нет! В Законах Роботехники ничего не говорится о виновности человека. Робот не может решать, заслуживает ли человек смерти. Не ему об этом судить. Он не может причинить вред ни одному человеку – будь то негодяй или ангел.

– Альфред, – устало произнесла Сьюзен Кэлвин, – не говорите глупостей. Что, если робот увидит маньяка, собирающегося поджечь дом, где находятся люди? Он остановит его или нет?

– Конечно.

– А если единственным способом остановить его будет убийство?

Лэннинг проворчал что-то нечленораздельное.

– В таком случае, Альфред, он сделает все, чтобы его не убивать. Если маньяк все-таки будет убит, роботу понадобится психотерапия. Он сам сойдет с ума, если будет поставлен перед таким противоречием – нарушить букву Первого Закона, чтобы остаться верным его духу. Но человек будет тем не менее убит, и убит роботом.

– Что же, по-вашему, Байерли должен был давно сойти с ума? – осведомился Лэннинг, вложив в эти слова весь сарказм, на какой был способен.

– Нет, но сам он никого не убивал. Он лишь предает гласности факты, свидетельствующие о том, что данный человек опасен для множества остальных людей, которых мы называем обществом. Он встает на защиту большинства и тем самым с наибольшей возможной эффективностью исполняет Первый Закон. Дальше этого он не идет. Потом уже судья приговаривает преступника к смерти или тюрьме, если присяжные признают его виновным. Стережет преступника тюремщик, казнит палач. А мистер Байерли всего лишь устанавливает истину и помогает обществу. После того как вы, мистер Куинн, обратились к нам, я действительно ознакомилась с карьерой мистера Байерли. Я узнала, что в своем заключительном слове он никогда не требует смертного приговора. Я узнала также, что он высказывался за отмену смертной казни и щедро финансирует исследования в области судебной нейрофизиологии. Он, очевидно, верит в то, что преступников надо лечить, а не наказывать. Я считаю, что это говорит о многом.

– Да? – Куинн улыбнулся. – А не пахнет ли здесь роботом?

– Возможно. Кто это отрицает? Такие действия свойственны только роботу или же очень благородному и хорошему человеку. Вы видите, что просто невозможно провести границу между поведением роботов и лучших из людей?

Куинн откинулся в кресле. Его голос дрожал от нетерпения.

– Доктор Лэннинг, возможно ли создать человекоподобного робота, который внешне ничем не отличался бы от человека?

– «Ю. С. Роботс» проводила такие эксперименты – конечно, без позитронного мозга. Если взять человеческие яйцеклетки и регулировать их рост с помощью гормонов, можно нарастить человеческие мышцы и кожу на остов из пористого силиконового пластика, который нельзя будет обнаружить при внешнем обследовании. Глаза, волосы, кожа могут быть действительно человеческими, а не имитацией. И если к этому добавить позитронный мозг и любые внутренние устройства, какие вы только пожелаете, у вас получится человекоподобный робот.

– Сколько времени для этого нужно? – коротко спросил Куинн.

Лэннинг подумал.

– Если у вас есть все необходимое – мозг, остов, яйцеклетки, гормоны, оборудование для облучения, то, скажем, два месяца.

Куинн выпрямился.

– Тогда мы посмотрим, на что похож мистер Байерли

изнутри. Это сослужит «Ю. С. Роботс» плохую службу, но у вас была возможность предотвратить такой оборот дела.

Когда они остались одни, Лэннинг нетерпеливо повернулся к Сьюзен Кэлвин:

– Почему вы настаиваете…

Она резко перебила его, не пытаясь скрывать свои чувства:

– Что вам нужно: установить истину или добиться моего ухода? Я не собираюсь лгать ради вас. «Ю. С. Роботс» может постоять за себя. Не будьте трусом.

– А что, если он вскроет Байерли и выпадут колесики и шестеренки? Что тогда?

– Он не вскроет Байерли, – произнесла Кэлвин презрительно. – Байерли не глупее Куинна. По меньшей мере не глупее.

Новость облетела весь город за неделю до выдвижения Байерли кандидатом в мэры. «Облетела» – это, пожалуй, не то слово. Она разбрелась по нему неверными шагами. Сначала она вызвала смех и шутки. Но по мере того как невидимая рука Куинна не спеша усиливала нажим, смех стал звучать уже не так весело, появились сомнения и люди начали задумываться.

На предвыборном собрании царило смятение. Еще неделю назад никакой борьбы на нем не ожидалось: могла быть выдвинута лишь одна кандидатура – Байерли. Да и теперь других кандидатов не нашлось – пришлось выдвинуть его. Но это привело всех в полную растерянность.

Рядовых избирателей мучили сомнения. Всех поражала серьезность обвинения, если оно было правдой, или крайнее безрассудство обвинителей, если обвинение было ложным.

На следующий день после того, как собрание без особого энтузиазма проголосовало за Байерли, в газете появилось длинное интервью с доктором Сьюзен Кэлвин – «мировой величиной в робопсихологии и позитронике».

И тут разразилось просто черт знает что такое – другого слова, пожалуй, и не подберешь.

Только этого и ждали фундаменталисты. Это не была какая-то политическая партия или религиозная секта. Так называли людей, которые просто не смогли приспособиться к жизни в «атомном веке», окрещенном так еще тогда, когда атомы были в новинку. Это были, в сущности, сторонники опрощения, тосковавшие по жизни, которая тем, кто ее испытал на себе, вероятно, казалась не такой уж простой.

В новых поводах для своей ненависти к роботам и к тем, кто их производил, фундаменталисты не нуждались. Но обвинений

Куинна и рассуждений Кэлвин было достаточно, чтобы придать вес их аргументам.

Огромные заводы «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн» напоминали ульи, кишащие вооруженной охраной. Здесь готовились к отпору.

Городской дом Стивена Байерли был оцеплен полицией. Все остальные аспекты предвыборной кампании, конечно, были забыты. Да и предвыборной кампанией то, что происходило, можно было назвать лишь потому, что оно заполняло промежуток между выдвижением кандидатур и днем выборов.

Появление суетливого человечка не смутило Стивена Байерли. На него, очевидно, не произвели никакого впечатления и маячившие на заднем плане мундиры. На улице, за угрюмой цепью полицейских, ждали верные традициям своего ремесла репортеры и фотографы. Одна предприимчивая телевизионная компания установила камеру против крыльца скромного жилища прокурора, и диктор с деланым возбуждением заполнял паузы подробнейшими комментариями.

Суетливый человечек вышел вперед. Он держал в руках длинную, хитроумно составленную официальную бумагу.

– Мистер Байерли, вот постановление суда, которое уполномочивает меня обыскать это помещение на предмет незаконного нахождения в нем… э-э… механических людей и роботов любого типа…

Байерли взял бумагу, бросил на нее равнодушный взгляд и, улыбаясь, вернул ее человечку.

– Все по форме. Валяйте. Исполняйте свои обязанности. Миссис Хоппен, – крикнул он экономке, которая неохотно вышла из комнаты, – пожалуйста, пройдите с ним и помогите, если понадобится.

Суетливый человечек, фамилия которого была Харроуэй, заколебался, заметно покраснел, тщетно попытался перехватить взгляд Байерли и пробормотал, обращаясь к двум полицейским:

– Пошли.

Через десять минут они вернулись.

– Все? – спросил Байерли безразличным тоном человека, не очень заинтересованного в ответе.

Харроуэй откашлялся, начал срывающимся голосом, остановился и сердито начал снова:

– Послушайте, мистер Байерли. Мы получили инструкцию тщательно обыскать дом.

– Разве вы этого не сделали?

– Нам точно сказали, что мы должны искать.

– Да?

– Короче, мистер Байерли, будем называть вещи своими именами. Нам велено обыскать вас.

– Меня? – произнес прокурор, широко улыбаясь. – А как вы предполагаете это сделать?

– У нас с собой флюорограф…

– Значит, вы хотите сделать мой рентгеновский снимок? А вы имеете на это право?

– Вы видели постановление.

– Можно взглянуть еще раз?

Харроуэй, лицо которого выражало нечто большее, чем простое усердие, снова протянул бумагу. Байерли спокойно произнес:

– Я сейчас прочитаю, что вы уполномочены обыскать: «… домовладение, принадлежащее Стивену Аллену Байерли, под номером 355, Уиллоугров, Эванстрон, а также гаражи, кладовые и любые другие здания или строения, относящиеся к этому домовладению, а также все земельные участки, к нему принадлежащие»… хм… и так далее. Все верно. Но, дорогой мой, здесь ничего не говорится о том, чтобы обыскивать мои внутренности. Я не являюсь частью домовладения. Если вы думаете, что я спрятал робота в кармане, можете обыскать мою одежду.

Харроуэй твердо помнил, кому он обязан своей должностью. И теперь, получив возможность выдвинуться на лучшую, то есть лучше оплачиваемую, он не собирался отступать. Он сказал вызывающе:

– Послушайте-ка, я уполномочен осмотреть всю обстановку вашего дома и все, что я в нем найду. Но ведь вы находитесь в доме, верно?

– Удивительно справедливое замечание. Да, я в нем нахожусь. Но я – не обстановка. Я совершеннолетний, правомочный гражданин, у меня есть свидетельство о психической вменяемости, и я имею определенные законные права. Если вы обыщете меня, ваши действия можно будет квалифицировать как посягательство на мою личную неприкосновенность. Этой бумаги тут мало.

– Конечно, но если вы робот, то о личной неприкосновенности говорить не приходится…

– Тоже верно. Тем не менее этой бумаги недостаточно. В ней подразумевается, что я человек.

– Где? – Харроуэй схватил бумагу.

– А там, где говорится: «домовладение, принадлежащее» и так далее. Робот не может владеть собственностью. И можете

сказать своему хозяину, мистер Харроуэй, что, если он попытается получить другую бумагу, где не будет подразумеваться, что я человек, я немедленно возбужу против него гражданский иск и потребую, чтобы он доказал, что я робот, на основании сведений, которыми он располагает сейчас. И если это ему не удастся, он заплатит солидный штраф за попытку лишить меня прав, предусмотренных законом. Вы передадите ему все это?

Подойдя к двери, Харроуэй обернулся.

– Вы ловкий крючкотвор…

Держа руку в кармане, он на секунду задержался в дверях. Потом вышел из дома, улыбнулся в сторону телекамеры, все еще продолжая играть свою роль, помахал рукой репортерам и крикнул:

– Завтра для вас, ребята, кое-что будет. Кроме шуток.

Сев в машину, Харроуэй откинулся на подушки, вынул из кармана маленький аппарат и осмотрел его. Ему еще ни разу не приходилось делать снимок в отраженных рентгеновских лучах. Он надеялся, что ничего не напутал.

Куинн и Байерли еще ни разу не встречались лицом к лицу наедине. Но визифон почти заменял такую встречу. Это была в буквальном смысле встреча лицом к лицу, хотя для каждого из них лицо другого представлялось лишь в виде черно-белого рисунка.

Разговора потребовал Куинн. Куинн его и начал, обойдясь без вступительных церемоний:

– Вам, наверное, будет интересно это узнать, Байерли. Я собираюсь предать гласности, что вы носите на себе непрозрачный для рентгеновских лучей экран.

– В самом деле? В таком случае вы, надо думать, уже предали это гласности. Боюсь, предприимчивые представители прессы уже довольно давно подслушивают все мои телефонные разговоры из служебного кабинета. Вот почему я и сижу последние недели дома.

Байерли говорил дружеским тоном. Можно было подумать, что он болтает с приятелем.

Губы Куинна слегка сжались.

– Этот разговор защищен от подслушивания. Для меня он сопряжен с некоторым риском.

– Ну еще бы! Никто не знает, что вы стоите за этой кампанией. По крайней мере, официально никто не знает. Неофициально это знают все. Я бы на вашем месте об этом не беспокоился. Значит, я ношу защитный экран? Я полагаю, вы

обнаружили это, когда рентгенограмма, сделанная вчера вашим подставным лицом, оказалась передержанной?

– Вы понимаете, Байерли, для всех будет вполне очевидно, что вы боитесь рентгеновского просвечивания?

– А также станет ясно и то, что вы или ваши люди незаконно посягнули на мои права?

– Им на это наплевать.

– Может быть. Это, пожалуй, прекрасно характеризует различие в нашей тактике, не правда ли? Вам нет дела до прав гражданина. А я о них не забываю. Я не дам себя просвечивать, потому что настаиваю на своих правах из принципа. Так же как я буду настаивать на правах остальных, когда меня изберут.

– Несомненно, это очень хорошо для предвыборной речи. Только вам никто не поверит. Слишком высокопарно. Вот еще что, – его голос внезапно стал жестким, – вчера у вас дома находились не все, кто там живет.

– Это почему?

– Я располагаю сведениями, – Куинн зашелестел разложенными перед ним бумагами, которые были видны в визифон, – что одного человека не хватало. Калеки.

– Совершенно верно, – произнес Байерли без всякого выражения, – калеки. Моего старого учителя, который живет со мной и который сейчас находится за городом – и находится там уже два месяца. В таких случаях говорят «удалился на покой». Вы что-нибудь против этого имеете?

– Ваш учитель? Какой-то ученый?

– Когда-то он был юристом, прежде чем стал калекой. У него есть официальное разрешение заниматься биофизическими исследованиями в собственной лаборатории, и полное описание его работ передано в соответствующие учреждения, куда вы и можете обратиться. Большого значения его работы не имеют, но они безобидны и развлекают… бедного калеку. А я помогаю ему, насколько могу.

– Ясно. А что этот… учитель… знает о производстве роботов?

– Я не могу судить о его познаниях в области, с которой сам толком не знаком.

– Он имеет доступ к позитронным мозгам?

– Спросите об этом ваших друзей из «Ю. С. Роботс». Им лучше знать.

– Я буду краток, Байерли. Ваш калека-учитель и есть настоящий Стивен Байерли. Вы – созданный им робот. Мы можем это доказать. В автомобильную катастрофу попал он, а не вы. Это можно проверить.

– В самом деле? Пожалуйста, проверяйте. Желаю успеха.

– И мы можем обыскать этот загородный дом. Посмотрим, что мы там найдем.

– Ну, это как сказать, Куинн. – Байерли широко улыбнулся. – На наше несчастье, мой так называемый учитель серьезно болен. Загородный дом для него как бы санаторий, где он отдыхает. Его право на личную неприкосновенность при таких обстоятельствах еще прочнее. Вы не сможете получить разрешение на обыск, если не предъявите достаточных оснований. Тем не менее я не буду вас от этого удерживать.

Наступила небольшая пауза. Куинн наклонился вперед, так что его лицо заняло весь экран и стали видны тонкие морщинки на лбу.

– Байерли, зачем вы упрямитесь? Вас не выберут.

– Разве?

– Неужели вы этого не понимаете? Или, по-вашему, отказ опровергнуть обвинение, что вам было бы очень легко сделать, нарушив один из Законов Роботехники, не убеждает людей, что вы в самом деле робот?

– Я понимаю одно: из малоизвестного, ничем не примечательного юриста я превратился в фигуру мирового значения. Вы умеете делать рекламу.

– Но вы же робот.

– Сказано – не доказано.

– Доказательств хватит, чтобы вас не выбрали.

– Тогда вам нечего волноваться – вы уже победили.

– До свидания, – сказал Куинн. В его голосе впервые прозвучала злоба. Визифон погас.

– До свидания, – невозмутимо произнес Байерли перед пустым экраном.

Байерли привез своего учителя в город за неделю до выборов. Вертолет опустился на окраине.

– Ты останешься здесь до конца выборов, – сказал ему Байерли. – Если дело обернется плохо, лучше, чтобы ты был в более спокойном месте.

В хриплом голосе, вырвавшемся из перекошенного рта Джона, можно было различить тревогу.

– Разве есть основания опасаться насилия?

– Фундаменталисты не скупятся на угрозы, так что теоретически такая опасность есть. Но я не думаю, чтобы это случилось. У них нет реальной силы. Просто они постоянно вносят смуту, и когда-нибудь это кончится беспорядками. Ты согласен побыть здесь? Ну пожалуйста! Мне будет не по себе, если придется беспокоиться о твоей безопасности.

– Хорошо. Ты все еще думаешь, что дело кончится благополучно?

– Уверен. У тебя там никто не появлялся?

– Никто. Это я точно знаю.

– И ты себя вел так, как мы договорились?

– В точности. Там все будет в порядке.

– Тогда будь осторожнее, Джон, а завтра смотри телевизор.

Байерли пожал изувеченную руку, лежавшую на его руке.

Хмурое лицо Лентона выражало сильнейшее беспокойство. Его положение было незавидным. Он считался уполномоченным Байерли по проведению избирательной кампании, которая была вообще не похожа на избирательную кампанию. Объектом ее был человек, который раскрыть свой план действий отказался, а следовать указаниям своего уполномоченного не соглашался.

– Вы не должны! – это были его любимые слова, а в последние дни они стали и единственными. – Я говорю вам, Стив, вы не должны!

Он рухнул в кресло перед столом прокурора, который не спеша листал отпечатанный на машинке текст своей речи.

– Откажитесь, Стив! Посмотрите, ведь эту толпу организовали фундаменталисты. Вас не станут слушать. Скорее всего, вас закидают камнями. Зачем вам выступать с речью перед публикой? Чем плоха запись на пленку или выступление по телевидению?

– Но ведь вы хотите, чтобы я победил на выборах, не правда ли? – мягко спросил Байерли.

– Победили! Вам не победить, Стив! Я пытаюсь спасти вашу жизнь!

– О, мне ничего не грозит.

– Ему ничего не грозит! – Лентон даже поперхнулся. – Вы хотите сказать, что намерены выйти на балкон перед пятьюдесятью тысячами полоумных идиотов и попробуете вбить им что-то в голову – с балкона, как средневековый диктатор?

Байерли взглянул на часы.

– Да. И примерно через пять минут, как только будут готовы телевизионные операторы.

Ответ Лентона был не совсем членораздельным.

Толпа заполняла оцепленную площадь. Казалось, что деревья и дома поднимаются из сплошной массы людей. А телевидение сделало очевидцем происходящего все человечество. Это были местные выборы, но за ними следил весь мир.

Байерли подумал об этом и улыбнулся.

Но сама толпа не могла вызвать улыбки. Она щетинилась

знаменами и плакатами, где на все лады повторялось одно и то же обвинение. Атмосфера враждебности сгустилась до того, что стала почти осязаемой.

Выступление с самого начала было сорвано. Голос Байерли заглушали рев толпы и ритмические выкрики кучек фундаменталистов, разбросанных там и сям по всей площади. Но Байерли продолжал говорить, медленно и бесстрастно…

В комнате Лентон схватился за голову и застонал. Он ждал кровопролития.

В передних рядах толпы началось какое-то движение. Вперед проталкивался тощий субъект с выпученными глазами, в костюме, слишком коротком для его костлявых рук и ног. Устремившийся за ним полицейский медленно и с трудом пробивался сквозь толпу, пока Байерли сердитым взмахом руки не остановил его.

Тощий человек был уже под самым балконом. Он что-то кричал, но слов не было слышно из-за шума толпы.

Байерли наклонился через перила.

– Что вы сказали? Если вы хотите задать мне законный вопрос, я отвечу. – Он повернулся к стоявшему рядом полицейскому: – Проведите его сюда.

Толпа насторожилась. В разных местах послышались крики «Тише!», которые слились в общий гомон, а потом понемногу утихли. Тощий человек, весь красный и запыхавшийся, предстал перед Байерли.

Байерли сказал:

– Вы хотите что-то спросить?

Тощий человек впился в него глазами и произнес надтреснутым голосом:

– Ударь меня!

С неожиданной энергией он выставил вперед подбородок.

– Ударь меня! Ты говоришь, что ты не робот. Докажи это! Ты не сможешь ударить человека, чудовище!

Наступила странная, пустая, мертвая тишина. Ее прорезал голос Байерли:

– У меня нет причин вас бить.

Тощий человек захохотал.

– Ты не можешь меня ударить! Ты меня не ударишь! Ты не человек! Ты чудовище, которое притворилось человеком!

И Стивен Байерли, стиснув зубы, на глазах у тысяч людей, смотревших на него с площади, и миллионов, глядевших на экраны телевизоров, размахнулся и нанес ему могучий удар в челюсть. Тощий человек упал навзничь без сознания. Лицо его выражало одно лишь бессмысленное изумление.

Байерли сказал:

– Мне очень жаль… Отнесите его в дом и устройте поудобнее. Как только я освобожусь, я с ним поговорю.

И когда доктор Кэлвин, развернув свою машину, отъехала, только один репортер успел прийти в себя настолько, чтобы броситься за ней и выкрикнуть вопрос, которого она не расслышала.

Сьюзен Кэлвин обернулась и прокричала:

– Он – человек!

Репортеру только того и нужно было. Он понесся прочь.

Речь была произнесена до конца, но больше никто ничего из нее так и не слышал.

Доктор Кэлвин и Стивен Байерли встретились еще раз – за неделю до того, как он принес присягу, вступая в должность мэра. Было уже далеко за полночь.

Доктор Кэлвин сказала:

– Вы как будто не устали.

Новый мэр улыбнулся:

– Я могу еще задержаться. Только не говорите Куинну.

– Не скажу. Кстати, у Куинна была интересная версия. Жаль, что вы ее опровергли. Вы, вероятно, знаете, в чем она заключалась?

– Частично.

– Она была в высшей степени драматической. Стивен Байерли был молодой юрист, хороший оратор, большой идеалист и увлекался биофизикой. Между прочим, вы интересуетесь роботехникой, мистер Байерли?

– Только с юридической стороны.

– А тот Стивен Байерли интересовался. Но произошла автомобильная катастрофа. Жена Байерли погибла. Ему пришлось еще хуже. Его ноги были искалечены, лицо изуродовано, он лишился голоса, пострадала и его психика. Он отказался от пластической операции и стал отшельником. Карьера его погибла, у него остались только разум и руки. Каким-то образом ему удалось раздобыть позитронный мозг, самый сложный, способный решать этические проблемы. А это высшее достижение роботехники. Он вырастил для этого мозга тело. Он сделал из робота все, чем он мог бы быть сам. Он послал его в мир в качестве Стивена Байерли, а сам остался старым учителем-калекой, которого никто никогда не видит…

– К несчастью, – сказал новый мэр, – ударив человека, я все это опроверг. Судя по газетам, ваш официальный приговор гласил, что я человек.

– Как это получилось? Расскажите мне. Это не могло быть случайностью.

– Ну, это была не совсем случайность. Большую часть работы проделал Куинн. Мои люди начали потихоньку распространять слух, что я ни разу в жизни не ударил человека, что я не способен ударить человека, что если я не сделаю этого, когда меня будут провоцировать, то будет точно доказано, что я робот. Поэтому я устроил это дурацкое публичное выступление, вокруг которого была создана такая шумиха, что какой-нибудь осел почти неизбежно должен был клюнуть. По сути дела, это был дешевый трюк. В таких случаях все зависит от искусственно созданной атмосферы. Конечно, эмоциональный эффект обеспечил мое избрание, чего я и добивался.

Сьюзен Кэлвин кивнула.

– Я вижу, вы вторгаетесь в мою область – вероятно, это неизбежно для любого политического деятеля. Но мне жаль, что все вышло именно так. Я люблю роботов. Люблю их гораздо больше, чем людей. Если бы был создан робот, способный стать общественным деятелем, он был бы самым лучшим из них. Следуя Законам Роботехники, он не мог бы причинять людям зла, был бы чужд тирании, подкупа, глупости и предрассудков. А прослужив некоторое время, он ушел бы в отставку, хотя он и бессмертен, – ведь для него было бы немыслимо огорчить людей, дав им понять, что ими управляет робот. Что могло бы быть лучше?

– Разве что роботу все это могло бы оказаться не под силу из-за коренных недостатков позитронного мозга. Ведь такой мозг по своей сложности не может сравниться с человеческим.

– У него были бы советники. Даже человеческий мозг не может управлять без помощников.

Байерли внимательно посмотрел на Сьюзен Кэлвин.

– Почему вы улыбаетесь, доктор Кэлвин?

– Потому что Куинн кое-что упустил из виду.

– Вы хотите сказать, что его версию можно было бы дополнить?

– Да. Одной деталью. Этот Стивен Байерли, о котором говорил мистер Куинн, этот калека перед выборами по каким-то таинственным причинам провел три месяца за городом. Он вернулся как раз к вашему знаменитому выступлению. А ведь он мог и еще раз сделать то, что он уже сделал. Тем более что задача была гораздо проще.

– Я вас не совсем понимаю.

Доктор Кэлвин встала и одернула костюм, собираясь уходить.

– Я хочу сказать, что есть один случай, когда робот может

ударить человека, не нарушив Первого Закона. Только один случай…

– Когда же?

Доктор Кэлвин была уже в дверях. Она спокойно произнесла:

– Когда человек, которого нужно ударить, – другой робот.

Ее худое лицо просияло, на нем появилась широкая улыбка.

– До свидания, мистер Байерли. Надеюсь, что я еще буду голосовать за вас через пять лет – на выборах Координатора.

Стивен Байерли усмехнулся.

– Ну, до этого пока далеко…

Дверь за ней закрылась.

Пораженный, я уставился на нее:

– Это правда?

– До последнего слова, – ответила она.

– И великий Байерли был просто робот?

– О, этого мы никогда не узнаем. Думаю, что да. Но когда он решил умереть, то распорядился, чтобы его тело уничтожили, так что доказать теперь ничего не возможно. И потом – какая разница?

– Ну, знаете…

– Вы тоже разделяете предрассудки против роботов. А зря. Он был очень хорошим мэром…

Разрешимое противоречие (Перевод Н. Сосновской)

Личный кабинет Координатора украшала средневековая диковинка – камин. Правда, положа руку на сердце, вряд ли средневековый житель признал бы в этом устройстве камин. Назначение камина было исключительно декоративным. Мирное, ласковое пламя горело в облицованном асбестом углублении за кварцевым стеклом.

Поленья в камине загорались под воздействием того же лазерного луча, что снабжал энергией весь город. Довольно было простого нажатия кнопки, чтобы освободить камин от золы и снабдить новой порцией топлива. Словом, это был самый мирный, самый укрощенный камин, какой только можно себе представить.

А вот огонь в нем был самый настоящий! Из встроенного динамика доносилось мягкое потрескивание горящих поленьев, сквозь идеально прозрачное стекло было видно само пламя, весело пляшущее в струе подававшегося воздуха.

Координатор сидел лицом к камину, и в толстых стеклах его очков в миниатюре отражалась причудливая игра пламени. То же пламя играло и в зрачках его задумчивых глаз, и в зрачках глаз его гостьи, доктора Сьюзен Кэлвин из «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мен Корпорейшн».

– Вы, наверное, догадываетесь, Сьюзен, что ваш визит носит не только светский характер, – сказал Координатор.

– Конечно, догадываюсь, Стивен, – ответила она.

– Прямо не знаю, с чего начать. С одной стороны, вроде бы не происходит ничего особенного. Но с другой стороны, человечеству может грозить катастрофа.

– Если бы вы знали, Стивен, сколько раз ко мне обращались с подобными проблемами! У меня складывается впечатление, что, так или иначе, все проблемы таковы.

– Правда? Ну что ж, тогда попробуем разобраться в этой… «Всемирная сталелитейная» сообщает о перепроизводстве в размере двадцати тысяч тонн проката. Мексиканский канал отстает от графика ввода в строй на два месяца. Разработки ртути в Альмадене с прошлой весны неуклонно снижают объем добычи, а с гидропонных плантаций в Тяньцзине массовым порядком увольняют персонал. Я назвал первое, что пришло в голову, а фактов таких – полна коробочка.

– А это серьезные отклонения? Я же не экономист, чтобы

судить о последствиях.

– Каждое в отдельности – не слишком. Если ухудшится ситуация в Альмадене, туда можно будет послать специалистов по горному делу. Уволенные гидропонисты могут быть назначены на Яву и Цейлон, если уж в Тяньцзине их стало многовато. Двадцать тысяч тонн проката не покроют и двухдневной мировой потребности, а ввод в строй Мексиканского канала на два месяца позже намеченного срока погоды не делает. Меня волнуют Машины. Я уже побеседовал об этом с вашим руководителем исследовательского отдела.

– С Винсентом Силвером? Он мне ни слова не говорил.

– Я просил его никому не говорить о нашей беседе. Видимо, он меня послушался.

– И что же он вам ответил?

– Если не возражаете, Сьюзен, сначала я хотел бы обсудить с вами ситуацию с Машинами. Я хочу поговорить о них, потому что вы – единственный человек в мире, который настолько хорошо знает роботов, чтобы помочь мне сейчас. Вы не против, если я немного пофилософствую?

– Ради бога, Стивен, я готова выслушать что угодно, при условии, что вы посвятите меня в то, что хотите доказать.

– Ну… Видите ли, незначительные на вид нарушения равновесия в системе производства и потребления, которые я только что перечислил, могут быть первым шагом к последней войне.

– Продолжайте, Стивен.

Сьюзен Кэлвин не позволяла себе расслабиться даже в удобном кресле. Ее холодное лицо, тонкие губы, ровный, без всяких эмоций голос с годами стали еще суше, еще жестче. И хотя Стивен Байерли был единственным человеком, который ей по-настоящему нравился, которому она доверяла, она и с ним вела себя так же, как с остальными, – ведь ей уже перевалило за шестьдесят, а привычки с годами не проходят, а, наоборот, укрепляются.

– Каждая эпоха в развитии человечества, – начал Координатор, – характеризовалась собственным определенным видом конфликтов – набором проблем, которые, как казалось, могли быть разрешены только путем применения силы. И всякий раз, увы, оказывалось, что применение силы вовсе не приносит решения проблемы. Наоборот, противоречие вызывало еще многочисленные конфликты, а потом разрешалось само собой – как говорится, тихой сапой, – по мере того, как изменялись экономические и социальные условия. Потом назревали новые проблемы, и начиналась новая полоса войн – казалось бы, этот

цикл бесконечен. Вспомните сравнительно недавние времена. В шестнадцатом – восемнадцатом столетиях шли бесконечные династические войны, и главным для Европы был вопрос о том, кто будет ею править: Габсбурги или Валуа-Бурбоны. Противоречие было неразрешимым, поскольку считалось, что не может одна половина Европы быть под властью одной династии, а другая половина – другой. Тем не менее именно такая ситуация существовала до Великой французской революции, когда сначала Бурбоны, а вслед за ними и Габсбурги были отправлены на свалку истории. Тогда же Европу раздирали еще более страшные войны – религиозные: они призваны были решить, быть Европе католической или протестантской, поскольку, как считалось, той и другой одновременно она быть не может. И конечно же такое неразрешимое противоречие могло быть урегулировано только огнем и мечом. Однако и тут сила ничего не решила. В Англии началась промышленная революция, а на континенте взяли верх националистические настроения. По сей день Европа наполовину католическая, наполовину протестантская, но это никого не волнует. В девятнадцатом – двадцатом веках разразились националистическо-империалистические войны, и самым важным стал вопрос о переделе мира в борьбе за рынки сбыта и источники сырья между странами Европы. Тогда казалось, что мир не может существовать, не будучи поделенным между Англией, Францией и Германией. Но никакие войны не привели к тому, чего в конце концов добились сами неевропейские страны, когда в них выросли национально-освободительные движения и они решили, что запросто проживут без всякой Европы. Итак, мы имеем четкую картину…

– Да, Стивен, ваши доводы доказательны, хотя и нельзя сказать, что это особенно глубокие умозаключения.

– Неглубокие, согласен. Но, увы, самые очевидные вещи как раз хуже всего и доходят до сознания людей. И вот в двадцатом веке, Сьюзен, началась новая полоса войн. Как их назвать? Идеологические? Не знаю. Религиозные страсти наложились на экономические воззрения, и снова войны стали «неизбежны», и на этот раз на сцену истории вышло атомное оружие. Казалось, человечество не выживет, будет катиться все ниже и ниже под уклон неизбежности. И тогда были созданы позитронные роботы. Они появились как раз вовремя, и примерно тогда же были начаты межпланетные перелеты… И сразу стало совершенно безразлично, кто умнее – Адам Смит или Карл Маркс.

– «Бог из машины» явился – в прямом и переносном смысле, – сухо прокомментировала Сьюзен Кэлвин.

– Никогда раньше не слышал от вас каламбуров, Сьюзен, но

вы правы. Но и теперь мы не гарантированы от опасностей. Разрешение одной проблемы всегда неминуемо влекло за собой появление другой. Наша всемирная роботизированная экономика не застрахована от проблем, и поэтому были созданы Машины. Экономика Земли стабильна и останется стабильной, будучи основанной на решениях Машин, которые производят расчеты и дают рекомендации исходя исключительно из соображений пользы для человечества, руководствуясь при этом Первым Законом Роботехники. И хотя Машины, – продолжал Координатор, – представляют собой сложнейшие конгломераты вычислительной техники, когда-либо существовавшие, тем не менее в свете Первого Закона они – такие же роботы, и потому вся земная экономика существует и развивается в соответствии с жизненными интересами человечества. Население Земли знает, что ему не грозит безработица, перепроизводство, недостаток чего-либо. Нищета, голод – слова из учебников истории. Таким же архаизмом становится и понятие собственности на средства производства. Кто бы ими ни владел (если это еще имеет смысл) – человек, группа людей, нация или все человечество, – любые средства производства могут быть использованы только в соответствии с указаниями Машин. Не потому, что людей принудят поступить так или иначе, а потому, что Машины всегда выбирают самый мудрый, самый оптимальный путь, и люди об этом знают. Это означает, что всем войнам на свете – конец. Если только…

Координатор умолк, и Сьюзен Кэлвин нетерпеливо поторопила его:

– Если только…

– Если только, – закончил Координатор, – Машины не перестанут выполнять свои функции.

– Ясно. Значит, именно этим вы объясняете все эти загадочные неполадки – в сталепрокатной промышленности, гидропонике и так далее?

– Да, Сьюзен. Подобных ошибок не должно быть! Но… доктор Силвер сказал мне, что и не может быть!

– Он что, отрицает очевидное? Не похоже на него.

– Нет, Сьюзен, факты он не отрицает. Я, наверное, не так выразился. Он наотрез отказывается признать, что Машины могут давать неверные ответы. Он утверждает, что Машины устроены так, что сами исправляют собственные ошибки и что наличие ошибки в соединениях и реле может быть следствием лишь нарушения основных законов природы. Но все-таки я ему сказал…

– Но все-таки вы сказали: «Пусть ваши мальчики все проверят

еще разок».

– Сьюзен, вы читаете мои мысли. Именно так я ему и сказал, но он ответил, что это невозможно.

– Что, слишком занят?

– Нет, дело не в этом. Он сказал, что на это не способен ни один человек. Он был со мной откровенен. Он мне объяснил – и я искренне надеюсь, что понял его правильно, – что Машины представляют собой колоссальную экстраполяцию. То есть: бригада математиков несколько лет упорно трудится над созданием позитронного мозга, способного производить определенные расчеты. С помощью результатов этих расчетов они потом создают еще более сложный мозг, который предназначен для произведения еще более сложных расчетов и создания еще более сложного мозга, и так далее. Судя по тому, что мне сказал доктор Силвер, то, что мы называем Машинами, является результатом десяти таких последовательных операций.

– Да-а, дело знакомое, – кивнула Сьюзен. – Какое счастье, что я не математик. Бедный Винсент. Он еще так молод. У руководителей исследовательского отдела до него таких трудностей не было. И у меня тоже. Мне кажется, сегодня роботехники плохо разбираются в своих собственных творениях.

– Пожалуй, вы правы. Машины – это вовсе не простой супермозг, как о них пишут в воскресных приложениях. Ситуация такова, что, собирая и анализируя бесконечное количество данных за немыслимо короткое время, они лишили людей возможности их проверить. Тогда я решил предпринять другую попытку. Я сделал запрос самой Машине. В обстановке строжайшей секретности мы ввели в Машину исходные данные, которые она сама в свое время использовала для принятия решения в области сталепрокатной промышленности, ее собственное решение и информацию о последствиях принятого решения – то бишь о перепроизводстве – и попросили объяснить случившееся.

– Ну, и каков же был ответ? – с нескрываемым интересом спросила Сьюзен Кэлвин.

– Я могу процитировать вам его слово в слово: «Суть дела не подлежит объяснению».

– И что на это сказал Винсент?

– Он сказал, что возможны два варианта. Либо мы не дали Машине достаточно данных, чтобы она могла дать более четкий ответ, что, естественно, маловероятно. Это доктор Силвер сам признал. Либо Машина не захотела признать, что она могла принять на основании введенных данных такое решение, которое, противореча Первому Закону Роботехники, могло бы нанести

вред людям. А потом доктор Силвер порекомендовал мне посоветоваться с вами.

Сьюзен Кэлвин устало усмехнулась.

– Стара я уже, Стивен. Было время, помните – вы хотели назначить меня руководителем исследовательского отдела, и я отказалась. Я и тогда была немолода, и мне не хотелось брать на себя такую ответственность. Тогда на этот пост пригласили молодого Силвера, и меня это устроило. Но видно, толку мало, раз меня все равно втягивают в эти дела. Позвольте мне, Стивен, изложить свою точку зрения. Проводимые мной исследования действительно касаются поведения роботов в свете Трех Законов Роботехники. В данный момент мы говорим о достигших невероятной сложности вычислительных устройствах. Они – позитронные роботы и, следовательно, повинуются законам. Однако они не являются личностями, то есть функции их чрезвычайно ограниченны. Так и должно быть, поскольку они узкоспециализированы. Это почти не оставляет места для взаимодействия законов, и мой метод исследования тут практически бесполезен. Короче говоря, не думаю, что могу помочь вам, Стивен.

Координатор грустно усмехнулся.

– И все-таки, Сьюзен, позвольте мне рассказать вам остальное. Я изложу свои предположения, а вы тогда, может быть, скажете, насколько все это вероятно с точки зрения робопсихологии.

– Безусловно. Продолжайте.

– Итак, если Машины дают неверные ответы, а ошибаться не могут, остается только одна возможность: им дают неверную информацию! Другими словами, дело не в роботах, а в людях. Так что я отправился в планетарную инспекционную поездку…

– …из которой только что вернулись в Нью-Йорк.

– Да. Это было необходимо, поскольку у нас четыре Машины и каждая из них отвечает за один из регионов Земли. И все четыре дают неверные ответы.

– Ну а вот это как раз совершенно закономерно, Стивен. Если хотя бы одна из Машин дает неверный ответ, ошибутся и остальные три – ведь они функционируют на основании допущения о том, что каждая из них в порядке. Если допущение неверно, и ответы будут неверны.

– Угу… Вот и мне так показалось. А теперь не посмотрите ли вы вместе со мной записи моих бесед с каждым из региональных вице-координаторов? Ах да, чуть не забыл… Приходилось ли вам слышать об организации под названием «Общество защиты прав человека»?

– Ах, эти? Конечно. Они – последователи фундаменталистов, которые в свое время противились тому, чтобы «Ю. С. Роботс» использовала позитронных роботов, мотивируя это неправомерным вытеснением людей с рабочих мест. Теперь, насколько мне известно, Общество защиты прав человека борется с Машинами.

– Да, да, но… В общем, сами увидите. Давайте начнем с Восточного региона.

– Как вам угодно, Стивен.

ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН:
площадь 7 500 000 кв. миль
население 1 700 000 000 человек
столица – Шанхай

Прадед Чинь Солиня погиб в Китайской Республике во время японской интервенции, и никто, кроме его любящих детей, не оплакал его кончину – никто и не знал, где он погиб. Дед Чинь Солиня пережил суровые годы гражданской войны в конце сороковых, но никто, кроме его любящих детей, не знал этого и не интересовался этим.

И все же Чинь Солинь стал региональным вице-координатором, и его заботам было вверено экономическое благосостояние половины населения Земли.

Возможно, именно память о предках побудила Чинь Солиня повесить на стену своего кабинета две карты – их единственное украшение. Одна из них представляла собой старинный, нарисованный от руки план земельного участка площадью в один или два акра. Надписи на карте были сделаны давно вышедшими из употребления иероглифами. На ней были изображены крошечный ручеек и низенькие фанзы – в одной из таких родился дедушка Чиня.

Вторая карта была огромная и современная, с четкими обозначениями и надписями на кириллице. Красная линия границы Восточного региона окружала территории, что были когда-то Китаем, Индией, Бирмой, Индокитаем и Индонезией. Только где-то в уголке древней провинции Сычуань стояла крошечная пометка – никто, кроме Чиня, не заметил бы ее, – там находился земельный надел его далеких предков.

Стоя перед этими картами, Чинь беседовал со Стивеном Байерли на чистейшем английском языке.

– Кому, как не вам, знать, господин Координатор, что моя работа – по большому счету – синекура. Она дает мне определенное общественное положение, а местонахождение моего офиса удобно для администрации, но в остальном – все

делает Машина! Скажите, к примеру, каково ваше мнение о гидропонных установках в Тяньцзине?

– Грандиозно!

– А ведь это только одна из десятков подобных установок, и не самая большая. Шанхай, Калькутта, Батавия, Бангкок… Их множество, и они кормят миллиард семьсот миллионов человек на Востоке.

– Но тем не менее именно в Тяньцзине возникла проблема безработицы. Неужели стало возможным перепроизводство? Трудно поверить, чтобы Азия страдала избытком продуктов питания.

Узкие темные глаза Чиня стали еще уже.

– Нет. До этого пока далеко. Действительно, в последние месяцы в Тяньцзине пришлось закрыть несколько резервуаров, но ничего страшного, уверяю вас. Люди были уволены временно. Те, кто пожелал остаться на работе в области гидропоники, тут же получили направления на работу в Коломбо, на Цейлон: там как раз вступает в строй новая установка.

– И все-таки почему были закрыты резервуары?

Чинь ласково улыбнулся.

– Вероятно, вы не очень хорошо разбираетесь в гидропонике. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Вы северянин, а у вас до сих пор отдают предпочтение выращиванию растений в открытом грунте. На Севере если и задумываются о гидропонике, то считают ее выращиванием растений в химических растворах. В принципе, так оно и есть. Только выращиваем мы не турнепс и не морковку. Все гораздо сложнее, поверьте. Предмет нашего самого большого внимания, продукт, дающий основную массу урожая, – это дрожжи. В настоящее время мы выращиваем более двух тысяч видов дрожжей, и каждый месяц добавляются новые. Основными компонентами питательных сред для выращивания дрожжей являются нитраты и фосфаты. Наряду с ними добавляются микроскопические количества редкоземельных элементов – бора и молибдена, к примеру. Органической составляющей питательных растворов служит сахар, получаемый путем гидролиза целлюлозы. Помимо этого добавляются и другие питательные вещества. Для того чтобы гидропонная индустрия существовала и успешно развивалась, чтобы мы могли кормить почти два миллиарда человек, нам приходится заниматься постоянным восстановлением лесных массивов, следить за работой громадных деревоперерабатывающих комплексов в наших южных джунглях. Нам нужны энергия, сталь и в первую очередь химическое производство.

– Все ясно, кроме последнего. Для чего вам химикаты?

– Видите ли, мистер Байерли, каждый вид дрожжей обладает выраженными особенностями. На сегодняшний день, как я уже сказал, наш ассортимент составляют две тысячи видов. Вы сегодня ели бифштекс – он из дрожжей. Мороженые фрукты на десерт – это тоже дрожжи. Мы ухитрились разработать технологию приготовления дрожжевого раствора, который ни по вкусу, ни по внешнему виду, ни по пищевой ценности не отличается от молока. А ведь именно вкус, больше чем все остальное, делает дрожжевые продукты столь популярными. Именно ради вкуса мы выводим новые искусственные виды, для которых уже не годится основная диета – солевые и сахарные растворы. Одному из этих штаммов нужен биотин, другому – птероилглютаминовая кислота, третьему – еще семнадцать различных аминокислот, а также вся группа витаминов В. Это сложно, но тем не менее эти продукты очень популярны, и мы не можем позволить себе от них отказаться.

Байерли нетерпеливо поерзал в кресле.

– Но… зачем вы мне все это рассказываете?

– Вы же спросили у меня, сэр, почему люди в Тяньцзине остались без работы. Вот я и решил объяснить все подробно, чтобы вы поняли. Дело исключительно в переоборудовании резервуаров для обновления ассортимента. Всю стратегию осуществляет Машина.

– Однако осуществляет несовершенно.

– Видите ли… я бы не стал так говорить. Если учесть, сколько у нас сложностей, если вспомнить, что с каждым днем их все больше… Да, действительно, в Тяньцзине несколько тысяч работников в настоящее время остались без работы. Однако потери вследствие закрытия резервуаров составили не более одной десятой процента от валового продукта. Я считаю, что это…

– Однако в первые годы работы Машины эта цифра не превышала одной тысячной процента.

– Да, но в первые же десять лет после ввода в эксплуатацию Машины мы увеличили объем выпускаемой продукции в двадцать раз! Проблемы становятся все более сложными, и вполне допустимы какие-то ошибки… Хотя…

– Хотя?

– Действительно, имел место довольно странный случай… Есть такой Рама Врасайяна…

– Что с ним стряслось?

– Врасайяна ведал процессом выпаривания рассола для получения йода – дрожжи без него вполне обходятся, но он нужен людям. Так вот, его завод был закрыт.

– В самом деле? И по какой причине?

– Конкуренция – хотите верьте, хотите нет. Одной из основных функций Машины является координация оптимального распределения производственных мощностей. Нельзя же, к примеру, допустить, чтобы какая-то территория плохо снабжалась из-за того, скажем, что процент прибыли не покрывал стоимости транспортных расходов. Точно так же недопустимо, чтобы какая-то территория снабжалась чрезмерно – это ведет к неполной загрузке мощностей или непроизводительной конкуренции. В случае, о котором я вам рассказываю, в том же городе, где работал завод Врасайяны, было начато строительство другого, более современного завода, который был оборудован модернизированной линией экстракции йода.

– И Машина позволила такому случиться?

– Да, конечно. Это как раз неудивительно. Ведь по новой технологии производство будет более эффективным. Гораздо более странно другое: почему Машина не порекомендовала Врасайяне модернизировать собственное производство, установить новую линию экстракции? Ничего страшного, правда, не произошло. На новом заводе Врасайяна получил должность инженера. Он немного проиграл в деньгах, но все-таки пострадал не так уж сильно. Легко нашли работу и рабочие прежнего завода, а старый был переоборудован во что-то полезное, точно не помню. Мы во всем положились на Машину.

– И других жалоб у вас нет?

– Никаких!

ТРОПИЧЕСКИЙ РЕГИОН:
площадь 22 000 000 кв. миль
население 500 000 000 человек
столица – Новый Город

Карта в кабинете Линкольна Нгомы была гораздо более небрежная, чем в шанхайской резиденции Чиня. Границы Тропического региона были очерчены там черным, тут коричневым и простирались вокруг громадных областей, помеченных просто как «джунгли» или «пустыни». Кое-где встречались области, где были надписи типа «Слоны и другие экзотические животные».

Территория Тропического региона была поистине грандиозна. В нее почти целиком входили два континента: вся Южная Америка к северу от Аргентины и вся Африка к югу от Атласских гор. В регион попадала и часть Северной Америки к югу от Рио-Гранде, и даже часть Азии – Аравийский полуостров и Иран. Тропический регион резко отличался от Восточного. Там на

пятнадцати процентах площади земного шара ютилась почти половина человечества, а тут пятнадцать процентов населения земного шара просторно разместилось почти на половине площади планеты.

Но прирост населения был тут весьма заметен. Правда, он происходил в основном за счет иммиграции. И для каждого, кто прибывал в Тропический регион, находилось и место, и дело.

На взгляд Линкольна Нгомы, Байерли был похож на всех иммигрантов с Севера: все белокожие только о том и думают, чтобы усовершенствовать условия внешней среды и сделать ее комфортной. Нгома ощущал почти инстинктивное превосходство. Ему было жаль несчастного бледнокожего, родившегося под лучами холодного северного солнца, – естественное презрение сильного к слабому.

Столица Тропического региона была самым новым городом на Земле, ее так и назвали – Новый Город, и в этом сквозила наивная самоуверенность молодости. Город простирался на прекрасных, плодородных холмах нигерийского нагорья. Из окна кабинета Нгомы открывался чудесный вид. Город утопал в лучах жаркого солнца, играли и переливались струи фонтанов. Радужными красками весело светились крылышки тропических птиц. Наступит ночь – и в непроницаемо черных небесах зажгутся яркие звезды…

Нгома весело рассмеялся. Улыбка обнажила ровные белые зубы. Высокий, чернокожий, темноволосый, он был удивительно красив.

– Ну конечно, – сказал он с легким акцентом на английском. – Мексиканский канал немножко запаздывает. Ну и что? Все равно мы завершим строительство, будьте спокойны, старина.

– Но до недавнего времени строительство шло по графику?

Нгома искоса взглянул на Байерли, неторопливо откусил кончик длинной толстой сигары и зажег ее.

– Это что, официальное расследование, Байерли? Как вас понимать? Что происходит?

– Ничего. Ничего официального. Просто любознательность входит в обязанности Координатора, вот и все.

– Ну что же, старина, если вам действительно просто больше делать нечего, то я вам скажу. Нам всегда не хватает рабочих рук. У нас в тропиках дел по горло. И канал – только одно из них.

– Но разве Машина не предусмотрела объема работ по прокладке канала? Разве не учла всех конкурентных проектов?

Нгома закинул руки за голову и выпустил к потолку несколько колечек синего дыма.

– Она несколько ошиблась.

– И часто она… несколько ошибается?

– Не чаще, чем можно ожидать. Честно говоря, нас это не слишком огорчило, Байерли. Мы вводим данные. Пользуемся полученными результатами, делаем, что нам говорит Машина… Но это просто для удобства, Байерли, просто для экономии усилий. Пришлось бы – обошлись бы и без нее. Может быть, не так хорошо. Может быть, все выходило бы не так быстро… Да нет, справились бы. Мы уверены в себе, Байерли, и в этом весь секрет. В нашем распоряжении – девственная земля, которая ждала наших рук тысячи лет, в то время как в остальной части мира землю друг у друга рвали с кровью в доатомную эру. Нам не нужно питаться дрожжами, как этим беднягам в Восточном регионе, нам не стоит волноваться по поводу загрязнения среды, как вам, северянам. Мы уничтожили муху цеце и малярийных москитов. Люди поняли, что и под нашим жарким солнцем можно жить и трудиться. Мы вырубили джунгли и обрели плодородную землю, мы оросили пустыни и насадили там сады. Мы стали добывать уголь и нефть, обнаружили на своей земле множество других полезных ископаемых. Так не мешайте нам! Это все, чего мы просим у остального мира. Отойдите и не мешайте нам работать!

Байерли, не обращая внимания на эти патетические высказывания, спросил:

– И тем не менее, что же случилось на строительстве канала?

Нгома развел руками:

– Трудности с персоналом.

Покопавшись в стопке бумаг на столе, он попытался найти нужную, но вскоре раздраженно махнул рукой.

– Что-то у меня было такое по этому вопросу, – пробурчал он, – ну да ладно. Как будто, если я правильно помню, там оказалось мало женщин и поэтому трудно было найти рабочих-мужчин. Видимо, никому не пришло в голову предоставить Машине данные о численном соотношении полов.

Тут Нгома откинул голову назад и весело расхохотался. Но быстро стал серьезным. Нахмурив лоб, он воскликнул:

– Погодите-ка! Я вспомнил. Виллафранка! Ну конечно же Виллафранка!

– Виллафранка? – недоуменно переспросил Байерли.

– Франциско Виллафранка. Он был главным инженером строительства. Погодите, сейчас я постараюсь припомнить получше… Что-то там такое случилось. Обвал, что ли? Да. Точно. Обвал. Никто не погиб, насколько я помню, но шуму было много. Просто скандал.

– О?!

– Была какая-то ошибка в его расчетах. По крайней мере, так утверждала Машина. В нее ввели расчетные данные – то, с чего Виллафранка начинал. Ответы вышли совсем другие. Вероятно, в своих расчетах Виллафранка не учел последствий сильных ливней. Или что-то еще в таком духе. Я же, вы понимаете, не инженер. Но как бы то ни было, Виллафранка поднял там страшную бучу. Он клялся и божился, что сначала Машина дала другой ответ, что он в точности выполнял ее указания. А потом он уволился. Мы пытались удержать его – ведь раньше, до этого случая, он работал хорошо, и всякое такое… но, конечно, на более скромной должности… это, безусловно… ошибки нельзя пропускать… это вредит дисциплине… на чем я остановился?

– На том, что вы предложили ему остаться.

– Да. Но он отказался… Короче, в итоге мы отстаем на два месяца. Но, черт подери, это такая ерунда.

Байерли принялся постукивать пальцами по столу.

– Виллафранка винил во всем Машину, не так ли?

– Ну а что ему оставалось делать? Давайте смотреть правде в глаза, Байерли. Мы – люди, и нам от своей натуры никуда не уйти. И потом, вот еще… только что вспомнил. И почему я никогда не могу найти документов, когда они мне нужны? Делопроизводство – ни к черту… В общем, этот Виллафранка состоял в какой-то вашей северной организации. Мексика слишком близко к северу. В этом вся беда.

– Какую организацию вы имеете в виду?

– Кажется, она называется Общество защиты прав человека. Что-то в этом духе. Этот Виллафранка мотался каждый год на конференции в Нью-Йорк. Сборище безобидных сумасшедших. Им не нравятся Машины. Машины, видите ли, губят людскую инициативу! Так что неудивительно, что Виллафранка винил во всем Машину. Лично мне это совершенно непонятно. Разве похоже, что у нас здесь, в Новом Городе, кто-то подавляет людскую инициативу?

А Новый Город весело сверкал в лучах африканского солнца – самое юное создание Homo metropolis.

ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН:
площадь 4 000 000 кв. миль
население 300 000 000 человек
столица – Женева

Европейский регион мало напоминал два предыдущих. По площади он был самым маленьким: его территория не составляла и пятой части площади Тропического региона, а население – и

пятой части Восточного. С географической точки зрения он мало напоминал то, что было доатомной Европой, поскольку в его состав не входили ни европейская часть России, ни Британские острова. Правда, добавилось Средиземноморское побережье Африки и Азии, и, совершив дерзкий прыжок через океан, регион захватывал Аргентину, Чили и Уругвай.

Не было также похоже на то, что Европейский регион сумеет сравняться с другими – даже несмотря на присущую его латиноамериканской части энергичность. Он был единственным из всех регионов планеты, где отмечалось неуклонное снижение численности населения, и только здесь не наблюдалось ни роста производства, ни каких-либо нововведений в области культуры.

– Европа, – изящно грассируя, сказала мадам Жегешовска по-французски, – фактически представляет собой экономический придаток Северного региона. Мы это отлично знаем, но это неважно.

Видимо, отсутствие в ее кабинете карты Европейского региона отражало ее равнодушие к данному вопросу.

– Но тем не менее, – возразил Байерли, – у вас есть собственная Машина, и вы ни в коей мере не должны ощущать экономического давления из-за океана.

– Машина! Ах!

Она пожала своими изящными плечами и улыбнулась, вынимая длинными тонкими пальцами сигарету.

– Европа – спящий мир. И те, кто не успел удрать из нее в Тропики, спят вместе с ней. Сами видите: работа вице-координатора возложена на хрупкие плечи слабой женщины. К счастью, груз не так уж тяжек, да и ждут от меня не слишком многого. Что касается Машины… На что еще она способна, как только на то, чтобы сказать: «Делайте так, как я скажу, и это для вас самое лучшее». А что для нас самое лучшее? Естественно, оставаться экономическим придатком Северного региона. Но ведь все не так ужасно. Войнам конец. Мы живем в мире и покое – а это так приятно после семи тысячелетий сплошных войн. Мы стары, мсье. В наши границы входят области, где когда-то зародилась западная цивилизация: Египет, Месопотамия, Крит, Сирия, Малая Азия и Греция… Но преклонный возраст – вовсе не обязательно несчастный возраст. Это может быть и успокоение, и процветание…

– Возможно, вы правы, – сухо прервал ее Байерли. – По крайней мере, темп жизни тут не такой бешеный, как в других регионах. Атмосфера приятная.

– Правда? А, вот нам и чай принесли. Мсье, вы как любите – со сливками, с сахаром? Пожалуйста.

Она отпила немного чаю и продолжила:

– Ну конечно, атмосфера приятная. А в других местах на Земле продолжается какая-то возня, борьба… Знаете, я нахожу здесь довольно занятную аналогию… Было время – хозяином мира был Рим. Он впитал культуру и цивилизацию порабощенной им Греции. Греции, которая никогда не была единой, которая постепенно раздиралась войнами. Рим объединил Грецию, дал ей мир и возможность жить спокойно, хотя и без славы, заниматься философией и искусством вдали от прогресса и войн. Это было нечто вроде смерти, но смерти спокойной, мирной и долгой – она тянулась с небольшими перерывами целых четыре столетия.

– Да, – прервал ее Байерли, – но Рим в конце концов пал, и наркотическое опьянение развеялось.

– Вы правы, но ведь теперь нет больше варваров, способных растоптать цивилизацию.

– Ах, мадам Жегешовска, мы сами способны стать варварами. Простите, но я вот о чем хотел вас спросить… Добыча ртути в Альмадене сильно упала. Ведь не убывают же запасы скорее, чем ожидалось?

Проницательные серые глаза мадам в упор смотрели на Байерли.

– Варвары – упадок цивилизации – выход из строя Машин. Ход ваших мыслей очевиден, мсье.

– Вы находите? – усмехнулся Байерли. – Ну что ж, пусть будет так, хотя я вовсе не это имел в виду. А вы считаете, альмаденские события связаны с неполадками в работе Машины?

– Вовсе нет. Но я уверена, что так думаете вы. Вы, насколько я знаю, уроженец Северного региона. Офис главного Координатора находится в Нью-Йорке… А я не так давно заметила, что северяне понемногу начинают утрачивать доверие к Машинам. Вы, северяне…

– Мы? – раздраженно прервал ее Байерли. – Кто это – «мы»?

– Вам, вероятно, известно Общество защиты прав человека? Его позиции у вас на севере чрезвычайно сильны, а вот у нас, в старушке Европе, приверженцев вовсе не так много. Европе давно нет никакого дела до защиты чьих бы то ни было прав. Вы, конечно, энергичный северянин, а не континентальный циник.

– Это как-то связано с Альмаденом?

– О да, я думаю именно так. Рудники контролирует концерн «Циннабар» – северная организация со штаб-квартирой в Николаеве. Лично я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из совета директоров «Циннабара» когда-либо консультировался с Машиной, хотя на конференции в прошлом месяце они утверждали, что делали это. У нас, безусловно, не было

возможности их проверить, но я далека от того, чтобы принимать на веру слова северянина, – поймите, я никого не хочу обидеть. Однако я считаю, что все кончится благополучно.

– В каком смысле «благополучно», позвольте поинтересоваться, мадам?

– Надеюсь, мсье, вы понимаете, что те экономические неполадки, которые имели место в Альмадене, хотя и незначительны в сравнении с великими потрясениями прошлого, все-таки нарушили мирное течение нашей жизни и привели к некоторым волнениям в испанской провинции. Концерн «Циннабар» продает свои акции местным жителям, испанцам. Это утешительно, мсье. Если уж мы – экономические вассалы севера, не следует унижать нас, демонстрируя это столь открыто. К тому же нашим людям мы можем больше доверять в плане повиновения рекомендациям Машины.

– Значит, вы уверены, что теперь все будет в порядке?

– Уверена. По крайней мере, в Альмадене.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
площадь 18 000 000 кв. миль
население 800 000 000 человек
столица – Оттава

Положение Северного региона было высоким, как в прямом, так и в переносном смысле. Его географическое положение отлично демонстрировала карта, висевшая на стене оттавского офиса вице-координатора Хирама Маккензи. В самом центре карты красовался Северный полюс. Все приполярные области, включая Скандинавский полуостров и Исландию, входили в Северный регион.

Территорию региона можно было приблизительно разделить на две части. Левая часть карты изображала Северную Америку к северу от Рио-Гранде, а правая – то, что было когда-то Советским Союзом. Вместе они составляли средоточие сил всей планеты в начале атомной эры. Великобритания, располагавшаяся примерно посередине между двумя этими территориями, вклинивалась в Европейский регион, а на самом верху карты, очерченные весьма символически, располагались Австралия и Новая Зеландия.

Никакие изменения последних десятилетий не могли скрыть тот факт, что Северный регион оставался экономическим лидером планеты.

Что-то символическое было даже в том, что из всех карт, которые Байерли видел за время своей инспекционной поездки, только на этой была представлена вся Земля: Север не боялся возможной конкуренции и ни от кого не скрывал своего

превосходства.

– Это невозможно, мистер Байерли, – угрюмо пробурчал Маккензи, потягивая виски. – Насколько мне известно, у вас нет образования роботехника.

– Нет.

– Хмм… Прискорбно то, что такого образования нет ни у Чиня, ни у Нгомы, ни у Жегешовской. Слишком рано люди укрепились во мнении о том, что Координатору достаточно быть всего-навсего хорошим организатором и человеком широкого кругозора, умеющим общаться с людьми. Нет, в наши дни Координатору неплохо было бы и в роботехнике разбираться – простите, я никого не хотел обидеть.

– А никто и не обиделся. Я с вами согласен целиком и полностью.

– Судя по тому, что вы мне успели рассказать, Байерли, я понял, что вас беспокоят наметившиеся в последнее время сбои в мировой экономике. Я не знаю, какие у вас на этот счет предположения, но позволю себе заметить, что в прошлом бывали случаи, когда любопытные глупцы интересовались тем, что было бы, если бы Машине удалось подсунуть неверные данные.

– И что было бы, мистер Маккензи?

– Ну… – Шотландец сложил на груди руки и глубоко вздохнул. – Все данные проходят через сложнейшую систему скрининга, включающую проверку как людьми, так и компьютерами, так что проблема ошибочной информации не должна бы и возникать. Но это теоретически. Людям вообще свойственно ошибаться, кроме того, их можно подкупить, а любая машина не застрахована от механической поломки. Но главное не в этом. То, что мы называем «неверными данными», в действительности представляет собой некую информацию, противоречащую всем остальным известным Машине данным. Это наш единственный критерий для определения того, что правильно, а что нет. И для Машины тоже. Дайте ей, к примеру, задание составить план сельскохозяйственных работ в Айове с учетом того, что средняя температура воздуха в июле там составляет 57 градусов по Фаренгейту[1]. Машина не примет такую команду. Она не даст ответа! И вовсе не потому, что ей окажутся как-то особенно неприятны именно такие цифры, или потому, что решение в принципе невозможно. Просто, по имеющимся у нее данным, вероятность температуры 57 градусов в июле равна нулю. Вот и все. Машина отвергнет такие данные. Единственным способом заставить Машину принять неверные данные является включение их в состав непротиворечивого единого массива информации, и сделано это должно быть

исключительно хитро, тонко – так, чтобы Машина не сумела уловить, что ее обманывают. Либо можно попытаться подсунуть ей такие данные, знания о которых находятся вне компетенции Машины. Первое человеку просто не под силу, а второе… почти не под силу, потому что знания Машины растут с каждой секундой.

Стивен Байерли задумчиво коснулся переносицы двумя пальцами.

– Таким образом, Машину не проведешь. Но тогда как же вы объясните все эти ошибки?

– Дорогой мой Байерли, как видно, вы совершаете обычную ошибку: вы допускаете, что Машина знает все. Позвольте, я опишу вам один случай из личного опыта. В текстильной промышленности высоко ценятся опытные закупщики хлопка. Работа их заключается в следующем: они берут на пробу пучок волокон из случайно выбранного тюка из партии – щупают его, треплют, нюхают, слушают, как он шуршит, пробуют языком – и благодаря таким процедурам в итоге определяют сортность хлопка. Сортов хлопка около дюжины. Закупщик выносит свой приговор, и от этого зависит сумма, на которую заключается сделка. И представьте себе, Байерли, по сей день этих закупщиков нельзя заменить Машиной.

– Но почему? Наверняка ведь анализируемые показатели не слишком сложны для Машины?

– Может быть, и нет. Но о каких показателях вы говорите? Ни один химик-текстильщик не может определить, какие качества хлопка оценивает закупщик, когда щупает пучок волокон. Предположительно он определяет их среднюю длину, насколько они мягки и эластичны, как слипаются, скручиваются одно с другим… Множество признаков, которые опытный закупщик определяет подсознательно, лишь на основании многолетнего опыта. Но *количественная* сторона такой оценки никому не известна. Нет данных, которые можно было бы заложить в Машину. Даже сами закупщики не в силах ничего объяснить. Спросишь, а они скажут: «А ты что, милок, сам не видишь? Так оно чувствуется».

– Понятно.

– И таких случаев не перечесть. Машина – это всего лишь инструмент, способный ускорить прогресс человечества за счет того, что она берет на себя сложнейшие расчеты и их интерпретацию. А задачи, решаемые человеческим мозгом, остаются все теми же: искать новые данные, которые потом можно подвергнуть машинному анализу, и создавать новые теории на их основе. Очень прискорбно, что этого не понимают

скандалисты из Общества защиты прав человека.

– Они против Машин?

– Родись они в другое время, они были бы против математики или письменности. Эти реакционеры заявляют, будто Машины крадут у человека его душу. А я лично как-то не замечаю, чтобы в нашем обществе не было бы места людям талантливым, способным придумывать вопросы и умно задавать их Машине. Наверное, Координатор, если бы таких людей было больше, не возникли бы те сбои, которые вас беспокоят.

ЗЕМЛЯ (включая необитаемый материк – Антарктиду):
площадь 54 000 000 кв. миль (поверхность суши)
население 3 300 000 000 человек
столица – Нью-Йорк

Огонь за кварцевым стеклом догорал, последние язычки пламени вспыхивали над обгоревшими дочерна поленьями.

Координатор тоже весь как-то сник и угас. Голос его звучал тихо, устало.

– Все они принижают важность событий. Ведь нельзя же допустить, что они смеялись надо мной, правда? И все-таки Винсент Силвер уверяет меня в том, что Машины не могут быть неисправны, и я должен ему верить. Хирам Маккензи считает, что принципиально невозможно подсунуть Машине неверные данные, и ему я тоже склонен верить. Но Машины тем не менее ошибаются, и этому я тоже не могу не верить – значит, всему этому все же есть какая-то альтернатива.

Он искоса взглянул на Сьюзен Кэлвин – глаза у нее были закрыты, и казалось, она спала. Тем не менее ее реакция была немедленной:

– Какая именно альтернатива, Стивен?

– Если данные вводятся верные и ответы даются тоже верные, остается еще возможность их игнорировать. Машины не располагают властью навязать исполнение своих рекомендаций.

– Мадам Жегешовска намекала именно на это в отношении Северного региона.

– Конечно.

– Но какова может быть цель неповиновения Машине? Попробуем определить мотив.

– Мотивы для меня как раз очевидны, да и для вас, думаю, тоже. Это попытка раскачать лодку. Ведь пока миром правят Машины, серьезные конфликты, при которых какая-то одна группа получила бы преимущество за счет остального человечества, невозможны. Но если вера в Машины будет

подорвана настолько, что от них придется отказаться, снова возобладает закон джунглей. И такое подозрение нельзя исключить по отношению ни к одному из четырех регионов. Половина населения Земли живет в границах Восточного региона, а в Тропическом сосредоточена почти половина всех природных ресурсов. И тот и другой могут ощущать себя полновластными хозяевами Земли, и каждый из них в свое время испытал унижение со стороны Севера. Вполне логично желать отмщения, правда? Европа, с другой стороны, сохраняет память о былом величии. Она ведь когда-то правила Землей, а ничто так сильно не раздражает, как воспоминания о власти. Но в это трудно поверить. И Востоку, и Тропикам хватает места для экспансии внутри своих собственных границ. И в том и в другом регионе отмечается колоссальный подъем производства. Для военных приготовлений у них попросту нет ни времени, ни свободных рук. А у Европы не осталось ничего, кроме сладких снов. Это, как говорят военные, сухой язык цифр.

– Таким образом, Стивен, – заметила Сьюзен, – вы считаете, что дело в Северном регионе.

– Да, – энергично подхватил Байерли. – Север сейчас сильнее всех и удерживает эти позиции уже почти целое столетие. Но теперь намечается относительное отставание. Место лидера цивилизации могут скоро занять Тропики, а северяне этого боятся. Да, Сьюзен, впервые со времен фараонов Тропики могут выйти вперед. Общество борьбы за права человека – организация северян, вам это известно, и они не делают тайны из своей войны с Машинами… Сьюзен, их немного, но эта организация объединяет могущественных людей. Управляющие фабрик, директора заводов и крупных сельскохозяйственных комплексов, которые больше не хотят быть, по их словам, «мальчиками на побегушках при Машинах». Люди в Обществе амбициозны, эгоистичны. Они чувствуют себя достаточно сильными для того, чтобы принимать решения к собственной выгоде, а не быть вынужденными заботиться о благе других. Короче говоря, это те самые люди, которые, решив дружно отказываться от советов, даваемых Машинами, могут очень скоро перевернуть мир вверх дном. Все сходится, Сьюзен. Пятеро членов совета директоров «Всемирной сталелитейной» являются членами Общества, и во «Всемирной сталелитейной» отмечено перепроизводство. Концерн «Циннабар», ведавший добычей ртути в Альмадене, был северной компанией. Его отчетная документация пока не изучена до конца, но уже выяснено, что по крайней мере один из его сотрудников был членом Общества. Франческо Виллафранка, который ухитрился в одиночку добиться отсрочки ввода в строй

Мексиканского канала, тоже был членом Общества, это мы уже знаем. Как, впрочем, и Рама Врасайяна, что меня вовсе не удивило.

– Да, но все они финансово пострадали на этом, – спокойно сказала Сьюзен Кэлвин.

– Естественно. Отвергнуть рекомендацию Машины – значит выбрать проигрышный вариант. Это та цена, которую им приходится платить. Но в той неразберихе, которую они надеются спровоцировать, они рассчитывают поправить дела.

– Ну, и что же вы собираетесь предпринять, Стивен?

– Время дорого, Сьюзен. Поэтому я и тороплюсь. Я собираюсь настоять на том, чтобы Общество было объявлено вне закона и все его члены удалены с ответственных постов. Претенденты на любую сколько-нибудь ответственную должность должны будут давать присягу об отказе от поддержки Общества. Это, конечно, в какой-то мере ущемит гражданские права, но я уверен, что Конгресс…

– Это ничего не даст.

– Что? Почему? – оторопело уставился на нее Байерли.

– Позволю себе сделать предсказание. Если вы попытаетесь это осуществить, то встретитесь с препятствиями на каждом шагу. Вы не сможете продолжать работать. Любое продвижение в этом направлении будет сопровождаться неприятностями.

Байерли был совершенно обескуражен.

– Я не ожидал услышать это от вас. Я рассчитывал на вашу поддержку.

– Но это невозможно, Стивен! Все ваши выводы основаны на неверных допущениях. Вы признали, что Машина не может ошибаться, признали, что и неверные данные ей подсунуть невозможно. А теперь я готова доказать, что и не повиноваться Машине, как это, на ваш взгляд, делает Общество, тоже невозможно.

– С этим я совершенно не согласен.

– Тогда слушайте. Каждое действие любого ответственного лица, не согласующееся с рекомендациями Машины, становится ей известно и учитывается при решении очередной проблемы. Машине, таким образом, становится известна склонность данного лица к неповиновению. Машина может даже количественно оценить последствия этого, то есть предвидеть, в какой степени и в каком направлении ее рекомендации будут нарушены. И последующий ответ Машины будет, естественно, скорректирован таким образом, чтобы непослушание данного исполнителя автоматически привело к оптимальным результатам. *Машина знает,* Стивен!

– Но вы не можете быть в этом уверены. Это просто ваша догадка.

– Догадка, не спорю, но основана она на многолетнем опыте работы с роботами. И будет лучше, если вы положитесь на эту догадку, Стивен!

– Но что же тогда получается? С Машинами, как и с вводимыми в них данными, все в порядке. Не слушаться их, как вы говорите, тоже невозможно. Но что же тогда не в порядке?

– Вы сами ответили на свой вопрос. *Все в порядке*. Задумайтесь немного о самих Машинах, Стивен. Они роботы и повинуются Первому Закону. Но Машина призвана заботиться не об отдельном человеке, а обо всем человечестве. Следовательно, для них Первый Закон должен звучать так: «Ни одна Машина не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред». Отлично. А теперь, Стивен, давайте зададим себе вопрос: какой вред может быть причинен человечеству? Что ему грозит? Больше всего – нарушения баланса в экономике, по какой бы то ни было причине. Не так ли?

– Так.

– А из-за чего могут возникнуть самые большие нарушения баланса в экономике, Стивен? Попробуйте ответить.

– Ну… – неохотно начал Стивен, – пожалуй, из-за разрушения Машин. Я бы так сказал.

– И я бы так сказала. Именно так и должны отвечать себе на этот вопрос сами Машины. Их первейшей задачей, стало быть, становится самосохранение, но ради нас. Именно поэтому они незаметно взяли под контроль тех людей, которые могли бы им угрожать. Вовсе не Общество защиты прав человека раскачивает лодку, чтобы в конце концов добиться демонтажа Машин. Вы смотрели на обратную сторону картины. Гораздо правильней будет сказать, что это сами Машины раскачивают лодку – не сильно, ровно настолько, чтобы стряхнуть за борт тех, кто преследует цели, которые Машинам представляются опасными для человечества. Итак: Врасайяна остался без завода и получил другую работу, где он не может причинить вреда. Он не очень пострадал, он не лишился средств к существованию, ведь Машина в принципе не может нанести человеку вред, разве что самый минимальный, и то – в интересах всего человечества. Концерн «Циннабар» утрачивает контроль над альмаденскими рудниками. Виллафранка уволен с поста главного инженера строительства канала. А директора «Всемирной сталелитейной» уже утрачивают руководящие позиции в промышленности – и очень скоро потеряют их совсем.

– Но вы же ничего этого не знаете наверняка, – упорствовал Байерли. – Разве можем мы рисковать и действовать на основе одних только предположений?

– Не только можете, но и должны. Помните тот ответ, который дала сама Машина на ваш запрос? Он звучал так: «Суть дела не подлежит объяснению». Правильно? Ведь Машина не сказала, что объяснения нет или что она не может его найти. Она просто не собиралась ничего объяснять. Никому. Другими словами, она решила, что знать суть дела человечеству не нужно и опасно. Поэтому нам остается одно: положиться на свои догадки.

– Но какой же вред был бы в том, чтобы Машина все нам объяснила? Конечно, если допустить, что вы правы.

– Если я права, то это значит, что Машина продумывает за нас наше будущее не только в плане выдачи корректных ответов на корректно заданные вопросы, но также принимает стратегические для развития человечества решения и учитывает человеческую психологию. Знание об этом может сделать нас несчастными и ранить нашу гордость, а этого Машина допустить не может. Она *не должна* делать нас несчастными. И потом, Стивен, разве мы можем знать, что для человечества хорошо, а что плохо? В нашем распоряжении нет и крупицы всех тех данных, которыми располагает Машина! Ну, вот известный пример: разве развитие нашей технической цивилизации не принесло больше горя и страданий, чем были им уничтожены? Очень может быть, что примитивная аграрная цивилизация, с более низким уровнем культуры и меньшей численностью населения, была бы предпочтительнее. Кто знает? Если это так, то именно в таком направлении Машины будут нас подталкивать, ни в коем случае не сообщая нам об этом, потому что мы невежественны, мы заражены предрассудками, мы считаем благом только то, к чему привыкли. С любыми переменами мы тут же начнем отчаянную борьбу. А может быть, для человечества лучше полная урбанизация, или кастовое сообщество, или абсолютная анархия. Мы этого не знаем. Знают только Машины, и они двигаются в этом направлении, ведя нас за собой.

– Ваши слова, Сьюзен, означают, что Общество борьбы за права человека не ошибается и что человечество утратило право принимать решения о собственном будущем?

– А у него никогда и не было такого права. Будущее в конце концов всегда определялось экономическими и социальными силами – какими именно, человечество не понимало: то ли особенностями климата, то ли удачами в войнах. Это все теперь понятно Машинам, и никто не может помешать им, поскольку

Машины держат в своих руках эти силы, как они держат и Общество. Для этого они располагают самым мощным оружием – абсолютным контролем над нашей экономикой.

– Как это ужасно!

– Наоборот! Как это прекрасно! Подумайте только, ведь теперь впервые за всю историю человечества все противоречия разрешимы, всех конфликтов можно избежать. И только Машины, на все времена, неизбежны!

Как раз в этот момент огонь за кварцевым стеклом угас окончательно, и лишь тонкая струйка синего дыма осталась там, где он только что горел.

* * *

– Вот и все, – произнесла Сьюзен Кэлвин, вставая. – Я видела, как все это начиналось, – с того времени, когда бедные роботы еще не умели говорить. Больше я уже ничего не увижу. Моя жизнь окончена. Вам предстоит увидеть, что будет дальше.

Я больше не видел Сьюзен Кэлвин. Месяц назад она умерла.

Об авторе

Айзек Азимов
1920–1992

Родился в Советской России близ Смоленска. Через три года его родители эмигрировали в США и поселились в Бруклине, Нью-Йорк.

Азимов экстерном закончил школу и поступил на химический факультет Колумбийского университета. После выпуска преподавал биохимию в медицинской школе Бостонского университета.

В 1939 году он дебютировал в жанре научной фантастики, и с тех пор его имя нераздельно связано с этим жанром литературы. За всю свою легендарную карьеру Азимов написал более 470 различных книг, в том числе научных, популярных и исторических, но больше всего его любят и почитают за фантастические саги «Счастливчик Старр», «Роботы», «Империя» и «Академия». Завоевавший звание «Грандмастера научной фантастики», Айзек Азимов получил пять премий «Хьюго» (1963, 1966, 1973, 1977, 1983) и две премии «Небьюла» (1972, 1976). Его именем назван один из популярнейших американских НФ-журналов – Asimov's Science Fiction and Fantasy.

notes

Примечания

1

14 градусов по Цельсию.